

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

7/2013

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Коллектив редакции приветствует вас, наших постоянных читателей, а также тех, кто впервые подписался на журнал «Искатель».

В сентябре начнется подписная кампания на «Искатель» на 1-е полугодие 2014 года. Включайтесь активнее. Индексы в почтовых каталогах: «Пресса России» — 70424, «Почта России» — 10922, «Роспечать» — 79029.

Пока же вы можете заказать по почте журналы «Детективы Искателя». У вас есть уникальная возможность купить последние (раритетные) номера этого издания. Через некоторое время они значительно поднимутся в цене. Кроме того, будут дороги как память. Журналов осталось всего 200–300 экземпляров. Цена невысокая — 120 руб.

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

7/2013

Николай
БУЯНОВ

3

ТЕНЬ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

повесть

Алексей
ЗАЙЦЕВ

181

КОЛОМБИНА

рассказ

Николай
КОКУХИН

189

СМЕРТЬ ЗА ХРИСТА

рассказ

(414) 2013

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художники	Андрей СИМАНЧУК, Валерия ПОПОВА
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Ново- дмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции	(495) 685-47-06
E-mail	real@iskatel.net office@iskatel.net info@iskatel.net art@iskatel.net
Сайт	www.iskatel.net
Телефоны для размещения	(495) 685-47-06
рекламы	(495) 685-59-01
Служба распространения	(495) 640-21-79
E-mail	mir-isk@mail.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
Издатель
ООО «Либри пэр бамбини»
© «Либри пэр бамбини»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-53928
от 26 апреля 2013 г.

Распространяется во всех регионах России, на территории СНГ и в др. странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

*по Объединенному каталогу
«Пресса России» (карточная система)
70424 — на полгода
по каталогу «Почта России» (карточная
система) 10922 — на полгода*

*по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)
на полгода — 79029*

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Автор получает ответ только в случае,
если рукопись принята к публикации.

Николай БУЯНОВ
ТЕНЬ
СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Поселок, куда по донельзя разбитой колее медленнее пробирались оперативный «УАЗ», назывался Верхняя Труба. Чем руководствовались люди, давшие поселку имя, было неизвестно. Тем более что населенного пункта Нижняя Труба в окрестностях не существовало.

Нужный дом был последним в ряду. Он стоял сразу за поворотом, в том месте, где дорога огибала холм с тремя пожелтевшими березками. Шофер «уазика» наверняка проскочил бы его, кабы не притулившаяся у забора замызганная машина «Скорой помощи». Возле калитки стояли двое: участковый и высокая женщина лет пятидесяти, в платке и рабочем комбинезоне.

Сергеев вылез из машины, сразу погрузившись по щиколотку в разбухшее после дождей месиво, и досадливо чертыхнулся.

— Осторожнее, товарищ капитан, — запоздало проговорил участковый.

Сергеев досадливо отмахнулся.

— Кто обнаружил труп?

— Хозяйка дачи, — участковый указал на женщину.

Та кивнула и пояснила:

— Он тут уж две недели жил. Деньги вперед заплатил за месяц...

— За целый месяц? — переспросил Сергеев. — А вас не удивило, что он решил снять дачу осенью? Сезон-то вроде закончился.

Женщина пожала плечами:

— Ну так что ж. Мало ли какие у человека обстоятельства. Вон в прошлом году Семка Дубак со своей мегерой поцапался, так тоже у меня на даче жил, пока не помирились... — Она жалостливо вздохнула: — Может, и этого жена выгнала. Или сам ушел... Мне что? Пусть живет, коли охота.

Сергеев шагнул через порог и огляделся.

Интерьер дома соответствовал экстерьеру: грубоватая простота и благородная непритязательность, стиль «крестьянская изба» в своем апофеозе. Истертый до дыр половичок, разошедшийся кухонный стол у окошка, тарелка с остатками вареной картошки. Хлеб в целлофане, ополовиненная бутылка хорошего коньяка, несколько упаковок сыра, масло, консервы...

Словом, приличный набор продуктов, приготовленный с тем расчетом, чтобы длительное время не показываться людям на глаза.

Труп мужчины на кровати, поверх куцега одеяла, — чуть полноватое лицо с легкой небритостью на подбородке. Так мог бы выглядеть обычный среднерусский доцентик из какого-нибудь дышащего на ладан НИИ. Или разведчик, вынужденный на некоторое время уйти в нелегалы. Или глава финансовой пирамиды, скрывающийся от обманутых вкладчиков.

Однако все это капитан увидел позже, спустя несколько минут. Потому что сначала, буквально с порога, его взгляд с налета врезался в картину, висевшую на стене. Да так и остался в ней, в этой картине.

Картина была вышита на ткани. Капитан Сергеев в ускоренном темпе прошерстил свой внутренний толковый словарь и нашел определение: *гобелен*. Старинный, но сохранившийся, пожалуй, получше, чем дом, давший ему последний приют.

Сергеев обернулся к хозяйке дачи.

— Вам знакома эта вещь?

Женщина истово перекрестилась.

— Упаси боже. Она ж, поди, бешеных денег стоит. Разве я стала бы *такое* на даче хранить?

На гобелене была изображена сцена охоты на тигра. Тигр был полосат, огромен и исполнен приглушенной ярости. Приглушенной до поры до времени: тщедушным охотникам с их смешными кремневыми ружьями ловить здесь, ясно с первого взгляда, было нечего. Тигр слишком превосходил их размерами, силой и мощной аурой смерти, которая его окружала.

Врач цинично ухмыльнулся:

— Да, покойничек, похоже, был большим оригиналом. Снял дачу на отшибе, врезал новый замок, устроил картинную галерею — и «склеил ласты».

— Какова причина смерти? — поморщившись, спросил капитан.

— Почти наверняка отравление. Пена в уголках губ, небольшой отек горла, синюшный носогубный треугольник... Я, пожалуй, возьму остатки еды на анализ. Завтра пришлю заключение.

— Товарищ капитан, — окликнули Сергеева из сеней. — По-моему, вам стоит на это взглянуть...

«Это» оказалось люком в погреб. На вопрос, почему люк расположен не в комнате, а в сенях, словоохотливая хозяйка пояснила: «Муженек так устроил, царство ему небесное. Чтобы, значит, картошку удобнее было таскать. Мы там сроду ничего кроме картошки да лопат и не хранили».

— Сумки, стало быть, тоже не ваши? — спросил Сергеев, указывая на два объемистых баула, извлеченных из погреба.

Баулы были самые обычные, без затей сварганенные из клетчатой клеенки, — такие во множестве таскают по поездкам российские «челноки». Когда сумки перенесли на стол, внутри одной из них отчетливо брякнуло.

— Оружие, что ли? — тихо спросил эксперт.

— Господи, — перекрестилась хозяйка. — Он что же, постоялец-то мой, из энтих... из чеченцев? На лицо-то вроде русский...

— Давай сюда понятых, — распорядился Сергеев.

Молодой оперативник проворно шмыгнул за дверь и вскоре вернулся с теми самыми старухами, которых капитан засек на улице перед домом. Старухи со смесью ужаса и любопытства кивнули хозяйке и уставились на баулы. Эксперт натянул перчатки и осторожно расстегнул «молнию»...

Сверху, прямо под «молнией» лежало оружие — но совсем не то, какое ожидал увидеть капитан. Не хрестоматийный автомат Калашникова, не изящный израильский «Узи», и даже не разобранный на части пулемет «Максим».

Сабля.

Явно старинная, сопоставимая по возрасту с гобеленом. В сафьяновых ножнах серебристо-серого цвета, с массивным золотым эфесом и драгоценным камнем в навершии рукояти.

— Занятная вещица, — промурлыкал эксперт, водя кисточкой по поверхности. — И чистая, как хирургический скальпель. Ни одного отпечатка.

Сергеев взял клинок в руки, борясь с желанием вытянуть его из ножен и махнуть над головой. Подержал, осторожно положил на стол по соседству с большими квадратными часами (*каретные*, всплыло откуда-то определение). За часами расположились предметы помельче: серебряные и золотые портсигары с монограммами, пара табакерок с серебряной инкрустацией, медальоны, драгоценная посуда, кое-что из церков-

ной утвари... Их было множество, этих предметов, и на каждый, как подозревал капитан, можно было приобрести этот дом вместе с огородом и теплицами. На самом дне сумки лежала книга. Большого формата, в тисненном кожаном переплете, снабженная маленькой серебряной застежкой. Капитан вопросительно посмотрел на эксперта.

— Чисто до тошноты, — отозвался тот. — Беритесь смело.

Сергеев задумчиво повертел ее в руках, открыл посередине — там, где, судя по цвету страниц, прежний хозяин открывал ее чаще всего.

«Снежная королева», — прочел Сергеев, продираясь сквозь непривычную старинную орфографию.

— В детство впадаем, Сан Саныч? — участливо поинтересовался эксперт, заметив, что капитан с неподдельным интересом углубился в текст.

— Твое дело — отпечатки искать, — буркнул капитан, не отрываясь от страницы.

На странице располагалась красочная иллюстрация, изображавшая город — тот самый, откуда Кай и Герда начали свое путешествие. Точнее, вид города сверху — такой, каким его видят лишь ласточки и трубочисты: это было царство облаков, остроконечных крыш и ветряных флюгеров. Каждая уважающая себя крыша имела флюгер, их тут было множество, самых разнообразных форм и размеров. Самую высокую крышу венчал флюгер-герольд: юноша с изогнутой трубой у губ, в коротком плаще-тунике и шляпе с длинным роскошным пером. Чья-то рука (скорее всего, детская) нарисовала поверх шляпы с пером красноезвездную буденовку. Капитан Сергеев, разглядывая картинку, усмехнулся: в буденовке герольд смотрелся лучше: она придавала ему мужественности...

«В большом городе, — прочитал он, — где столько домов и людей, что не каждому удавалось отгородить хоть маленькое местечко для собственного садика, и где поэтому большинству жителей приходилось довольствоваться комнатными цветами в горшочках, жили двое детей...»

Глава 1. Герда

За 51 год до финала, Ленинград

«В большом городе, где столько домов и людей, что не каждому удавалось отгородить хоть маленькое местечко для собственного садика, и где поэтому большинству жителей прихо-

дилось довольствоваться комнатными цветами в горшочках, жили двое детей. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра. Родители их жили в мансардах смежных домов. Крыши домов почти сходились, а под выступами их шли водосточные желоба. Стоило шагнуть из какого-нибудь окошка на желоб — и можно было оказаться у окна соседей...»

Кай и Герда — вот как звали этих счастливых детей. Девочка немножко завидовала им: дома, у которых сходились крыши, — это было здорово. Хотя представить себе жизнь, когда вместо собственного сада имеются лишь цветочные горшки на окне, было трудновато. Тем более что у девочки — не книжной, а настоящей — сад как раз имелся. Сад окружал загородную дачу, пожалованную дедушке, академику Владлену Романовичу Добелю, вместе с Государственной премией за вклад в отечественное ракетостроение. К даче вела широкая асфальтовая дорога, по которой валяжно шуршали шинами представительские «ЗИМы» «форды» и скромные «эмки» с охраной, а у обочины стояла темно-зеленая будка, и часовой в синей фуражке отдавал честь.

Можно сказать, дедушка был тем, с кем девочка общалась чаще всего. Мама с утра до вечера пропадала на работе, а папа погиб осенью сорок девятого. Девочка помнила его смутно: в памяти отложился лишь влажный блеск сентября, сильные папины ладони и серый транспортный самолет посреди поля — он все не улетал, этот самолет, он не мог улететь без папы... Хотя лучше бы улетел: так сказала мама при расставании. А папа улыбнулся и ответил: что это ты раскисла? Раз уж меня не убили за четыре года — то теперь-то мы будем жить долго и счастливо. И еще — надо бы подумать о братике для нашей девочки. А мама отвернулась и смахнула слезинку со щеки. А может, это была не слезинка, а дождевая капля — тогда вроде бы моросил дождь...

Да, точно, шел дождь. Папа не обращал на него внимания: он снял фуражку с синим околышем и долго махал ею, стоя у трапа. И улыбался, потому что бояться теперь было нечего. Фашистов давно разгромили, а командировка на Западную Украину — это ведь ненадолго. Какие-то несчастные два месяца. Ты там осторожнее, проворчал дедушка, папин папа. Ты же знаешь, там до сих пор *пошаливают*...

Всю дорогу с аэродрома дедушка и мама наперебой уверяли друг друга, что все будет хорошо и командировка быстро за-

кончится, «мы даже соскучиться не успеем, правда?...». Только почему-то оба старались не встречаться глазами...

Словно оба чувствовали.

Поэтому даже не удивились, когда с Западной Украины пришла похоронка. Всего через каких-то две недели: столько понадобилось «лесным братьям», чтобы выследить папину «эмку» на загородном шоссе и расстрелять из автоматов.

Они не удивились. Просто дедушка тихо-тихо опустился в кресло и отвернулся к окну, а мама... Мама осталась стоять посреди гостиной, комкая в руках казенный конверт с круглым штемпелем. И глаза ее, бывшие до этого ярко-зелеными, вдруг стали прозрачно-серыми и холодными, как у Снежной Королевы из сказки Андерсена. И почти равнодушными. Нет, не равнодушными. Пустыми. Словно дача, заколоченная на зиму.

Папу привезли с Украины в закрытом гробу. Похороны девочка не запомнила — все было непонятно, слегка сумбурно и как-то скомканно, будто наспех. А вечером в их доме состоялись поминки. Пришли гости: профессор Садовников с сыном, невесткой и внуком — ужасно взрослым и рассудительным мальчуганом десяти лет от роду. Девочка звала его Каем (тот, впрочем, не возражал). Потом появился дядя Валя, бывший папин сослуживец, и принес с собой водки. Детей отправили в другую комнату. Девочка попробовала возразить — ей хотелось посидеть за столом вместе с взрослыми, но Кай молча взял ее за руку и увлек за собой. Оказавшись в детской, он моментально, изображая разведчика, приложил ухо к закрытой двери и поманил рукой: делай, мол, как я!

Сквозь стук тарелок и позвякивание рюмок до слуха доносились странноватые, не связанные друг с другом реплики, словно из испорченного радиоприемника: «Жить да жить бы еще... Всю войну прошел, а тут...» — «Что же будет с вашей коллекцией, Владлен Романович? Коля ведь, кажется, был наследником...» — «Оленьке достанется. Она мне как дочь. А потом перейдет внучке...» (Оленька — это мама, сообразила девочка. Ольга Степановна...)

— Считайте, вам крупно повезло, — сказал вдруг дядя Валя хмельным голосом. — Колька-то... Он ведь героем ушел, стержень. Пал смертью храбрых в боях с фашистскими пособниками... А мог бы кончить и по-другому, все к тому катилось. Он и в командировку на Украину сам напросился, никто не тянул. Чужел, видно.

В гостиной на некоторое время воцарилась нехорошая тишина, даже вилки перестали звенеть о тарелки с закуской. Потом профессор Садовников осторожно спросил:

— Ты намекаешь, что Николая могли... *взять*? Нет, нет, глупости. Я не верю...

— А зря. На Кольку готовился *материал*, я видел... Даже сунул туда нос (черт, лучше бы не совал...) Сколько ему оставалось — ну, может, месяц-полтора. Вот он и решил: уж лучше так, чем...

Девочка вздохнула и отошла от двери: дальше слушать было неинтересно. Забравшись с ногами на диван, она взяла с полки любимую книгу. «Снѣжные королева» — значилось на обложке. А ниже стояло:

Сочиненія г-на Г.-Х. Андѣрсена.

Графіческое заведеніе «Родина», Лиговская ул., 114.

Санктъ-Петербургъ, 1901.

Вообще-то девочке не разрешалось брать Книгу самой: это право целиком принадлежало дедушке. В те редкие вечера, когда он не был занят, они с внучкой садились на диван и принимались за чтение. Постепенно девочка выучила Книгу наизусть. Однако не потеряла к ней интереса — наоборот, полюбила еще больше. И принялась выпрашивать ее в подарок с регулярностью часового механизма: на день рождения и День Конституции. Но получила она желаемое, только когда ей исполнилось шесть. Пора уже, сказал дедушка. Скоро в школу пойдет.

Действо в гостиной меж тем продолжалось — незримо, но вполне слышимо. Кто-то хорошо поставленным голосом завел «Лучинушку», остальные подхватили — красиво, хотя и несколько жалостливо. Мальчик фыркнул и отлепился от двери: он не любил жалостливых песен. Ни одна из них не шла ни в какое сравнение с «Каховкой» или «Катюшей». Он подошел к девочке и заглянул через ее плечо.

— Опять читаешь про королеву? Не надоело тебе?

— Не надоело.

Девочка рассматривала иллюстрацию, на которой был нарисован город — тот самый, откуда Кай и Герда начали свое путешествие. Город был изображен сверху — таким, каким его видят лишь ласточки и трубочисты: это было царство облаков, остроконечных крыш и ветряных флюгеров. Каждая уважаю-

шая себя крыша имела флюгер, их тут было множество, самых разнообразных форм и размеров. Самую высокую крышу (очевидно, принадлежавшую городской ратуше) венчал флюгер-герольд: юноша с изогнутой трубой у губ, в коротком плаще-тунике и шляпе с длинным роскошным пером. Садовникову-младшему не понравилась шляпа: он послунял химический карандаш и нарисовал поверх нее буденовку со звездой. Девочка хотела рассердиться: незачем было портить драгоценную Иллюстрацию, но потом передумала. Буденовка шла маленькому герольду — по крайней мере, придавала ему мужественности...

Почему я вспомнила о Кае?

Женщина встала с постели, накинула халатик, прошлепала босыми пятками на кухню и поставила чайник на плиту — просто так, из желания хоть чем-то занять руки. Бодрствовать по ночам было для нее привычным делом: она всегда, сколько себя помнила, страдала бессонницей. В детстве в ее сон бесцеремонно врывается бой часов, стоявших в гостиной. Постепенно девочка привыкла к нему, но он внезапно исчез из ее жизни — как исчезли и гостиная, и сам дом на Одиннадцатой линии Васильевского острова, куда они больше не вернулись.

С тех пор им с мамой приходилось жить во множестве разных домов, где они временно снимали комнаты (камерки под лестницей, закутки, каптерки — одна другой меньше и гнуснее), и всюду девочку сопровождали ночные звуки. Громыхали поезда под окошком, шуршали лапками мыши, пьяные в дым соседи горланили песни — девочку уже ничто не пугало. Звуки присмотрелись к новой знакомой, посовещались и единогласно приняли ее в свою компанию. Теперь она засыпала спокойно и даже позволяла себе улыбаться во сне, если виделось что-то хорошее.

А потом звуки вдруг ушли от нее. Под утро, наспех, как уходит случайный любовник из постели случайной женщины. Она пыталась разыскать их, но поиски всякий раз заканчивались ничем, иначе и быть не могло. Звуки предали ее — как предали до этого книга о Снежной королеве и старые напольные часы в гостиной. А новые, с издевательским именем «Электроника-12М», звуков издавать не умели. Единственное, на что они были способны, — это тарашиться зелеными цифрами в темноте и потихоньку сводить с ума свою хозяйку.

Она встретила Кая спустя много лет, в самом начале нового тысячелетия, когда шла пешком через сквер у Фонтанной площади. Она всегда ходила с работы пешком: во-первых, так посоветовал доктор, а во-вторых, ей просто некуда было спешить.

В сквере, с разрешения городских властей, свили себе гнездо художники и торговцы книгами. Что-то вдруг привлекло ее внимание. Не картины, нет — а человек, который стоял и лениво разглядывал их, засунув руки в карманы.

Он был молод — лет двадцати пяти, не больше. Не худой, но утонченный, уверенный в себе и — странное сочетание — нервный, точно породистый скаковой жеребец. У него были длинные нервные пальцы художника. Или скрипача, или карточного шулера. Нет, подумала женщина, все-таки скрипача. Десять к одному, что скрипач. Он был одет в черные джинсы хорошей фирмы (в этом женщина разбиралась), черный приталенный пиджак и белую водолазку под горло. Женщина несмело протянула руку и коснулась его локтя.

— Извините... Вы Кай?

— Обознались, мамаша, — его губы изогнулись в легкой усмешке. — Вон там, чуть подальше, продаются чудесные сентиментальные романы. И совсем недорого. Рекомендую.

Женщина огорченно поджала губы. Конечно, она обозналась, иначе и быть не могло. Она развернулась и быстро пошла вдоль аллеи — полыхающих драгоценным золотом тонких березок и кряжистых елок, вызывающих мысль о Мавзолее.

Кай. Он исчез из ее маленькой шестилетней жизни в тот день, когда к ним снова пришел дядя Валя, бывший папин сослуживец. Нет, поправилась она, это был не день, а вечер. Вечер через месяц после папиной гибели, даже до положенных сороковин было еще далеко...

По стеклу нервно барабанил дождь. Водяные струи медленно стекали вниз, и город в окне странно кривился, точно в зеркале злого Тролля. Девочка сидела на диване и сердито думала, что Кай не придет, в такую мерзкую погоду его точно не отпустят из дома.

Она радостно взвизгнула, когда в прихожей раздался звонок, и живо бросилась открывать. Однако за дверью ее ждало разочарование, потому что на пороге стояли не мама и не Кай, а дядя Валя, мокрый и блестящий, как город за окном. И нервный, как дождь, барабанивший по стеклу.

— Кто-нибудь из взрослых дома? — отрывисто спросил он, не поздоровавшись.

— Дома, — сказала она. — Дедушка. А мамы еще нет...

— Что ж, — пробормотал он. — Может, оно и к лучшему.

Он не разделся, только снял фуражку и стряхнул с нее воду. И прямо в сапогах протопал в гостиную, после чего толкнул дверь в библиотеку.

Дедушка поднялся из-за письменного стола и с некоторым удивлением посмотрел на гостя.

— Валечка? Вот не ждал, даже не слышал, как ты вошел, уж прости. Может, чайку? Оленька пока на работе...

Дядя Валя покачал головой. Потом нагнулся и легонько шлепнул девочку по мягкому месту.

— Милая, иди поиграй. У нас с Владленом Романовичем взрослый разговор.

«Взрослый разговор»! Она высокомерно фыркнула, дернула косичками и с независимым видом отбыла из библиотеки, прикрыв за собой дверь. Но — тут же прильнула к ней ухом: Кай когда-то научил ее этому наивному способу.

Разговор, однако, показался ей китайской грамотой: она не поняла почти ни слова, кроме того, что дядя Валя сердит, а дедушка почему-то испуган.

— Не тяни, — торопливо проговорил он. — Что-то с Оленькой?

— Профессор Садовников арестован.

Отчетливо скрипнуло кресло: дедушка крикнул и тяжело опустился за письменный стол.

— Арестован... Когда?

— Позавчера.

— Боже мой... Его не было на службе, но я полагал, что он болен, хотел даже послать к нему кого-нибудь из сотрудников... Что он сделал? В чем его обвиняют?

— В чем обычно, — глухо сказал дядя Валя. — Шпионаж, участие в заговоре с целью устранения глав государства... Ну, и еще несколько пунктов, по каждому из которых кроме «вышки» ничего не светит.

Повисла пауза.

— Я не верю, — еле слышно прошептал дедушка. — Паша Садовников... Мы знакомы лет тридцать, он старый партиец, честнейший человек... Валя, ты ведь служишь в органах, имеешь там вес, к тебе прислушиваются... Скажи им, что это ошибка!

— Ваш «честнейший человек» вчера подписал признание в кабинете следователя, — с ледяным, прямо-таки кладбищенским спокойствием произнес дядя Валя. — И назвал вас своим соучастником.

— Что?!

Кресло уже не скрипнуло — гроыхнуло, словно дедушка отшвырнул его.

— Ты соображаешь, что говоришь?! Я не верю тебе. Не верю, что Паша... Покажи мне его признание! Я хочу убедиться, хочу поговорить с ним, посмотреть ему в глаза... — Голос дедушки окреп, взметнулся ввысь — и вдруг оборвался, точно патефонная игла соскочила с пластинки. У них дома был патефон — старинный, в ореховом ящике с потертым лаком и серебряными медальонами по бокам: женщина в длинном платье, беседка, пруд и лебеди. Лебеди девочке нравились особенно, хотя и женщина была неплоха.

— Сколько у меня времени? — почти спокойно спросил дедушка.

— Мало, — сказал дядя Валя. — Максимум сутки. Если бы не я — было бы и того меньше. Я придержал кое-какие документы — те, что проходили через мои руки. Это все, что я смог.

— Спасибо. Хотя то, что ты сделал, — это выше любой благодарности. Я понимаю, ты был другом моего сына...

— Я сделал это не ради вашего сына.

Владлен Романович слегка озадачился.

— Вот как? Что же ты хочешь?

— Сами знаете.

Дед (судя по звуку шагов) прошаркал по комнате и остановился у шкафа с любимым альманахом «Охота в России» и «Словом о полку Игореве» — он всегда, когда размышлял о чем-то, смотрел на потертые корешки своих книг, будто ожидая помощи или совета. И они, должно быть, действительно помогали ему, эти книги, они были мудры и платили любовью за любовь.

— *Коллекция*, — изрек он с сухим трескучим смешком. — Как же я сразу не допер, старый дурень...

Мелодично, но жутковато прозвонили часы, зашипел внутренний механизм — показалось, что вот сейчас, сию секунду, распахнется окно, словно от порыва ветра, и в белом вихре влетит в комнату сама Снежная королева, проигнорировав неподходящий сезон на дворе. И стрельнет в сердце осколком

зеркала. Девочка испуганно прислушалась к себе: нет, вроде нигде не болит... А вот дедушке и дяде Вале, наверное, попало: вон как разговаривают, сердито и непонятно...

— ...Собрание гобеленов восемнадцатого века — вот этот, где сцена охоты на тигра, висел когда-то в спальне Наполеона на острове Святой Елены. Этот гобелен видел великого императора — только вдумайся, Валечка! И даже был посвящен в тайну его смерти... Именная сабля генерала Ермолова — она была у него в руках в битве за Верею... Золотой портсигар, который царь Александр подарил Милорадовичу... Тебе известно, что этот портсигар едва не погиб под обломками дома на Васильевском, в сорок втором? Там жила Анастасия Малех, правнучка Милорадовича. Дом разбомбило, а портсигар я спас.

— Спас, чтобы присвоить себе, да?

— Что ты понимаешь! — выкрикнул дедушка. — Я, я сохранил все это, я собирал по крупицам, вытаскивал из-под бомб, вывозил из блокады... Я спасал ценнейшие свидетельства истории от верной гибели, черт возьми!

— А перед тем выменивал их у полумертвых от голода стариков, — тихо сказал дядя Валя. — За осьмушку мокрого хлеба из отрубей. А иногда и просто так, «безвозмездно», — что они могли тебе сделать, эти доходяги. И Садовникова ты обворовал точно так же.

— Я принес Паше хлеба. Целую буханку. Я подарил ему жизнь — неужели это не стоило какой-то железки, плевать кому принадлежавшей? — потухше произнес Владлен Романович. — Я ходил за ним, как за ребенком, кормил с ложечки, подчищал дерьмо, отправил его семью в эвакуацию — сам-то он уезжать отказался, патриот хренов, заявил, что желает умереть вместе с родным городом... Вот только они не умерли — ни город, ни Паша. Выжили, чтобы через семь несчастных лет написать на меня донос. Смешно...

Дядя Валя криво усмехнулся — уголок рта странно дернулся и поплыл вверх, словно у эпилептика.

— Да... Я мечтал о ней многие годы. Во сне видел, когда удавалось засыпать. К Ольге сколько раз подкатывался после смерти Николая, хотел через нее... Но она унизила меня. Она предпочла мне — и кого, черт побери! — Кольку Добеля, которого я всегда потихоньку презирал, которого и не считал за человека... Ну ничего. Теперь все будет по-другому. Тебя, ста-

рый хрыч, я уже не спасу — да и кому ты нужен, если по чести. Но коллекция — коллекция моя. А иначе...

— Это ты... — вдруг выдохнул дедушка. — Я понял... Садовников здесь ни при чем, ты сам написал донос. И подтасовал улики — тебе ведь это ничего не стоило. А потом выбил признание, как у вас это делается: чулком с мокрым песком по почкам, да? Чтобы следов на теле не оставалось.

— При чем тут следы? — спокойно сказал дядя Валя. — Следками нынче никого не удивишь. Заключение мог поддаться, или напасть на конвоира в припадке помешательства, или просто споткнуться — лестницы у нас крутоваты. Кстати, чтоб ты знал: женщины иногда страдают сильнее мужчин. Особенно красивые женщины — такие, как Оленька...

Стукнула дверь, и он вышел из библиотеки (девочка едва успела отскочить и юркнуть за широкую спинку кресла).

— Стой!

Дедушка догнал дядю Валю уже в дверях и вцепился в его шинель мертвой хваткой.

— Забирай, — едва дыша прошептал он. — Забирай что хочешь. Только обещай, что с Оленькой ничего не случится.

...Сколько девочка просидела за креслом — ей было неизвестно. Пробыло полчаса, потом девять — но этот промежуток времени никак нельзя было назвать часом, не бывает на свете таких длинных часов. Она почти отчаялась, когда в замке повернулся ключ. Опрометью кинулась в прихожую, с разбега уткнулась головой в мамин живот, даже не поежившись от капелек воды, попавших за шиворот.

— Соскучились без меня? — улыбнулась мама. Она была уставшая и пахла свежим хлебом из булочной, расположенной на первом этаже. — Заболела одна преподавательница, пришлось подменять... Где дедушка?

Но дедушка сам появился на пороге гостиной — уже не согнутый, прямой и строгий, даже торжественный, каким принимал поздравления к своему юбилею.

— Паша Садовников арестован, — глухо сообщил он. Хотел сказать еще что-то, но лишь молча развернулся и ушел в глубь комнаты.

В гостиной они тоже молчали — так и сидели рядышком, вокруг стола, покрытого тяжелой малиновой скатертью с бахромой. Мама ни о чем не спросила — наверное, поняла все сразу.

Владлен Романович меж тем тяжело поднялся, на минуту скрылся в библиотеке и вернулся оттуда с чернильным прибором.

— Пиши, — велел он маме.

Она подняла глаза.

— Что писать?

— «Я, фамилия, имя, отчество (фамилию пиши девичью), вдова капитана НКВД Николая Владиленовича Добеля, павшего смертью храбрых в боях с фашистскими пособниками, отрекаюсь от своего свекра и заявляю...»

— Вы что?! — выдохнула мама, отшатнувшись от стола — словно от живой змеи.

— Замолчи. — Дедушка взял перо, обмакнул его в чернильницу и насильно вложил в мамины пальцы. — Пойми, дурочка, я человек конченный. А ты должна спастись. Ради моей внучки.

На маминых глазах появились слезы.

— Я не могу...

Дедушка вдруг протянул руку и вцепился в мамино плечо, точно железными клещами. И глаза его сделались совсем белыми, почти безумными.

— Можешь. Ты должна сделать все, чтобы выжить. А главное — дочку на ноги поставь. И расскажи ей, когда она вырастет... Расскажи обо всем. О Паше Садовникове. О Валентине. О том горе, что он принес нашей семье...

Дедушкин голос ослаб, он отвернулся к стене и пробормотал, будто про себя:

— Подумать только, он стоял здесь, рядом со мной. Я мог дотянуться до его горла — и никто бы меня не остановил. Но это ударило бы по тебе — и я не сумел.

Он вдруг обернулся и долгим взглядом посмотрел на притихшую внучку. И добавил — уже совсем тихо:

— А она — сумеет. *Когда-нибудь...*

С того момента жизнь девочки круто изменилась. Теперь она представлялась одной сплошной дорогой, ведущей непонятно куда. Девочка даже не представляла себе, как она бывает омерзительна, эта дорога, когда ее так много. Проселочная пыль и пьяный шофер на попутке, грязный вокзал, орущий благим матом общий вагон, дикий полустанок посреди степи, снова проселок и снова пьяный шофер... Они ни-

когда не задерживались подолгу на одном месте. Это превратилось в манию, в навязчивую идею: идти вперед. И мама шла, упрямо поджав губы и волоча за собой рассохшийся чемодан, перевязанный бечевкой. Девочка шла следом за мамой. Иногда она выбивалась из сил, и тогда мама, не произнося ни слова, брала ее за руку. И девочке казалось, что они будут идти вечно — пока не умрут от старости. Или пока не обойдут Земной шар кругом и не вернутся в свой старый дом, только с другой стороны. Или пока...

Глава 2. Ракель

За 3 года до финала

— ...Пока ты не отыщешь своего гения, — сказал Юлий. — Где — это уж твое дело. Хоть в Антарктиде, хоть на американской ядерной базе в Неваде... Он ведь исчезает не впервые, пора бы привыкнуть.

— Найдем, — отозвался Ракель, стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно. — Я уже дал распоряжение своим ребятам. Три дня максимум — и все будет в порядке, гарантирую. Ты же меня знаешь...

— *Сутки*, — раздельно произнес собеседник. — Торжество у меня дома будет через три дня. Приглашены солидные люди. Так что... — Он уронил взгляд на золотой «Ролекс» на запястье. — Московское время восемнадцать ноль-ноль. Если твои ребята не найдут Виндзорова к завтрашнему вечеру — тебе придется заплатить неустойку. Плюс — некоторую сумму за моральный ущерб.

Собеседника Ракеля звали Юлий Валентинович Милушевич. Или — просто Цезарь. Первые робкие шаги в бизнесе он начал делать, будучи скромным сотрудником краеведческого музея. В середине девяностых Юлик стремительно пошел в гору, поднявшись на респектабельном антиквариате и компьютерном оборудовании.

Когда-то, на заре туманной юности, они были очень дружны: Юлик Милушевич, Рудик Изельман и непонятно как попавший в город сын гор Дамир Гусейнов, на раз-два покорявший пугливых студенточек из мединститута имени Бурденко. Одна из медичек, белокурая Машенька Озерова с отделения педиатрии, даже наградила неистового горца очаровательным сыном, Дамиром-младшим. Когда Дамиру-младшему «стукнуло» двадцать три, Юлий, свято чтивший

законы былой дружбы, взял его к себе в службу безопасности. Не забыл он и об остальных: ссудил Дамиру-старшему денег на открытие собственной клиники глазных болезней и купил Рудику Изельману место в крупной продюсерской компании. Компания занималась всем — от раскрутки поп- и рок-команд до организации концертов скрипичной музыки. Ракель специализировался на скрипачах. В подавляющем большинстве скрипачи были серьезные, кротки и здравомыслящи. Однако в любом стаде всегда найдется паршивая овца. Владик Виндзоров, двадцатидвухлетний выпускник «Гнесинки», лауреат «Пальмовой ветви» (Карловы Вары) и «Золотого смычка» (милая старушка Вена), был как раз подобной овцой. Проклятием. Злым гением...

Нет, Владик Виндзоров не напивался, не снимал в барах шлюх и не нюхал кокаин. Однако Ракель готов был терпеть от него все, что угодно, — лишь бы чертов маэстро оставил свою гнусную привычку исчезать неизвестно куда в самый неподходящий момент. В последний раз Владик исчез после гастролей во Франции, где он выступал в рамках конкурса имени Жака Тибо. Исчез ровно за три дня до торжества в загородном особняке Юлика Милушевича (Цезарь намеревался широко праздновать собственное сорокапятилетие, совпавшее со слиянием нескольких мелких фирм под его началом), именно в тот момент, когда успокоенный Ракель ненадолго ослабил бдительность.

Маэстро выступал в концертном зале «Олимпия». И его принимали на «ура». Камерный зал был переполнен, за кулисами толпилась околomuзыкальная общественность, и Ракель устроился в отведенной Владиду гримерной. Он опустился в низкое бархатное кресло, свернулся клубочком и задремал — чутко, как дремлет артиллерист возле орудия, пользуясь минутой затишья.

Его разбудил гул аплодисментов. За аплодисментами последовали возбужденные голоса, и в гримерную с шумом ввалился Владик Виндзоров с драгоценной скрипкой под мышкой и целой цветочной оранжереей в руках. Потом дверь снова приоткрылась, в образовавшуюся щель просочились две особы женского пола, держа наготове программки и шариковые ручки, и бодро залопотали по-французски.

— Вам автограф? — проявил Владик чудеса проницательности. — Заходите, девочки, не стесняйтесь. Кстати, прошу

знакомиться: Рудольф Исаакович Изельман, мой импресарио и в некотором роде ангел-хранитель.

Дамы посмотрели на Рудика и синхронно сделали книксен. Рудик кивнул в ответ, скользнув по обеим равнодушным взглядом... Одной из «девочек» было хорошо за сорок — в своем дурацком алом жакете и такой же пламенной юбке она напоминала списанную из части пожарную машину. Или забытую в вазе давно увядшую гвоздику. Зато ее подруга...

На вид ей было не больше восемнадцати. И если первая напоминала сухую прошлогоднюю гвоздику, то эта вызвала в памяти нежнейшую веточку жасмина. У нее были очень светлые, с едва заметной рыжиной волосы и чуть припухлые губы, тронутые невинной перламутровой помадой. Большие серые глаза и почти незаметные веснушки вокруг очаровательно вздернутого носика — всего по чуть-чуть, словно некто писал портрет, едва касаясь кисточкой поверхности холста. Фея, пронеслось в воспаленном мозгу Ракеля. Настоящая Лесная Фея из сказки Андерсена...

Владик меж тем с трудом отлепил от себя Пожарную Машину и обратил внимание на Фею.

— Как тебя зовут, прелестное дитя? — спросил он.

— Лаура Дассен, — скромно представилась Фея.

Лаура, подумал Ракель. Конечно, ее не могли назвать по-другому. Только Лаурой. Имя, естественное, как кожа после купания. Как лошадь в ночном, посреди пойменного луга. Как двое, напропалую занимающиеся любовью в стоге сена... Поняв, что его поведение вот-вот станет совсем уж неприличным, Ракель выскочил в коридор и прижался пылающим затылком к стене.

Дерьмо. Азохэм вэй, какое дерьмо.

— Вы импресарио? — спросила по-русски Фея, выйдя в коридор. Она говорила с очаровательным акцентом, чуть растягивая последнюю гласную и произнося мягкое «х» вместо «р», отчего ее речь слегка напоминала украинскую.

— В некотором роде, — он с трудом проглотил застрявший в горле снежный ком. — А вы... Вы тоже скрипачка? — для наглядности он поводил туда-сюда воображаемым смычком.

Фея слегка покраснела.

— Еще нет, но... как сказать по-русски... надеюсь стать. Я учусь в Академии искусств. И попутно пытаюсь выучить русский язык. Очень трудно.

Она немного подумала и добавила:

— Жаль, что вы скоро лететь... Лететь домой.

— У нас в распоряжении еще целые сутки, — хрипло сказал Ракель, ужасаясь собственной смелости. — Мы с вами могли бы... То есть я мог бы вас пригласить...

— Владик уже меня пригласил. Я поеду с вами завтра на экскурсию по городу.

Да, чертов Владик умел быть расторопным, когда нужно.

— А после экскурсии, вечером?

Она снова улыбнулась.

— Мне пора. До завтра.

И упорхнула, как и положено Фее — без следа, оставив в коридоре шлейф едва уловимых духов. И ушибленного внешне нахлынувшей страстью Рудика у дверей примерки.

Сиявший на солнце Город Влюбленных не вызвал у Рудика сильного энтузиазма. И это было обидно, если учесть, что о поездке в Париж он мечтал с суровых времен комсомольской юности — в горячечном воображении Ракеля весь Париж представлялся скопищем огней, звезд и фейерверков. Однако действительность оказалась намного прозаичнее. Что-то самозабвенно рассказывала в микрофон пожилая экскурсоводша, манерами и внешностью напоминая карликового пуделя.

После обеда автобус развернулся и двинулся по бульвару Сен-Дени к католической церкви, примыкавшей к Дому Инвалидов, — Ракель уже знал из путеводителя, что в этой церкви покоится прах императора Наполеона. Вот тут-то Пуделиха (так Ракель назвал про себя экскурсоводшу) буквально расцвела.

— Вы не представляете, месье Рудольф (можно, я буду обращаться к вам вот так, без церемоний? А вы можете называть меня Гортензией), какое это было феерическое зрелище — возвращение праха Наполеона на родину... Двадцать лет после смерти он пролежал на Святой Елене, куда его запрятали англичане. И вот наконец в 1840 году... О, это было грандиозное торжество! Кстати, здесь неподалеку живет моя старинная подруга, ее зовут Аника Блонтэ. Она страстная поклонница Бонапарта и хранит дома несколько поистине уникальных вещей той эпохи, и одна из этих вещей принадлежала когда-то самому императору. И даже была уложена в гроб вместе с ним. А еще Аника варит совершенно удивительный кофе по ка-

кому-то восточному рецепту. Мы можем заглянуть туда сегодня вечером, вы не против?

Рудик облегченно улыбнулся:

— Увы, дорогая Гортензия, сегодня вечером я занят. Банкет по случаю окончания гастролей господина Виндзорова: светские обязанности, знаете ли...

Экскурсоводша чуть не подпрыгнула от восторга.

— Господи, я совсем забыла: я ведь тоже приглашена! Один из спонсоров гастролей — муж моей покойной двоюродной сестры... Впрочем, это неважно. Вы будете моим кавалером на этом вечере, месье Рудольф?

В отель вернулись около шести вечера. До начала банкета оставалось еще полтора часа личного времени, и Ракель задремал на диване перед телевизором. А открыв глаза, с удивлением обнаружил в комнате мадам Гортензию. Мадам была занята тем, что ожесточенно трясла Рудика за плечо.

— Месье Рудольф! Вставайте же, месье Рудольф! Где у вас пульт к телевизору? Ее обокрали, представляете?

— Лауру? — почему-то спросил Ракель.

— Какую Лауру? *Анику!* Анику обокрали полтора часа назад!!! Точнее, не ее саму, а ее квартиру.

— Полтора часа? — Рудик вздохнул. — Тогда у меня алиби: я находился с вами в автобусе...

— Никто не говорит о вас... Где же пульт, черт возьми?

Пульт отыскался на диване под подушкой. Гортензия нажала на кнопку, телевизор ожил, и на экране возникла миловидная ведущая, что-то возбужденно тараторящая в микрофон. Справа от нее бронзовым монументом высился мужчина в мятой шляпе и с квадратной нижней челюстью. Либо высокопоставленный бандюхай, решил Рудик, либо полицейский. Скорее, полицейский, учитывая обстоятельства...

— Инспектор Меран из уголовной полиции, — подтвердила Гортензия его догадку. — Сейчас будет давать интервью... Пресвятая дева, Аника ведь только что вернулась из пригорода. Я звонила ей, она в трансе, бедняжка...

— Много денег забрали? — из вежливости поинтересовался Рудик.

— Если бы деньги, — отмахнулась Гортензия. — *Пропал медальон императора!* Помните, я рассказывала, что Аника хранит у себя дома некоторые вещи наполеоновской эпохи? Так

вот, среди них был золотой медальон, принадлежавший самому Бонапарту.

— Тот, с которым его похоронили?

Гортензия кивнула.

— Кто-то из предков Аники привез его с острова. Потом эта вещь передавалась в ее семье из поколения в поколение. А теперь... Даже боюсь представить, что будет, — мадам Гортензия непритворно всхлипнула и прижала к глазам кружевной платочек.

— Не расстраивайтесь, — ободряюще сказал Ракель. — Всплывет ваш медальон через пару лет на каком-нибудь аукционе...

— Что вы, месье Рудольф! Такую вещь с аукциона не продашь. Да и вообще не продашь. Это все равно что... — Гортензия щелкнула пальцами, подбирая сравнение, — все равно что алмаз «Око света».

На банкете Рудик Изельман напился. Самым вульгарным образом, до поросячьего визга. До состояния трупa. До изумления, как сказал бы сволочной Владик, сам никогда не бывавший даже навеселе. Кое-как он сумел добраться до своего номера, после чего улегся под дверью на коврикe и моментально уснул.

Он открыл глаза, когда почувствовал легкую тошноту. И спросил:

— Где мы?

— В самолете, — как ни в чем не бывало ответил Владик. — К Москве подлетаем.

— Черт... — Рудик ожесточенно взлохматил остатки шевелюры. — Стыд-то какой...

— Да бросьте, шеф. Все мы люди, все мы человеки, — сволочной маэстро прямо-таки источал благодущие. Еще бы, подумал Рудик. За те сутки, в течение которых он был исключен из мирового прогресса, Владик успел от души посмеяться над налагавшимся до изумления импресарио...

От Москвы добирались поездом. Ракель, не выходя из затяжного анабиоза, рисовал на стекле невидимые узоры и даже не оглянулся, когда маэстро выразил желание пройтись до вагона-ресторана. Он вспомнил о своем долге спустя часа три — после того, как поезд остановился на каком-то крошечном полустанке. Ракель нахмурился. Уже хренову тучу времени Вла-

дик находился вне поля зрения, и это был вопиющий непорядок. Рудик вылез из купе и отправился вдоль вагона.

В ресторане маэстро не оказалось. Стараясь не поддаваться панике, Рудик на рысях пробежал весь поезд, заглядывая в каждое купе. Его два раза назвали чокнутым и четырнадцать — пархатой жидовской харей. А подвыпившая компания ряженных казаков (видно, добирались до родимой станции с какого-то шабаша: все в военных френчах, подпоясанных портупелями, при штанах с лампасами и почему-то офицерских эполетах) даже пообещала натравить на Рудика активистов общества «Память».

Вот почему гастроли прошли так гладко, подумал Рудик. Вот почему Владик ни разу не заставил своего импресарио покрываться холодным потом и глотать таблетки — он просто усыплял его бдительность. И уснул, черт возьми, исчезнув, как всегда, эффектно, по-цирковому, прихватив лишь свою знаменитую скрипку в черном фибровом чехле. Оставив Рудика с носом и невеселой перспективой объясняться с журналистами на перроне...

Представительский «Мерседес» темным болидом неся по разделительной полосе, отражаясь в мокром после дождя асфальте, прохладный сиреневый вечер, расцвеченный рекламным неоновым светом, врывается в приоткрытые окна — Юлий с великолепным пренебрежением относился к собственной безопасности.

— Мы ищем, ищем, — беспомощно пробормотал Рудик, глядя в пол. — Из всех сил стараемся. Все, что я прошу, — еще сутки. Клянусь...

— Сутки у тебя уже были, — перебил Цезарь. — Теперь все, лимит исчерпан. Я обещал взять с тебя неустойку, но брать деньги с друга детства... — он поморщился. — Однако дружба вовсе не мешает мне разорвать наш контракт. Так что, считай, ты на меня больше не работаешь.

— Слушай, побойся Бога, — пробормотал Ракель. — Я такого не заслужил. В конце концов, можно взять другого скрипача, на Владике свет клином не сошелся. Что такое этот Владик — раскрученное имя, и ничего больше. У меня на примете есть парочка ребят, выпускников «Гнесинки»...

Юлий живо обернулся и пребольно ткнул Ракеля указательным пальцем в грудь.

— Никаких твоих ребят, — проговорил он с расстановкой. — Никаких дел с тобой и твоей убогой конторой. И скрипача я найду сам, без твоей помощи. Толик, дай сигарету.

Литая спина за рулем колыхнулась: Толик похлопал себя по карманам и виновато сказал:

— Кончились, босс.

— Так остановись и сгоняй в киоск. Работнички...

Однако табачные киоски, круглосуточные в обычной жизни, почему-то оказались закрыты. Лишь минут через десять слева мелькнуло некое световое пятно, и Толик затормозил. Световое пятно при ближайшем рассмотрении оказалось подземным пешеходным переходом. Толик резво выскочил из машины и потрусил к лестнице. Отсутствовал он подозрительно долго. А когда вышел из перехода, лицо у него было... Трудно описать его выражение. Ракелю понадобилась целая минута, прежде чем он нашел определение: *обалдевшие-одухотворенные*.

— Где сигареты? — раздраженно спросил Юлий.

— Босс, по-моему, вам надо на это взглянуть.

— Ты что, не можешь толком объяснить?

Толик отчаянно покачал головой. Юлий вздохнул («Ну и денек сегодня...») и вышел из машины.

Подземный переход, тускло освещенный люминесцентными лампами, был почти пуст, только две древние бабки — торговки редиской, луком и детским секонд-хэндом, — споро собирались домой. Словно некий театральный режиссер оставил заключительную сцену своего спектакля-абсурда: ничего лишнего, ничего, что могло бы отвлечь зрителя от главного. Никаких пышных декораций — лишь голая стена, заплесневевший пол и безжизненное нутро коммерческого ларька. Нищета, грязь и убожество, доведенные до абсолюта, а посередине — неясный, почти эфемерный луч света. И одинокая человеческая фигура в центре...

Но главным действующим лицом в этом спектакле все-таки были *звуки*. Иногда мягкие, иногда пронзительные, волнующие и удивительно живые. Это была не классика — скорее, очень искусная композиция в стиле блюз, тонкая, как луч, в пятнышке от которого на полу лежал раскрытый футляр. В футляре были деньги — совсем немного, несколько смятых десятков и маленькая горстка медяков: все, что набросали за день вечно спешащие прохожие. Те две бабульки-торговки наверняка презрительно скривились бы, увидев такую выручку.

Юлий Милушевич не глядя протянул Рудику двести долларов и тихо проговорил:

— Быстро смотайся на рынок, купи букет цветов. Самый большой.

Ракелю понадобилось еще несколько секунд, чтобы осознать смысл приказания и резонно ответить:

— Рынок-то сейчас закрыт, шеф...

— Тогда нарви с клумбы, тебе не привыкать.

— Да, — сказал Ракель и не двинулся с места.

Возле стены, под тусклой лампой, стояла девушка и играла на скрипке.

Глава 3. Егор

Это был блюз. Джек Тигарден, «Осенний вечер в Валенсии» — Егор услышал первый пассаж еще снаружи, подходя к лестнице со стороны улицы Планерной, что примыкала к автовокзалу. Отец рассказывал, что название улица получила благодаря «Обществу красных планеристов», которое заседало когда-то в полуподвале углового дома. Он сам много лет был активным членом этого клуба — наверно, именно благодаря ему Егор заразился небом. И даже стал посещать парашютную секцию, которая действовала на аэродроме. Парашюты нравились Егору больше, чем планеры.

Правда, сам Егор успешно делил свою любовь между небом, рисованием и музыкой. Мама настаивала, чтобы сын занимался фортепиано, хотя он предпочитал модный по тем временам рок-н-ролл и бухающую басами электрогитару — на пленках Элвиса Пресли, Майлза Дэвиса и Гвена Садовски. К рок-н-роллу мама относилась довольно прохладно. К Гвену Садовски тоже: про него писали, что он умер в возрасте двадцати трех лет от передозировки.

В конце концов Егор выбрал живопись. Точнее, живопись выбрали они вдвоем: он и его друг Ромка Заялов. Они вообще класса с третьего все делали вместе: сидели за одной партой, играли в футбол на пустыре позади школы, бегали в музыкалку (отделение фортепиано у Егора, народные инструменты — у Романа) и изостудию. И даже влюбились одновременно в одну девочку, Элечку Веретенникову из параллельного класса. И по очереди таскали за ней портфель...

«Художку» они тоже выбрали вместе.

— Куда двинем? — спросил Роман, на всякий случай захва-

тивший с собой кожаный футляр с балалайкой и папку с эскизами.

Егор пожал плечами. Ромка помедлил минуту и вытащил из кармана монетку достоинством в пять копеек.

— Решка — Рахманинов, орел — Васнецов. Оле?

— Оле, — согласился Егор.

Ромка подбросил монетку, поймал ее и резко припечатал к ладони. Посмотрел и объявил:

— Орел, однако.

— А предки мне пианино собрались покупать, — заметил Егор, нимало не расстроившись. — Целых полгода деньги копили. Пропало теперь пианино.

— Ничего, — утешил Роман. — Путевку на юг приобретут, отдохнут от сыночка. А ты — от них... Ну, двинули?

И они «двинули».

Студенческая жизнь закрутила обоих. Это был свой, совершенно особый мир. — мир ленивой свободы, ленивого сленга и насмешливого взгляда из-под полуопущенных ресниц. Кто не испытал на себе — тот не поймет. Ромка на втором курсе засел за фундаментальный труд под названием «Влияние художников Возрождения на творчество Фрагонара», а Егор...

Егор продолжал рисовать небо. Во всех его проявлениях: в белых облачках, похожих на кусочки ваты и в жутковатых свинцовых тучах, похожих на рассерженных людскими прегрешениями богов. Бархатно-черное, с ярко-белым кругом луны посередине — и бездонное, пронзительно-синее, которое Егор видел во время поездки в Таллинн, небо над городами, и города с высоты птичьего полета...

Таллинн поразил его своей готической романтикой архитектуры, яркими куполами в небе и томным сексом с Кайе Милинейе, девушкой из местной команды по воздушной акробатике. Кайе была длиннонога, светловолоса и меланхолична. Она меланхолично поздравила Егора с третьим местом по прыжкам на точность приземления, поцеловала его в щеку, когда он уезжал, и меланхолично пропела: «Приедешь домой — позвони» — забыв, однако, оставить номер телефона.

Родной город встретил Егора неласково. Небо хмурилось, где-то далеко грохотало, и торопливые прохожие, поглядывая вверх, хмурились в ответ, переходя с шага на собранную рысь. Егор вышел из автобуса у Фонтанной площади. Ему хотелось встретиться с Ромкой — тот время от времени крутился здесь,

что-то выменивая, с кем-то о чем-то договариваясь и помогая художникам продавать картины. Однако на этот раз Романа на месте не оказалось. Ну и зря, подумал Егор, а я-то тебе «пумовский» костюм привез...

Сверкнуло где-то совсем рядом. Воздух пожелтел, запахло озоном, сверху наконец пролилось, да так, что Егор нахлобучил на голову капюшон и проворно юркнул в подземный переход. Отсижусь, подумал он. А там до дома рукой подать. Свой зонтик он безалаберно оставил в гостинице в Таллинне.

Он услышал скрипку уже на лестнице. Точнее, услышал-то он ее раньше, но осознал — только что. И это осознание заставило его остановиться.

Играла девушка.

Она была красива — мягкой, почти домашней красотой, и в то же время очень необычной, какую нечасто встретишь. У нее были изящные кисти рук — это первое, что бросалось в глаза. Тонкие музыкальные пальцы, длинные черные волосы, перехваченные бархатной ленточкой. Большие выразительные глаза светло-голубого оттенка и какое-то совсем простенькое темное платье с белым кружевным воротничком — Егор вдруг очень ясно представил, как она стоит в этом платье на сцене перед строгой комиссией: несколькими скрипичными гранд-дамами и престарелым маэстро с седой гривой и замашками Мефистофеля. Егор неловко полез в карман, вытаскивал несколько смятых десятков и положил в футляр. Девушка улыбнулась и едва заметно кивнула в знак благодарности. Он отвернулся и преувеличенно торопливо пошел прочь, словно вспомнил о совершенно неотложном деле.

С того дня Егор изменил маршрут: теперь от родной Планерной до художественного училища он добирался исключительно через подземный переход, хотя дорога стала длиннее на квартал. Он спускался в этот переход, останавливался возле девушки со скрипкой и клал в футляр деньги. Иногда десять рублей, иногда пятнадцать — в зависимости от того, сколько удавалось сэкономить на обедах в столовке. А потом она сказала:

— Вы так разоритесь. Я заметила: вы за неделю оставили здесь пятьдесят рублей. Не жалко?

Егор усмехнулся:

— А может, я нефтяной магнат? Или владелец автостоянки?

Она рассмеялась, приняв игру.

— Ага, а вашего дядюшку зовут Березовский. Вообще-то я вас знаю. Вы художник, я видела вас с этюдником.

— Скажете тоже, художник... — кашлянул Егор в кулак. — А вы сами? Вы ведь наверняка в консерватории учитесь, не меньше.

— Уже не учусь, — возразила она. — Пришлось уйти после третьего курса.

И вдруг спросила:

— Вы не торопитесь? Подождете меня? Я скоро.

Охота было спрашивать. Он готов был ждать ее до утра. Или до первого снега. Или до конца жизни — он бы и с места не тронулся...

...Как же было просто здорово идти с ней под руку — в никуда, без всякой конкретной цели, в некое путешествие по знакомому и незнакомому городу... Мимо строгого здания театра драмы с белыми колоннами, вдоль Лермонтовского сквера, где бронзовый поэт грустно взирал с постамента, сквозь сильно окультуренный парк с древним колесом обозрения и маленькой кафешкой, притаившейся в некоем подобию каменного грота...

Кафе называлось «Разбитая амфора». Внутри было тихо и почти пусто. С потолка свисали неяркие светильники в виде закопченных латунных плошек. Еле слышно тренькала музыка — будто кто-то лениво пощипывал струны у лютни. Они сели за столик у дальней стены, взяв мороженое в стеклянной вазочке, кофе и два бокала вина («Вино у нас фирменное, изготовленное по древнему рецепту Эллады, подается только в нашем заведении»).

— Напиток прекрасный, но коварный, — предупредил их официант. — Недаром греки разбавляли вино водой. И вам советую...

Они, однако, не удержались и глотнули неразбавленного.

Ее звали чудесным именем Мария. Машенька Беркутова. Мышонок — ласковое мамино-папино прозвище — не от серой шкурки, а просто от имени. Единственный ребенок в семье, в меру обласканный, к восьми годам уже имевший несколько дипломов за участие в скрипичных конкурсах.

Престижная музыкальная школа, училище, оконченное с медалью, поступление в консерваторию (тут маме с папой пришлось поднапрячься: талант талантом, но плату за обуче-

ние никто не отменял... Впрочем, они были людьми небедными). Однажды город посетил известный маэстро из Голландии, послушал «госпожу Марию», пришел в полнейший восторг и стал зазывать к себе на стажировку. Мария согласилась. Снова потребовались деньги — да такие, что родители схватились за голову. Однако — для любимого чада чего не пожалеешь. Стали собирать по друзьям-знакомым, безбожно влезая в долги. Собрали половину нужной суммы, когда погибла мама.

Глупо, нелепо, страшно — под колесами пьяного грузовика. «Ничего, — шептал папа на сыром промозглом кладбище, прижимая к себе дочку и слушая, как комья земли стучат о гроб. — Ничего, мышонок, мы выдержим. Надо только держаться вместе, слышишь? Мама бы этого хотела, ты ведь знаешь, как она тебя любила, мой мышонок, мой единственный, родной, любимый, папочка все сделает для тебя, нужно только держаться, только держаться...»

Он не удержался. Начал спиваться — тихо и незаметно, будто стесняясь. А через год так же тихо и незаметно ушел вслед за мамой — наверное, он ждал этого, даже просил Господа по ночам, когда дочка не слышала, чтобы отпустил его поскорее... И Маша осталась одна.

Сначала пришлось уйти из консерватории. Потом, чтобы расплатиться с долгами, — из квартиры перебраться в общежитие, к подруге по училищу Ляле Верховцевой. Пробовала податься в «челноки», гонять в ближнее зарубежье за шмотками, но однажды на вокзале кто-то увел сумки с товаром. То ли фатовый вор со стороны, то ли свои же «коллеги» по бизнесу. В линейном отделении только усмехнулись: «Вы, девушка, знаете, сколько здесь крадут ежедневно? И у честных граждан, заметьте, не у всяких кровопийц вроде вас». — «Какая же я кровопийца, — робко возразила она. «Такая, такая. Лет десять назад ты бы у меня как миленькая огребла статью за спекуляцию. А теперь — будьте-нате, челноки, мать вашу...»

Она приподняла пустой бокал и посмотрела на Егора сквозь стекло.

— Вот так я и пришла к тому, с чего начинала. К игре на скрипке. В консерватории, правда, было потеплее, и публика другая... Зато в переходе акустика хорошая. И гаммами никто не мучает.

Она знакомо, летяще улыбнулась, а потом, снова став серьезной, попросила:

— Только не жалея меня, ладно? Не люблю этого.

— Бог мой, я и не жалею, — растерялся он. — То есть жалею, конечно, но... Я ведь и сам, в некотором роде...

Он окончательно сбился и нахмурился (хмель толкнулся в виски, но несильно, не так, как «паленка» во времена оные... да он и забыл почти те времена). Хотел что-то сказать, но она накрыла его руку своей и тихо попросила:

— Поздно уже. Проводи меня, ладно?

...До общежития добрались уже в темноте. Оно располагалось на окраине города, в самом конце какого-то Богом забытого Ручейкового проезда, оказавшегося на поверку не проездом, а тупиком. Здание представляло собой вытянутую и изогнутую букву «П» с сильно обветшавшим фасадом. Разбитая асфальтовая дорожка вела к подъезду под узким козырьком. На старом кирпичном крыльце, между ступеньками, торчали головки одуванчиков.

— Вон там, справа, мое окошко, — сказала Мария.

Егор задрал голову и посмотрел. Окошко горело: уютный и нежный оранжевый свет просачивался из-за занавесок.

— Тебя кто-то ждет?

— Ляля Верховцева. Моя подруга по училищу, я тебе рассказывала...

Рассказывала... Да, в самом деле...

Мысли активно заплетались: «Эллада» и впрямь оказалась коварной штукой. Егор потряс головой, надеясь вернуть им стройность, но получил обратный эффект. И, отчего-то хмурясь, спросил:

— Может, пригласишь на кофе?

Мария чуть виновато покачала головой.

— Прости, Егорушка. У нас на входе вахтерша — очень уж строгая дама... В другой раз, хорошо?

— Ладно, — вздохнул он. И вдруг выпалил — ни к селу ни к городу: — Я тебе картину подарю. Хочешь?

— Картину? А про что она будет?

Он зажмурился.

— Про город. Старинный город, много-много черепичных крыш и флюгеров, с высоты птичьего полета. И парашют в небе.

Она улыбнулась и посмотрела на него. И Егор снова почув-

ствовал смущение — как давеча, в их первую встречу. Эта девчонка, кажется, имела способность вводить его в ступор одним своим взглядом. Он неловко потоптался с ноги на ногу и буркнул:

— Ну, я пошел. Встретимся, да? На старом месте?

Она приподнялась на носочки, притянула его к себе и поцеловала в губы — крепко, до соленого привкуса.

Егор едва дождался утра, чтобы приступить к работе над картиной. Трудился он быстро и легко, подчиняясь нахлынувшему вдохновению. Приходил из училища, мыл руки, перехватывал что-нибудь на кухне, переодевался и шел к себе в комнату, к мольберту. Ему очень хотелось успеть к сроку — хотя кто ставил перед ним сроки? До Машиного дня рождения оставалось еще полгода, не говоря уж о Рождестве и Восьмом марта... И все равно не успел, потому что обнаружил в почтовом ящике военкоматовскую повестку.

Сейчас, спустя три года, тот период в его жизни (сборы, мамины слезы и папины наставления) почти стерся из памяти. Осталось лишь некое расплывчатое пятно: шумные проводы на вокзале, в компании таких же, как он, стриженных под ноль призывников, расстроенная гитара, марш «Прощание славянки» из хриплого динамика и надсадный рев магнитофона у Ромки Заялова под мышкой — этот магнитофон Егор привез из Таллинна вместе с целой коробкой кассет с рок-н-роллом...

Кто бы сказал ему тогда, что вскоре он возненавидит рок-н-ролл. Кто бы заикнулся, что небо будет вызывать у него неприятную дрожь в коленках — такую же необъяснимую, как ненависть к музыке на магнитофонных кассетах. Особенно в разгар июля, когда слепящее солнце торчит в зените и воздух мерно колыхается над нагретым асфальтом.

Потому что такое небо — дрожащее от зноя и копоты — было *там*, над Эль-Бахлаком. Маленьким, исключительно грязным городишком в такой же маленькой южной республике, где эмиры, генсеки и президенты сменяли друг друга каждые полторы недели.

Впрочем, сначала, до Эль-Бахлака, были шесть месяцев «учебки» в Фергане. Там их, сто двадцать зеленых новобранцев, с утра до ночи мордовали горными марш-бросками, стрельбами и парашютными прыжками — в таких замысловатых условиях, что мог выдумать только сбежавший из клиники маньяк-извращенец.

В миру маньяк-извращенец носил кличку «майор Свидригайлов», и был он настоящим кошмаром для них, для всех ста двадцати. Больше всего он напоминал старого бойцового краба — громадными волосатыми ручищами и голым шишковатым черепом. И, как и положено крабу, он всегда выглядел угрожающе — даже когда шел в столовую. Или, застегивая на ходу ширинку, вылезал из гальяна. Что уж тогда говорить о занятиях по рукопашному бою (он был мастером пушту и южно-китайского стиля Тигра), о марш-бросках, где он мог загонять любого, лет на двадцать моложе себя...

К Егору майор Свидригайлов относился со сдержанным уважением. В их часть неожиданно нагрянул проверяющий из штаба округа, и Егор вдвоем с Эдиком Авербахом, бывшим до армии актером московского ТЮЗа, сутки напролет в пожарном порядке оформляли красный уголок.

— Талантливые вы, черти, — сказал майор следующим вечером, когда напоенного до бесчувствия проверяющего отправили восвояси. — Вон какую стенгазету отгрохали... Только уж постарайтесь *там*, — он кивнул за окошко, — не переть на рожон. А то знаю я вас, творческих личностей: так и норовите на пулю налететь. Был у меня один... скульптор по профессии. Сваял бюст нашего генерала тому на юбилей. Хороший получился бюст, получше даже, чем оригинал. Генерала, правда, через полгода убрали от нас: он, сволочь, наше оружие продавал «духам». И не какие-нибудь пистолеты-пулеметы: два танка, БТР, три переносных зенитных комплекса... А из бюста ребята потом копилку сделали.

Егор кивнул: копилку он видел собственными глазами, когда разрисовывал красный уголок. Перед визитом проверяющего Свидригайлов распорядился спрятать ее в лопухи у забора, от греха подальше...

— Ну, а скульптор? — спросил Эдик с набитым ртом.

— Подорвался, — сухо ответил майор. — Их грузовик в ущелье наскочил на мину. Десять человек ехали в кузове: у девятиерых ни царапины, а его — башкой о борт, и насмерть. Судьба.

— Судьба, — согласился Егор.

Их подняли за два часа до рассвета — Егор и глаз не успел сомкнуть. Кто-то выматерился вполголоса, торопливо и досадливо, на бегу: опять учения, что ли? Только позавчера же,

мать их... Однако его не поддержали: все каким-то «верхним» чутьем поняли: нет, на этот раз — не учения. На этот раз все по-серьезному. В хмуром молчании, без обычных шуток-прибауток, погрузились в дребезжащий заклепками транспортник и взлетели, успев разглядеть, что везут куда-то через хребет, в сторону границы. Сели через час, на бетонную полосу посреди красновато-черной пустыни и получили команду расположиться в ржавом ангаре. Днем, когда ангар нагрелся до температуры финской бани, вылезли наружу, одуревше обзорева окрестности: пустошь, вышки в колышущемся от зноя воздухе, колючую проволоку и бетонную полосу, по бокам которой, в сухой траве, надрывно и безжизненно, как механизмы, трещали кузнечики.

Ближе к вечеру на «газике» приехал донельзя раздраженный штабной полковник. Угрюмо прошелся по территории, перебросился парой начальственных фраз со Свидригайловым и отбыл, оставив вместо себя обозного солдатики. При солдатыке были термосы с подгоревшей овсянкой и чай, про который все дружно решили, что это теплая верблюжья моча. Видя в глазах подчиненных немой вопрос, майор процедил сквозь зубы:

— Хорошего мало. В Эль-Бахлаке очередная попытка переворота, власть захватил какой-то местный фюрер-экстремист из организации «Черный барс». Его люди блокировали наше представительство, а посла с женой и человек десять журналистов держат в заложниках на телецентре. Требуют немедленного вывода войск и двадцать миллионов баксов контрибуции. Ни на какие переговоры не идут, угрожают взорвать телецентр к чертям собачьим. Генералы пока совещаются, ждут команды из Москвы. Возможно, отдадут приказ штурмовать. Так что, парни, готовность номер ноль.

...Приказ пришел в полночь. К тому времени «барсы» начали убивать заложников — прямо перед телекамерами; вещавшими на всю республику. Егор смотрел передачу по крошечному переносному телевизору, сидя в автобусе в квартале от захваченного здания.

Экран показывал полного рыжебородого мужчину, всклокоченного, в гавайской рубашке и бежевых брюках — из американской «Кроникл», и молодую светловолосую женщину с ладной точеной фигуркой — из молодежной газеты. Оба стояли на коленях, со связанными руками. Американец что-то лопотал без

остановки — наверное, просил оставить ему жизнь. И, должно быть, обещал деньги — черт его знает, возможно, американцы и согласились бы: принципиальность принципиальностью, но если речь идет о жизни соотечественника...

Женщина ничего не говорила, только было видно, как мелко дрожат ее губы и катится по щеке слезинка, похожая на кусочек горного хрусталя. Безжалостная камера показала это крупным планом: уголок глаза и влажную дорожку сверху вниз, чуть более светлую, чем загорелая кожа...

Егор слышал, как шелкнули выстрелы, и они повалились друг на друга — мужчина и женщина, а главный «барс» степенно вышел на середину кадра и спокойно, словно профессор на лекции, повторил свои требования. Егору почудилось, будто «барс» смотрит сквозь камеру прямо на него: а ты, мол, как хотел, старик? Все по-взрослому, и никакого обратного пути.

Ничего, шевельнул Егор одними губами. Я тебя понял... *старичок*. Жди, скоро встретимся. Судя по напряженному молчанию вокруг, остальные думали так же.

Скоро встретимся.

А потом майор прижал пальцем микрофон в ухе, кивнул кому-то невидимому и лаконично бросил:

— Все. Пошли, парни.

Сам штурм Егор помнил плохо. Время будто свернулось в кольцо. Часы стали минутами, минуты вдруг растянулись в бесконечность — стремительный бросок до угла здания, где вжались в стену гротескные фигуры, затянутые в камуфляж, поднятая вверх пятерня майора Свидригайлова: всем внимание, входим на счет «три»...

Вспышка, едкие клубы дыма, еще бросок, вытянувшись горизонтально — вдоль извилистого коридора, вверх по лестнице, снова по коридору, черная фигура справа (Егор на бегу полоснул очередью от бедра — фигура упала), дверь в комнату, где держали заложников... И почему-то громкий и хриплый рок-н-ролл — кто-то из террористов приволок с собой дешевый кассетник и включил в сеть вещания, поднимал себе адреналин в крови, сука...

Все остальное произошло быстро — быстрее, чем это можно описать. Дверь разлетелась в щепки, и Егор, который находился от нее чуть дальше других, опоздал на две секунды. А когда он вбежал внутрь, крики и выстрелы уже смолкли.

Шестеро террористов вповалку лежали на полу, в тех позах, в которых застала смерть — среди поломанной мебели и оседающей цементной пыли. Все, кроме главаря, были в шерстяных масках-шапочках — стоило бы снять их, чтобы взглянуть на лица, но отчего-то никто к ним не притронулся. Предводитель «барсов» лежал отдельно от остальных — на спине, вытянувшись едва ли не по стойке «смирно». Пулевые отверстия прочертили щегольской пиджак наискосок, от ключицы к левому боку, идеально ровной строчкой. Правая рука все еще сжимала тупоносый «Бергман». Вот и встретились, вяло подумал Егор, глядя на труп: холодное лицо с тонким волевым ртом и широко расставленными глазами — вообще красивый мужик, бабы так и липли, поди...

Оставшихся в живых заложников вывели наружу, и здание, где еще недавно шел бой, разом опустело. Лежали лишь тела на полу — но их заберут позже. Единственным живым существом здесь, как ни странно, казался магнитофон, оставленный террористами, — ядовито-желтый китайский кассетник, по-прежнему изрыгавший рок-н-ролл. Его чудом не задела ни одна пуля. Егор постоял возле него — рука так и тянулась выключить, но почему-то он не решался. Вместо этого он вылез в коридор, толкнул какую-то дверь — надо думать, в туалет...

И нос к носу столкнулся с человеком в маске. Последним «барсом», оставшимся в живых, — вот хрень, ведь все здание обшарили сверху донизу, включая сортир, где же он прятался?!

В грудь врезалось что-то стремительное, как комета, — Егор едва успел отпрянуть в сторону и ударить локтем в незащищенное горло: боевик влетел в этот удар, как в шлагбаум, и растянулся на полу. Однако тут же вскочил, завизжав от ярости, и снова бросился в атаку...

Выстрелы ударили откуда-то сбоку и снизу, с лестницы. Террорист дернулся, как марионетка, и повалился ничком прямо на Егора, будто желая прикрыть его своим телом. Егор судорожно забился, сбросил с себя чужое тело (странно, оно было совсем не тяжелым, килограммов пятьдесят, не больше) и откатился в сторону. Майор Свидригайлов, Егоров спаситель, держа оружие наготове, приблизился к «барсу» и присел на корточки. Запустил два пальца под подбородок, потянул вверх, чтобы снять маску, и присвистнул:

— Баба...

Шатаясь, Егор привстал и взглянул в мертвое лицо. Нет, не баба, вломилось в сознание через добрые полминуты. *Девочка.* Никак не старше пятнадцати, вот почему стандартный «калаш» оказался в ее руках уродливым переростком...

— Шахидка, — пробормотал майор и тяжело поднялся, не по-уставному опираясь на автомат, как на палку. — Тайное оружие ислама. Слыхал про такое?

— На лекции в «учебке», — заторможенно ответил Егор.

Подошел Эдик Авербах. Лицо у него было какое-то непри-
вычно застывшее, словно стянутое.

— Они все там, — сказал он без выражения. — Все — *женщины*. Кроме главного. Мы только что осмотрели трупы...

И без сил прислонился затылком к холодной стене.

Надо бы мне тебя ненавидеть, подумал Егор, глядя на мертвую террористку. Вспомнился маленький переносной телевизор в автобусе — и кадр, обошедший позже полмира: мокрая полоска на щеке журналистки — крупно, во весь экран, за секунду до выстрела в висок... Да, ненависть тут была бы уместной. Однако, видимо, в его сознании что-то неправильно замкнулось. Его вдруг пронзила острая жалость — настолько острая, что перехватило горло. Он протянул руку и коснулся лица девочки — чистого, спокойного, даже нежного.

И девочка неожиданно открыла глаза.

В них совсем не было ненависти — только боль. Бесконечная, черная, как черная дыра в дальнем космосе. Как целая россыпь черных дыр на спине и груди — пули майора прошили террористку навывлет. Она хотела что-то сказать, но изо рта вырвался только фонтанчик крови, залил шею и подбородок.

— Она жива! — выкрикнул Егор. — Товарищ майор, надо врача, скорее!

Свидригайлов покачал головой:

— Все равно долго не протянет. И медиков я сюда пустить не могу: вдруг где-то взрывчатка заложена... Ладно, бери ее на руки и неси вниз, там машина «Скорой помощи»... Да заткните кто-нибудь эту шарманку!

Последнее относилось к магнитофону, по-прежнему оравшему на подоконнике. Эдик отлепился от стены и склонился над аппаратом, отыскивая кнопку «стоп». Егор с девочкой на руках стал осторожно спускаться по лестнице. Девочка еще дышала: розовые пузыри надувались и лопались

в уголках посеревших губ, но дыхание становилось все медленнее...

— Потерпи, — сказал он. — Сейчас поедem в больницу, Только не умирай, ладно?

И ему показалось, что она улыбнулась.

Вот только...

Только смотрела она почему-то не на Егора, не на майора Свидригайлова, а на Эдика Авербаха. И в этой улыбке, в огромных черных зрачках — уже предсмертных, подернутых белесым туманом, — вдруг мелькнуло секундное торжество. Совсем как у Ромки Заялова, когда он с пятого захода сдал-таки зачет по классическому рисунку.

Палец Эдика на клавише «стоп»...

— НЕ ТРОГАЙ!!! — заорал Егор. И опоздал.

Вспышка бритвой полоснула по глазам. Раскаленная, как Солнце, как целый миллион солнц, взрывная волна ударила, сбила с ног, закружила в вихре, и он кубарем полетел вниз со ступенек.

«Повезло, — сказал ему врач в госпитале. — Я бы на твоём месте до конца жизни в церковь ходил и свечи перед иконой ставил. Ни одного осколка. Легкое сотрясение, ушибы и царапины можно не считать. Через пару недель будешь бегать как новенький».

«Повезло, — сказал майор Свидригайлов. Он лежал на кровати, в бинтах и дурацкой полосатой пижаме размера на два меньше необходимого. — Скоро выйдешь отсюда — на свободу, как говорится, с чистой совестью. А у меня завтра операция: осколок будут из бедра вынимать. Хирург сказал, ходить буду, а вот в футбол играть — вряд ли. Ну, это мы еще поглядим, кто кого... У тебя курева нет? А то мое сестрички отобрали...»

«Повезло», — сказал Эдик Авербах, которого отправили на родину, запаянного в цинк. Он приходил к Егору в палату почти каждую ночь, едва госпиталь засыпал. Приходил и тихо присаживался на уголок кровати — задумчивый, молчаливый, со слегка рассеянной улыбкой в уголках губ. С этой грустной улыбкой он когда-то играл Арлекина в своем ТЮЗе, и ребята бегали на его спектакли раз по десять, специально чтобы поглядеть на «дядю Эдика» — оказывается, он был талантливым артистом, Эдик Авербах, Артистом с большой буквы, без всяких натяжек...

С тех пор прошло два с половиной года — точнее, два года и семь месяцев. Подземный переход, посреди которого Егор стоял сейчас, был, как и Вселенная, равнодушен ко времени. Даже две бабульки напротив киоска с сигаретами были те же: одна пониже и пошире в талии, другая повыше и с бородавкой на кончике носа. Все было в точности так же, как три года назад (три года, семь месяцев и четыре дня, машинально поправил себя Егор). Все — кроме скрипки.

Скрипки не было.

На всякий случай Егор прошел весь тоннель из конца в конец, словно еще надеясь на что-то... Однако единственным источником звуков, которые с натяжкой можно было принять за музыкальные, был вусмерть пьяный аккордеон с фантастическим репертуаром: «Шумел камыш», «Раз пошли на дело — я и Рабинович» и забывтая нынешним поколением «Взвейтесь кострами...».

Егор постоял в раздумье, и медленно, как во сне, пошел к выходу.

— Ищешь кого-то, сынок? — услышал он сзади и обернулся. Бабулька-торговка, та, что пониже росточком, выжидающе заглядывала ему в лицо.

— Марию, — повторил Егор. — Девушку, которая здесь играла.

— Так ее увезли еще прошлым летом, — с улыбкой доложила бабулька. — А с тех пор она тут и не показывалась... Да заткни ты свою шарманку! — вдруг рявкнула она на аккордеониста, в очередной раз занудившего «Близится эра светлых годов...». — Поговорить с человеком не даст, ирод.

— Увезли? — нахмурился Егор. — Кто?

— Да какой-то хлыщ на ино... ине... Кузьминична, как называется эта дрянь?

— Иномарка, — подсказала вторая старушка, повыше и с бородавкой на кончике носа.

— Вот-вот.

— На какой иномарке? — спросил Егор.

— Да откуда ж я знаю? Пришли, подарили цветы и увезли... Один-то, я помню, сказал, что он... как эта дрянь называется, Кузьминична?

— Продюсер. Который концерты разным знаменитостям устраивает.

— Да ты что? — восхитилась ее подруга. — Значит, наша Машенька — знаменитость?!

— А ты думала. Как она на скрипке-то играла — я такое только по радио слышала...

— Спасибо, — с трудом выговорил Егор и зашагал прочь.

Ему понадобилось изрядное количество времени, чтобы припомнить номер автобуса, имевшего конечной точкой маршрута Ручейковый проезд. И вспомнить нужное имя: Ляля Верховцева, Машенькина соседка по комнате в общежитии — если, конечно, не поменяла жилплощадь за истекший период. Едва ли не последняя надежда хоть что-нибудь разузнать...

Он добрался уже в одиннадцатом часу вечера — и теперь стоял, забившись под узкий козырек подъезда. Ожидание обещало быть долгим: кто ее знает, эту Лялю (Альбину, Алину, Лилию), она девочка взрослая и вовсе не обязана коротать ночь в собственной постели. Однако Егор увидел ее, не успев даже выкурить сигарету. И тут же узнал, хотя никогда не встречал раньше.

Навскидку ей было около двадцати пяти. У нее было очень гладкое, почти кукольное личико: ни единой складки в носогубной области, ни единой морщины на девственно чистом лбу — должно быть, она уйму денег тратила на всякие там кремы, бальзамы, лосьоны... Он шагнул навстречу и спросил:

— Извините, вы Ляля?

Она смерила его надменным взором.

— Кому Ляля, а кому Алевтина Даниловна. Ступай, я убогим не подаю.

— Ну и зря, — примиряюще сказал он. — Благотворительность нынче в моде... Вообще-то я знакомый Марии.

— И что?

— Вы не знаете, как ее найти?

Она снова оглядела Егора с ног до головы, тут же приметив изрядно поношенные брюки, порез на щеке от скверной бритвы и штопку на воротнике рубашки. И сочувственно проговорила:

— Да... Плохи твои дела, парень.

— Что-то не так? — осведомился Егор, почувствовав неожиданную злость. — Носки не в тон?

— Тебе имя Юлий Милушевич ни о чем не говорит?

— Нет. Это наш новый губернатор?

Девушка лениво протянула руку — пальцы у нее были

такие же, как и у Марии: длинные, тонкие, чувственные, — и коснулась его волос возле виска.

— Откуда же ты такой взялся? Не с Луны, часом?

Егор промолчал. Ляля вздохнула и сжалилась:

— Юлий Милушевич — это очень известный антиквар и покровитель искусств. Кроме того, у него с десятка магазинов со всякими там компьютерами-факсами-шмаксами (я в этом, правда, ни в зуб ногой).

— Откуда знаешь?

— Телевизор надо смотреть, — она усмехнулась. — Вообще-то некоторая дремучесть тебе к лицу. Придает индивидуальности. Не хочешь зайти? У меня где-то «Миральва» была припасена...

Свет от лампочки под копеечным зеленым абажуром, как ни странно, делал девушку моложе, снизив возрастной ценз с двадцати пяти лет до двадцати — это Егор обнаружил, мысленно убрав с ее личика пару слоев косметики. Ляля небрежно кинула на диван сумочку, попутно сгребла со стола несколько пустых пакетиков из-под чипсов и скрылась за створкой шкафа («Я переоденусь, о'кей? Только, чур, не подглядывать и рук без команды не распускать»). Вышла уже в шелковом халатике — очень коротком, расшитом разноцветными павлинами по бледно-зеленому полю. Грациозно нагнулась, вынула из холодильника запотевшую бутылку, плеснула в бокал и протянула Егору.

— Будешь?

Он задумчиво взял, повертел в пальцах, чувствуя острое желание надрызгаться до зеленых чертиков.

— У тебя с Машкой что-то было, да? — спросила Ляля.

— Давай лучше сначала об этом... О Юлии Милушевиче. Когда Мария с ним познакомилась?

— Прошлой осенью и познакомилась. У него в компании намечалась вечеринка. Концерт для важных «шишек» и все такое. Никакого варьете, девочек на шесте — только Брамс, Моцарт и «Апассионата» Бетховена. Должен был приехать какой-то известный скрипач, но не приехал. Юлий срочно искал замену.

— Странное место для поисков — подземный переход...

— А, так ты в курсе... По-моему, он это сделал в пику своему еврейчику-импресарио: очень уж тот виновато выглядел.

— Почему виновато?

Она дернула плечиком.

— Ну, наверное, из-за него этот скрипач и не приехал. Юлик разозлился, полез в переход за сигаретами (там сигареты с лотка продают), увидел Машку — и все, каюк. Крышу снесло напрочь. От Машкиной игры у кого угодно крышу снесет. Если, конечно, кто понимает, — она вздохнула с некоторой ностальгической нотой.

А потом вдруг сделала неожиданное. Соскользнула с дивана, полы халата с готовностью распахнулись, обнажив стройные смуглые бедра — черт, когда же она успела загореться, неужто в солярии? — и присела перед Егором на корточки, по-хозяйски положив ему руки на колени.

— А ты сла-авный, — протянула она, глядя на него снизу вверх. — Ты похож на старого сенбернара. Знаешь, у меня был в детстве сенбернар — я каталась на нем верхом и дергала за уши. Представь, он ни разу не зарычал на меня...

— Ну, не такой уж я старый, — оторопело произнес Егор.

— Не старый, а волосы седые...

— Это оттуда, — хмуро сказал он, не вдаваясь в подробности. Однако Ляля поняла.

— Что, отстаивал интересы Родины где-нибудь у черта на рогах? Бедненький ты мой... Скажи, зачем тебе Машка? Думаешь, я хуже?

— Нет, — пробормотал он, чувствуя себя полным идиотом: — То есть, конечно, не хуже, но...

— Я и денег с тебя не возьму... — она рассмеялась. — Черт, похоже, я проговорила.

Она медленно поднялась, подошла к Егору, чуть покачивая бедрами, и уже знакомым жестом коснулась его щеки. Щеку что-то кольнуло. Егор скосил глаза и увидел колечко на безымянном пальце: крошечный голубой александрит в золотом обрамлении. Камешек пересекала тоненькая белая прожилка, похожая на струйку сигаретного дыма в миниатюре.

— Может, останешься?

Егор покачал головой:

— Извини.

— Значит, уходишь. — Ляля взяла сигарету из пачки. — Я Машке давно говорила: с твоими данными, подруга, вполне можно выходить замуж за арабского нефтяного шейха, никак не меньше. А ты? Ты-то что мог ей предложить? Бабушкину

халупу в «хрущевке», на последнем этаже — без мебели и с мольбертом посередине?

— Откуда ты знаешь про мольберт? — буркнул уязвленный Егор.

— А у тебя на ладони пятнышко от краски, — объяснила она исчерпывающе.

Утро радостно просемафорило Егору головной болью и ключей сухостью во рту. Он с трудом разлепил веки, взглянул на «ходики» на стене... Мать твою, одиннадцатый час, Ромка давно ждет на площади. Голову мне оторвет, когда явлюсь.

Роман прохаживался перед фонтаном, охраняя картины: три Егоровых и две своих собственных, два бесхитростных деревенских пейзажа — зимний и летний. Солнце припекало, и он был в бриджах, тельняшке и ярко-красной бандане, что вкупе с угольно-черной бородой придавало ему вид флибустьера, который выбрался на сушу спустить в ближайшем кабаке часть награбленного золота.

— Поздненько ты нынче, — ехидно заметил он вместо приветствия.

— Извини, — покаянно откликнулся Егор. — Вчера, понимаешь...

— Вижу, не слепой, — Роман критически оглядел приятеля с ног до головы. — Хоть бы причесался, а то чучело чучелом. Расческу-то не пропил еще?

— С каких это пор ты...

— С таких, — перебил он. — Тебя, между прочим, все утро дама ждет.

— Дама? — равнодушно переспросил Егор.

Роман указал подбородком куда-то за его спину. Егор нехотя оглянулся.

И увидел Марию.

Глава 4. Перекресток

— Здравствуй, — сказала Мария. И посмотрела на Егора снизу вверх.

Он не сумел ответить сразу. Дыхание внезапно перехватило, будто у боксера, пропустившего удар на ринге, ослабили колени и отчаянно зашумело в ушах — Егоровы внутренние органы отреагировали на Марию быстрее самого Егора.

— Здравствуй, — наконец произнес он. — А ты изменилась.

- Да?
- Да. Была симпатичной девушкой, а стала...
- Кем? — спросила она.
- Стала красивой женщиной. Хотя это звучит банально.

Она улыбнулась — очень знакомой улыбкой, немножко наивной, немножко грустной и подкупающе доверчивой. Да, глаза и улыбка — вот то, что осталось неизменным со времен прошлой жизни. Зато все остальное...

Волосы, к примеру, лежали несколько иначе. Неуловимо, но ощутимо иначе, наглядно демонстрируя разницу между парикмахерской районного Дома быта и салоном красоты для VIP-персон. Чуть тронутые дорогой помадой губы, чуть тронутые дорогой тушью ресницы, изысканный лайковый пиджак, блузка нежнейших кремовых тонов, кулон старинной работы на тонкой золотой цепочке, короткая облегающая юбка и белоснежные туфли-«лодочки» — Егор, отнюдь не считавший себя знатоком женских шмоток, сумел оценить их элегантную простоту. Простоту, которая стоит денег. Ему сразу стало неловко за свои стоптанные кроссовки и поношенную куртку. И за практически вечное несмываемое пятнышко от краски на правой ладони, из-за которого проницательная Лялечка окрестила его «свободным художником». Хорошо, за маляра не приняла...

— Давно меня ждешь? — спросил он, чтобы что-то спросить.

— Не очень. Я смотрела картины.

Егор скосил глаза на Романа, который устроился на стуле подле собственного пейзажа «Зимнее утро» и Егоровых «Парашютов над Таллинном». Несколько дней назад, сидя без копейки, они с Ромкой договорились выставить «Парашюты» на продажу. Мария подошла к картине вплотную и спросила:

— Сколько это стоит?

— Не продается, — сказал Егор. — Я обещал подарить эту вещь одной девушке, которая раньше играла на скрипке в подземном переходе.

Ромка угрожающе шевельнул пиратской бородой, но Егор даже не обернулся в его сторону.

— Вот как? — проговорила Машенька. — А если эта девушка больше не играет в переходе?

— Все равно, — упрямо сказал Егор. — Обещания нужно выполнять.

Он вынул из сумки вощеную бумагу, упаковал полотно (Ромка и не подумал помочь — стоял поодаль, засунув руки в карманы и демонстративно глядя в сторону: должно быть, мысленно пересчитывал баксы, фривольно сделавшие ему ручкой) и сказал:

— Ну вот. Теперь владей.

И неловко затоптался на месте, не зная, что делать дальше. Вдруг с беспощадной ясностью подумалось: а ведь она сейчас уйдет. Помашет рукой на прощание — и исчезнет, на этот раз навсегда. Не станешь же караулить ее круглыми сутками у ворот особняка, под прицелом охраны и видеокамер.

Сейчас она уйдет...

— Подожди, — вдруг толкнула Егора неожиданная мысль, и он уцепился за нее, как за спасательный круг. — Как же ты это донесешь до дома? — он указал на сверток с картиной.

Мария чуть снисходительно улыбнулась.

— Я на машине.

Егор огляделся.

— А...

— Я отпустила шофера пообедать.

Егор хмыкнул и мысленно щелкнул себя по носу: пора усвоить, парень, что перед тобой не девочка-скрипачка, а весьма и весьма состоятельная дама, не тебе чета.

— Может, нам тоже стоит перекусить? — вдруг спросила Мария.

— Что? — очнулся Егор от раздумий.

— Помнишь наше кафе?

— «Разбитую амфору»? Я там больше никогда не был.

— А если я приглашу тебя туда, это будет очень большой наглостью?

— Нет, — проговорил Егор. — Это вовсе не будет наглостью.

Видимо, хозяин «Разбитой амфоры» обладал очень приличной «крышей», иначе почти невозможно было объяснить тот факт, что за три года кафе не разорилось, не трансформировалось в казино, аптеку или склад наркотиков. Удачно подретушированная вывеска, следы свежего ремонта на рельефных каменных стенах, новое панно, изображающее то ли взятие Трои, то ли один из подвигов Геракла.

Машенька посмотрела на него сквозь бокал с вином — как когда-то, в прошлой жизни.

— Ты сам сказал: играла в переходе на скрипке.

— И как, удачно? — он хмуро усмехнулся. — Хотя что я спрашиваю.

Егор опустил глаза и вяло поковырялся вилкой в тарелке. Мясо источало восхитительный аромат, но есть совершенно расхотелось. А хотелось, если быть до конца честным, именно этого: спрашивать. Забросать вопросами, осточертеть своими вопросами, на которые (если опять же быть честным) он не имел никакого права...

Он и не стал их задавать — Мария все поняла сама.

— Ты хотел узнать про Юлия?

Егор кивнул.

— Откуда он взялся?

— Откуда? — Мария на секунду задумалась. — Наверное, сверху. С улицы. Я ведь играла в переходе, не забыл? А он подошел, послушал...

...Ей в тот день и вправду светила перспектива остаться без ужина — а все из-за двух типов, что неожиданно возникли из толпы. Они были похожи, как братья-близнецы: оба квадратные, угрожающе-бритые, в ярких спортивных костюмах и с золотыми цепями на шеях.

Оба смотрели презрительно и выжидающе.

— С тебя пятьдесят баксов, — сказал один. — К концу дня.

Сердце у Маши упало.

— Ребята, вы что? Я за весь день не больше ста рублей зарабатываю...

— Не чешет, — повторил первый. — Запомни: не будет «бабок» — можешь распрощаться со своей скрипкой. И еще кое с чем. Так что береги пальчики, Паганини. До вечера.

Странно, что она не ушла. Даже не подумала уйти, хотя элементарные соображения безопасности требовали поскорее убраться из этого проклятого перехода. Но она продолжала играть, глотая слезы и глядя прямо перед собой. Ей было все равно. Она даже не сразу поняла, что кто-то стоит рядом и пристально смотрит на нее. И слушает музыку.

Если сказать точнее, их было четверо, этих слушателей. Но один — тот, что стоял чуть впереди остальных, особенно привлекал внимание. Ему было немного за сорок. У него был му-

жественный подбородок и резко очерченные скулы — такие скулы рождены, чтобы повелевать, с одинаковой легкостью по-царски награждая за преданность и деспотично карая впадших в немилость. *Хозяйин*, подумала Мария с неприязнью. Наверное, босс тех двоих, что давеча вымогали деньги. Решил собственноручно провести акцию устрашения, гад...

Однако незнакомец сделал неожиданное. Он отвел руку куда-то за спину, и в ней, как по волшебству, оказался букет цветов.

— Это вам.

— Мне? — Мария опустила скрипку.

Кажется, эти цветы назывались орхидеями — целый букет нежнейших орхидей, похожих на язычки застывшего белого пламени. Мария даже представить побоялась, сколько стоит такой букет — на эти деньги они с Лялей Верховцевой вполне могли бы прожить пару месяцев, не особенно стесняясь в средствах.

— Вы кто? — спросила она незнакомца.

— Милушевич Юлий Валентинович. Для вас — просто Юлий, — он протянул ей визитку.

На визитке значилось: *«Юлий Милушевич, сеть салонов-магазинов «Цезарь», компьютерное оборудование и оргтехника от ведущих европейских производителей»*. Золотые буквы на светло-коричневом фоне.

— Мария, — заторможенно представилась она. И непонимающе переспросила: — Вы занимаетесь компьютерным оборудованием?

— Это мой бизнес, — пояснил собеседник. — А для души — классическая музыка. Особенно скрипичная. — И неожиданно добавил: — Я хочу сделать вам предложение.

— Вот так, сразу? — она нашла в себе силы улыбнуться.

— Я все делаю сразу, — сказал он без тени бравады, просто констатируя факт. — Мое предложение вот какое: послезавтра у меня в доме намечается небольшое торжество. Поводов несколько: мой день рождения, слияние нескольких фирм под моим началом... Собственно, это не так важно. По этому случаю я решил устроить концерт для своих гостей и пригласил одного известного скрипача, но мой человек, ответственный за приглашение, плохо сработал (чернявый мужчина за спиной Юлия испуганно икнул и будто уменьшился в размерах). Хотя сейчас я ему почти благодарен...

— Почему?

— Потому что если бы не это, я бы не психанул и не полез в переход за сигаретами, — бесхитростно сказал Юлий. — И не встретил бы вас.

— Встретили, — грубовато сказала Мария. — И что дальше?

— Дальше я хочу пригласить вас к себе на вечер, — ее грубость его нисколько не обескуражила, даже не сбила с ритма.

Мария недоуменно посмотрела на собеседника: не шутит ли он. Но глаза Юлия были серьезны. Впрочем, с такими серьезными глазами обычно и разводят дурочек типа нее. И ржут потом как ненормальные, словно выиграли финал кубка КВН...

— В качестве кого?

— В качестве участницы концертной программы, — невозмутимо сказал Юлий. — И моей гостьи.

Все-таки он шутит, подумала она и покачала головой.

— Вы меня совсем не знаете...

— Но очень хочу узнать. А еще — вы великолепно играете на скрипке. Это лучшее, что я слышал, клянусь.

Она молчала долго. Толковых мыслей не было ни одной — только опасение, что сейчас ее бесцеремонно выволокут на свет под белые руки и головой вперед затолкают в машину. Она видела, как это делается в кино: быстро и равнодушно, даже с потерявшимся на улице щенком обращаются бережнее...

— У меня и платья приличного нет, — зачем-то проговорила она.

Юлий задумчиво кивнул.

— Это, конечно, серьезная проблема, но я постараюсь ее решить.

Они вышли на улицу. Возле тротуара стояла приземистая черная иномарка — Мария совершенно не разбиралась в зарубежной технике, но точно знала, что такие великолепные, совершенные в своей красоте машины у нас в стране производиться не могут. Один из спутников Юлия — небольшого роста, с азиатскими чертами лица — распахнул дверцу со стороны пассажира. Машенька подумала вдруг, что азиат — почти наверняка телохранитель Юлия: только у телохранителей бывает такой цепкий и недоверчивый взгляд. Второй — тот самый чернявый мужчина виноватого вида — оказался импресарио («пока импресарио, — уточнил Юлий, — вообще-то я хочу уволить его к чертовой матери»).

— Толик, — представился третий, румяный здоровяк в кожаной куртке.

— Вас подвезти? — спросил Юлий.

— Спасибо, — ответила она. — Сама доберусь.

— Тогда назовите свой адрес.

— Зачем?

— Чтобы я смог прислать за вами машину.

Немного стесняясь, она назвала адрес общаги в Ручейковом проезде, подумав вскользь, что большой иностранный автомобиль может туда и не добраться: посадка слишком низкая.

— Спасибо, — Юлий наконец улыбнулся открыто, по-мальчишески. — Что ж, до встречи, Машенька.

Возле автобусной остановки ее вдруг рванули сзади за плечо. Мария удивленно обернулась и натолкнулась взглядом на двух амбалов в цветных «адидасах». Она совсем забыла о них...

— Далеко собралась? — поинтересовался один из «близнецов».

— Сначала расплатиться бы надо, — поддакнул второй.

Маша почему-то зажмурилась и пробормотала, злясь на собственный страх:

— Ребята, у меня всего триста рублей. Честное слово...

Они синхронно взвились.

— Какие, на хрен, триста рублей? Тебе, дуре, было сказано — пятьдесят баксов!

— Какие-то проблемы, молодые люди?

Мария осторожно приоткрыла глаза. Ее новый знакомый, сеть каких-то там магазинов-салонов, стоял, склонив голову набок, и спокойно, даже приветливо разглядывал «близнецов».

— А ты, дядя, кто такой? — поинтересовался один из «близнецов». — Типа адвокат?

— Нет, типа прокурор, — пояснил Юлий и мягко обратился к своему азиат-телохранителю: — Дамир, не в службу, а в дружбу, разберись с товарищами...

Азиат коротко кивнул и сделал непонятное движение... Точнее, не сделал вообще ничего — просто исчез в одном месте и материализовался в другом, прямо перед «близнецами». И те вдруг быстро-быстро упали, один на другого.

— Ты не перестарался? — спросил Юлий.

Азиат прижал палец к сонной артерии того, что лежал сверху, и лаконично доложил:

— В самый раз, шеф.

Мария вдруг почувствовала дурноту. Скрипка, которую она судорожно прижимала к себе, почему-то сделалась непомерно тяжелой и потеряла четкие очертания. Мир забавно перекосялся, Маша попыталась ухватиться за что-нибудь, чтобы не упасть... Юлий поддержал ее за локоть, взглянул в побледневшее лицо и озабоченно проговорил:

— Знаете, я вас все-таки подвезу...

— По-моему, тебя развели, подруга, — заявила Ляля, выслушав Машенькину историю.

— Развели? — не поняла Мария.

— Обманули. Повесили лапшу на уши. Да чтобы этот... — Ляля бросила взгляд на визитку, — «сеть салонов-магазинов» спустился в твой вонючий переход за сигаретами... Ха! Будто у него для этого «шестерок» мало.

Мария рассеянно взяла букет, поставила его в вазу, водрузила в центр стола, смахнув пустые пакетики из-под чипсов...

— Да, но орхидеи... Они такие шикарные. Зачем же было тратить?

— Это для тебя шикарные, — резонно возразила Лялька. — А ему, может, двести баксов за цветы отдать — что два рубля на общественный сортир. Так что выкинь из головы эту дребедень. А визиткой можешь подтереться. Лучше бы твой Юлий нам ведро картошки подарил. И каталку копченой колбасы. Дешевле бы обошлось.

...Когда на следующий день за окнами общежития просигналила машина, Мария занималась насквозь прозаичным делом: мыла пол в общественном коридоре. Ляля открыла окно, легла животом на подоконник и прокричала:

— Вам кого?

Услышав ответ, она втянулась внутрь, подошла к Марии и вынула из ее рук тряпку.

— Ты чего? — спросила Маша.

— К тебе этот... твой, — доложила подруга враз изменившимся голосом... — На черном «мерсе». Мордатый, в кожанке...

— Толик, — пробормотала Мария. — Это шофер Юлия...

Сборы заняли около получаса. Ляля время от времени вы-

глядывала в окно, словно опасаясь, что шофер плюнет на бабские причуды и уедет. Однако Толик с чисто английской дисциплинированностью сидел в машине, не выказывая ни малейших признаков нетерпения.

Увидев Марию со скрипкой в руке, он открыл перед ней дверцу и бросил:

— Поехали скорее. Шеф ждать не любит.

Это было единственное, что она услышала от него за время пути. Толик крутил «баранку» и что-то насвистывал под нос, Мария потихоньку старалась запомнить дорогу — на всякий непредвиденный случай.

«Мерс» меж тем вылетел за город, обогнул озеро, свернул с шоссе и уперся радиатором в кованую решетку ворот. Толик посигналил, ворота бесшумно отворились, машина проехала мимо теннисного корта, громадной лужайки с фонтаном и остановилась перед трехэтажным особняком под самой настоящей черепичной крышей.

Мария робко оглядела дом. Аккуратные башенки по обе стороны фасада, стрельчатые окна, окаймленные белым кирпичом, каменные вазы для цветов, широкая лестница — все это вполне могло бы принадлежать посольству какого-нибудь государства средней руки. Даже совсем небедные особняки, что они проезжали по дороге сюда, выглядели рядом с этим домом как пятиэтажные «хрущевки» в рабочем квартале.

Юлий встретил ее в гостиной. Порывисто поднялся навстречу, мигом прервав телефонный разговор, подошел и сказал:

— Рад, что вы приехали. Выпьете что-нибудь?

Подумав, она согласилась на кофе.

— Вот и отлично. — Он позвонил в маленький блестящий колокольчик, на пороге появилась пожилая женщина, выслушала распоряжение и бесшумно исчезла. — Чуть попозже я познакомлю вас с аккомпаниатором. Милейший старик, хоть и немного с причудами. Я думаю, вы друг другу понравитесь. — Юлий посмотрел на часы. — Гости соберутся к десяти вечера. У вас будет время порепетировать.

Мария удивилась:

— А вы уверены, что я смогу вот так, почти без подготовки...

— Конечно, — сказал он как о чем-то само собой разумеющемся. — Если честно, меня больше беспокоит другое: подой-

дет ли вам платье, которое я купил. Если я ошибся в размере, придется послать за новым.

Он проводил Марию на второй этаж, открыл перед ней дверь в какую-то комнату и кивнул на зеркальный шкаф в углу.

— Платье там, на вешалке. Если хотите — закройте на ключ, вам никто не помешает, даю слово.

И исчез, оставив ее одну.

Платье было не просто красивым. Оно было нездешне, за-предельно красивым — нечто подобное Мария видела по телевизору, на одной всемирно известной актрисе, когда ОРТ транслировало церемонию вручения «Оскара». Цвета «белая ночь», длинное и облегающее, словно змеиная кожа, дерзко закрытое спереди по самое горлышко и целомудренно открывающее спину сзади. Марии потребовалось время, чтобы тихонько дотронуться до него. И еще время, чтобы снять с вешалки и приложить к плечам.

Собственная нерешительность вдруг разозлила. Машенька сердито сорвала с себя одежду, оставшись в постыдном хэбэшном интиме, и, почуяв некоторое шевеление в коридоре снаружи, рывком распахнула дверь.

Чертов Юлий стоял, руки в карманах, склонив голову набок, и смотрел на нее — пристально, словно изучающе.

— Тебе понравилось платье? — спросил он, органично перейдя на «ты».

— Нет, — с вызовом ответила она.

— Почему?

— Слишком шикарно для девочки из перехода. Можно было ограничиться фуфайкой и сапогами. И дешевле, и смотрелось бы не менее эротично.

Он улыбнулся, как обычно, одними глазами и сделал шаг вперед, заставив девушку отступить внутрь спальни — бог ты мой, она только сейчас разглядела, что это спальня...

— Подними руки, — произнес Юлий.

Она молча подчинилась — не было смысла сопротивляться. Вскинула руки — и вдруг почувствовала прикосновение ткани к своему телу. Прикосновение было невыразимо нежным — нежнее лепестков недавно подаренных орхидей. Нежнее исполненных нетерпением рук опытного любовника — в пору было тихо застонать... Юлий осторожно застегнул «молнию» на платье и удовлетворенно произнес:

— Тебе идет. Я даже размер угадал.

Мария открыла глаза и посмотрела в зеркало. Платье действительно сидело как влитое: похоже Юлий очень неплохо разбирался в женских шмотках. Равно как и в компьютерном рынке, и в музыке, и в антиквариате, судя по обстановке. С таким богатством — и на свободе, надо же...

— Когда будешь готова, спустись вниз, — попросил он. — А сейчас извини, дела.

По окончании концерта зрители (точнее, мужская их половина) по очереди почтительно приложились к ее ручке. Видимо, Юлий четко определил Машенькин официальный статус: не обычная наемная скрипачка, но — *«моя гостья»*. Вскоре она оказалась обладательницей небольшой цветочной оранжереи и целого вороха визиток (*«Ваш покорный слуга, Мария Владимировна, обращайтесь в любое время...»*). Кое-кто уже пытался проворачивать через нее свои дела с хозяином — Машенька мягко, но решительно прерывала соискателя, переводила разговор на погоду и удалялась с милой виноватой улыбкой.

Она спустилась на улицу, в прохладную ночь, и остановилась возле круглой мраморной чаши, подсвеченной изнутри голубоватым сиянием. В середине чаши стояли на хвостах три каменных дельфина. Мария задумчиво опустила руку в воду — вода оказалась теплой, гораздо теплее окружающего воздуха. За спиной кто-то негромко кашлянул. Она обернулась, увидела Юлия и сказала:

— Я еще не поздравила вас с днем рождения.

— Так поздравь. И давай наконец перейдем на «ты».

Подожду, подумала она, упрямо наклонила голову и спросила:

— Зачем я вам нужна? Только не говорите, что для участия в вашем концерте.

— Ты мне понравилась, — бесхитростно ответил Юлий. — Я думал о тебе. По-моему, это вполне убедительная причина.

— Причина для чего?

— Чтобы попросить тебя остаться со мной, в моем доме.

— А вы не слишком скоропалительны?

Он чуть отстранился и серьезно посмотрел ей в глаза.

— Знаешь, почему я достиг того, чего достиг?

— Вовремя устраняли конкурентов?

— Нет. Потому что умел, когда надо, принимать быстрые решения. И, когда надо, умел ждать. А самое главное — всегда отличал первое от второго. Я мог бы подождать и сейчас, но... Смейся, если хочешь, но я боюсь, что ты просто исчезнешь. Конечно, я все равно бы тебя отыскал, но это потребовало бы времени, — он виновато улыбнулся. — А я очень занятой человек. Поэтому я просто прошу тебя...

— Что?

— Останься.

— Зачем? — она знала зачем.

— Чтобы я не сожалел всю оставшуюся жизнь.

Глава 5. Загородное шоссе

— И ты осталась, — подвел Егор мрачное резюме.

Мария кивнула.

— Прошлой осенью он сделал мне предложение. Я согласилась.

Егор прикрыл глаза, ощущая внезапную пустоту под ногами — очень знакомую пустоту, дикую, безмолвную. Чтобы как-то заглушить ее, он с наигранной небрежностью проговорил:

— Значит, была Машенька Беркутова, а стала Мария Владимировна Милушевич.

— Маша, — поправила она. — Для тебя я всегда буду Машей.

— Ты его любишь? — задал он дурацкий вопрос.

Она посмотрела на него и перевела взгляд в сторону.

— Юлий очень хороший человек. И так много для меня сделал...

— Я бы тоже сделал, — буркнул Егор. — Хотя... Наверное, ты правильно поступила: с одной стороны, богатый бизнесмен, с другой — нищий безработный художник...

— Художник, который однажды ушел на войну, — задумчиво произнесла Мария. — И забыл тех, кого здесь оставил.

— Забыл?! — возмутился он.

— Я писала тебе. Только ответа не получила.

— Я же лежал в госпитале. А письма, наверное, приходили на адрес военной части.

Мария нахмурилась.

— Ты был ранен? Я и не подозревала...

— Контужен, — нехотя уточнил Егор. — Ничего серьезного.

— Расскажи, — попросила она.

Он вяло пожал плечами: что тут рассказывать, одно сплошное дерьмо и ни черта героического... И тогда она протянула руку и коснулась его запястья.

Ее ладонь была прохладной, но Егора вдруг обдало горячей волной. Накрыло целиком, вместе с год назад поседевшей головой, гулко стучащим сердцем и остро тоскующей по алкоголю печенью. Вместе с маленьким, но ужасно гордым городком Эль-Бахлаком, погибшими заложниками на телецентре, погибшей девочкой-«барсом», погибшим Эдиком Авербахом, искалеченным майором Свидригайловым и дешевым желтым кассетником из кошмарных снов — они еще продолжали наведываться к нему, эти сны, заставляя вскакивать среди ночи, отшвыривать одеяло и нервно курить, стоя голышом у темного окна... Мария слушала не перебивая, а когда он все-таки выдохся, посмотрела на сверток с картиной и тихо произнесла:

— А я, дурочка, не могла понять...

— Что?

— Почему город на твоей картине... ну, будто в дымке. И флюгеры, и небо, и парашют... Я ожидала чего-то другого. Более радостного, что ли...

Егор усмехнулся:

— Ну, причина-то, положим, куда прозаичнее: просто нет денег на хорошие краски. А те, что подешевле, — блеклые, и цветов нужных нет.

Мария отчего-то смутилась и опустила глаза. Чутьочку подумала и осторожно, будто боясь обидеть, сказала:

— Знаешь, я хочу тебе предложить... Только обещай, что не станешь сразу отказываться.

— Клянусь, — улыбнулся Егор.

— Юлий как-то упоминал, что ему нужен хороший дизайнер, чтобы оформить домик для гостей. Ты ведь еще и дизайнер?

Егор озадачился.

— Ну, вообще-то... Ты серьезно?

— Вполне.

Он хмыкнул.

— А твой Юлий... как, против не будет? К нему ведь, поди, дизайнеры с утра в очереди стоят. А тут я — без протекций, без рекомендательных писем...

— Юлия я уговорю, — решительно сказала Маша. — Главное — чтобы ты согласился.

Егор внимательно посмотрел на девушку — она отвела взгляд, снова спрятавшись за ресницами... Но он заметил вдруг, что ресницы мелко подрагивают, словно горячо просят о чем-то. Да что там просят — умоляют, увещевают, гипнотизируют...

— Зачем это тебе? — тихо спросил Егор. — Ты устраиваешь свою личную жизнь... Не думаешь, что я буду тебе мешать? Или решила просто подкормить старого знакомого? Чтобы он с голодухи боты не завернул?

Она не ответила. Однако ее ресницы уже не дрожали и не просили, а почти требовали. И на лбу явственно обозначилась упрямая складка. Егор посмотрел на эту складку — и сдался.

— Ладно, — примирительно сказал он. — Только... Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь. Я прав?

...Переговоры с компьютерным бароном Мария вела по сотовому телефону, используя для убеждения уже знакомую череду интонаций: сначала просительные, потом требовательные и, наконец, — сдержанно-ликующие. Уломала-таки, со снисходительной улыбкой подумал Егор, успевший за время разговора побывать Машенькиным другом детства («он мне почти как родственник, понимаешь?») и местным светилом живописи и строительного дизайна («я привезу тебе одну из его работ, тебе понравится, обещаю...»).

— Все, — сияюще объявила она. — Добро получено, можем ехать.

— Да, мэм, — со всей серьезностью отозвался Егор. — Все-непременно, мэм. Разрешите бегом, мэм?

На стоянке перед кафе стоял приземистый бежевый «Ситроен», и квадратного вида облом флегматично протирал тряпкой и без того чистое ветровое стекло.

— Егор, познакомься, это Толик, — бросила Мария.

— Очень приятно, — кивнул Егор, пожимая руку облому.

— Взаимно, — буркнул тот, без всякой, впрочем, радости.

Телефон в Машенькиной сумочке снова запиликал, она отошла и заговорила с кем-то невидимым. Егор, дабы заполнить паузу, рассеянно принялся разглядывать машину.

Машина была неплохая. Да что там, потрясающая была машина. Возможно, не такая респектабельная, как представитель-

ский «мерс», но более изящная и элегантная. Цвет кузова идеально гармонировал с Машенькиной блузкой, а длинное обтекаемое тело с овальными фарами придавало «Ситроену» сходство с мультяшным дельфином. Даже у не-автомобилиста Егора потекли слюнки. Он провел пальцем по капоту и произнес:

— Классная тачка.

— Рад, что вам понравилось, — без выражения отозвался Толик и подозрительно уставился на сверток в руках Егора. — Это что?

— Картина.

— Тулуз-Лотрек?

Егор слегка удивился. Услышать словосочетание «Тулуз-Лотрек» из уст Толика было так же неожиданно, как услышать цитату из Ларошфуко от продавщицы в пивном ларьке. Впрочем, не все так однозначно: может быть, за литыми плечами Юлиева шофера ненавязчиво маячил факультет искусствоведения в добром старом Гарварде...

— Любите Лотрека? — спросил Егор.

— Хозяин любит, — меланхолично пояснил Толик. — У него в прихожей два висят.

Он зачем-то попинал ногой колесо и сообщил в пространство:

— Не нравишься ты мне, парень.

— Что так? — осведомился Егор. — Мы еще и познакомиться как следует не успели...

— Наплевать. Я таких, как ты, за версту чую. Глистогоны-попрошайки, блин...

— Сильно сказано, — уважительно заключил Егор. — Сам-то давно с трактора слез?

Эта тирада задела Толика за живое. Его лицо стремительно пошло свекольными пятнами, нутро издало львиный рык, он выпрямился и угрожающе двинулся в сторону Егора.

Егор улыбнулся — спокойно и без тени испуга, хотя физиономия шофера могла бы нагнать страх даже на каменную крепость средней величины. Толик стоял совершенно открыто, и *достать* его при необходимости можно было дюжиной разных способов. Однако это не понадобилось: наверное, Толик что-то прочел в лице собеседника. Что-то такое, что заставило его остановиться, почесать затылок и угрюмо процедить:

— Смотри у меня. Начнешь клеиться к Марии — башку свинчу.

— Мальчики, вы, часом, не ссоритесь? — поинтересовалась Маша, закончившая телефонный разговор.

— Ну что ты, — Егор снисходительно похлопал шофера по плечу. — Мы теперь — не разлей вода. Осталось только надрезы сделать на руках и побрататься на крови. Верно, Толик?

— Ясен пень, — брякнул тот, осклабясь. — На крови побрататься мы еще успеем, чует мое сердце.

И зло плюхнулся за руль.

Возле Фонтанной площади Егор попросил:

— Останови.

— Зачем еще? — сердито осведомился Толик.

— С другом нужно парой слов перекинуться. — Егор посмотрел на Марию. — Не беспокойся, я мигом.

Вид приятеля, молодцевато выпрыгнувшего из чужой роскошной тачки, вызвал у Романа приступ тоскливой зависти.

— Однако, — лаконично выразил он свое мировоззрение.

— Халтурка подвернулась, — чуть виновато объяснил Егор.

— Вижу, не слепой. Похоже, мне твою мазню опять в одиночку сторожить?

Егор приобнял товарища за плечи.

— Слушай, если дело выгорит, скажу, что мне необходим помощник.

Тот заметно приободрился.

— Что ж, я мальчик шустрый, привык к спартанской обстановке... Башляют хоть прилично?

— Хватит, чтобы тебя в парикмахерскую сводить. А то бородачи твоя...

— Моя «бородища», — выпренне произнес Роман, — это часть меня самого. И стричь ее так же противоестественно, как удалять здоровый зуб. Ладно, катись. Дамочка, поди, извелась вся. Оле!

— Оле, — Егор шлепнул приятеля по открытой ладони. — Вернусь — доложу результат.

Поездка оказалась довольно долгой, хотя Толик, вырвавшись из города, разогнал машину до ста двадцати. Ехали молча. Егор рассеянно обозревал пролетающий за окном пейзаж: веселый сосновый бор, аккуратное круглое озерцо в просветах между красными стволами, песчаные взгорки... Благодатная хорошо ухоженная свобода. Вскоре машина свернула на неприятную дорогу в лесопарк. Пейзаж не претерпел существенных

изменений: разве что количество мусора по обеим сторонам стало меньше и асфальт заметно выровнялся — ни единой трещины, ни единого камешка под колесами. Умеют и у нас делать качественно, коли не задаром: и техника сразу находится, и рабочие руки, трезвые и вставленные нужным концом...

Справа у обочины гордо высился столб, венчавшийся фанерным плакатом. С плаката печально взирал трогательный олененок, над которым алел двусмысленный призыв: «Господа, берегите природу — вашу мать!!!» Снизу, под олененком, более скромная по размеру табличка сообщала: «Дачный поселок — 300 м. Частная территория, охраняется вневедомственной охраной». Еще один заповедник для непуганых «новых русских»...

Возле столба, едва не уткнувшись в него радиатором, приутились «Жигули» с синей полосой вдоль кузова. Рядом маячили трое субъектов в распахнутых кителях. Двое мирно беседовали, третий, завидев «Ситроен», шагнул на дорогу и махнул жезлом.

— Сейчас прицепится, — прозорливо сказал Толик. — Где аптечка, где огнетушитель, где ведро с песком... А у меня все в ажуре, пусть обломятся, гады...

Он подрулил к обочине, высунулся из окошка и заорал:

— Какие проблемы, командир?

— Старший сержант Бугреев, — «командир» бросил ладонь к фуражке. — Ваши права и техпаспорт, пожалуйста.

— Че за ботва-то? Я вроде ничего не нарушил...

— Похожая тачка числится в угоне, — сообщил второй, с седым «ежином» на голове. — «Ситроен» в наших краях — птица редкая, не то что «мерсы» да джиперы — этих-то пруд пруди...

Егор тихонько фыркнул и зачем-то бросил взгляд в зеркальце заднего вида. В зеркальце отражался третий субъект — молодой, в форменной рубашке с короткими рукавами. Он вразвалочку подошел к «Ситроену», постучал в окошко и красноречиво показал на незажженную сигарету. Егор послушно опустил стекло и извлек из кармана зажигалку.

Лицо у парня было хорошее: по-деревенски простое и открытое, усыпанное оранжевыми веснушками. Впрочем, его лицо Егор как следует на разглядел — и все из-за фуражки, которая то и дело сползала парню на лоб...

Зато во всех подробностях рассмотрел татуировку на тыльной стороне кисти — пока парень прикуривал. Там, на кисти,

аккуратным клубочком свернулась киска. Умилительно-пушистая, с очень живыми и умными глазами — пожалуй, даже человеческим глазам было до них далеко. Егор никогда не был поклонником росписи по телу — в отличие от майора Свидригайлова, как однажды выяснилось.

Он-то, майор Свидригайлов, знал о татуировке *все*, великолепно разбирался во всех ее видах и подвидах — начиная с чумовых эковских приколов вроде Оленей («склонен к побегу»), Яхонтов («я хочу одну тебя»), Лордов («легалым отомстят родные дети») и заканчивая утонченными *Buvons at aimons* («пьем и любим») и *Oderint dum metuant* («пусть не любят, лишь бы боялись»).

Котенок в этой сложной иерархии тоже имел свое скрытое значение: КОТ — «коренной обитатель тюрьмы», человек, имеющий за плечами нехилый срок. Да и качество наколки это подтверждало: жалкая флотская или армейская любительщина отличалась от нее так же, как отличаются униженно-стандартные «Жигули» от благородного «Ситроена». Как первая неуклюжая мастурбация — от упоительно-бесстыдной ночи с валютной проституткой. От нее за версту пахло высоким искусством, возвращенном на тюремной киче, — Егор осознал это за секунду до того, как в лицо ему брызнула струя белесого газа. Он успел убрать голову, сберегая зрение, и поэтому не отключился, но на миг потерял ориентацию. Дверца распахнулась, его схватили за шиворот и швырнули на обочину, лицом в пыль. Испуганно закричала Мария, Егор дернулся было, но чужой ботинок припечатал его голову к земле, и на левой руке шелкнул наручник.

Погоди-ка, сказал голос с небес. Ботинок убрался, чья-то пятерня схватила Егора за волосы, грубо приподняла, и тот же голос недоуменно спросил:

— Это еще кто?

Глава 6. Тихая гавань

За 200 лет до финала...

Герцогство Баденское, Эттенхейм, 18 Вантоза 1804 г.

Теперь я часто вспоминаю тот день. День, который поделил мою жизнь на две неравные (и по величине, и по значению) половинки: *до* и *после*. Такие моменты встречаются в судьбе почти каждого человека — моменты, коих никогда не ждешь и даже не подозреваешь об их существовании. Просто,

когда они вдруг наступают, ты оглядываешься, чешешь затылок и думаешь: а ведь вот оно.

Вот оно...

Я, Анри Тюмирье, сын своих почтенных родителей — дворян обедневшего, но довольно знатного рода, личный слуга, мажордом и телохранитель Его светлости принца Антуана де Конде, герцога Энгиенского, начал писать свой дневник на небольшом мрачном острове посреди океана, серой скале, с трех сторон уходящей в воду почти отвесно, а с четвертой снабженной довольно удачной бухточкой — вход в эту бухточку охраняла старинная длинноствольная пушка, в настоящее время бездействующая и покрытая мелкими ракушками. Чуть выше того места, где пушка незряче смотрела в сторону океана, стояло длинное приземистое здание — усадьба Лонгвуд-Хаус (имя ей дали, понятное дело, англичане, и весь остров, как легко догадаться, был владением британской короны).

Остров был английским, но главным лицом на нем был француз. Остальные, кто приехал сюда — иные по долгу службы, иные по зову сердца, — были призваны служить, охранять, разделять Его одиночество, смотреть за занимаемыми Им апартаментами, наблюдать за Его здоровьем (последнее время Его частенько донимали желудочные боли), ухаживать за садом и розарием (это была моя почетная обязанность) и следить за сохранностью Его библиотеки. Он много читал — ничем другим, по большому счету, на острове заняться было нечем. Когда болезнь окончательно приковала Его к постели, Он стал просить, чтобы ему почитали вслух, — и тогда звали меня. Я приходил в Его спальню (довольно сырую и неудобную), садился на табуретку рядом с Его кроватью и раскрывал книгу — любую, на любой странице, Ему было неважно, что именно и с какого места я читал: Он слышал мой голос, иногда разговаривал со мной — а значит, был еще жив... ему необходимо было убедиться в этом. Он ведь не подозревал, кто я на самом деле и как меня зовут (на остров я приехал под чужим именем). Как и о моей главной цели.

Убить Его, моего врага. Бывшего императора Франции Наполеона Бонапарта.

Однако начало моего дневника было положено совсем в другой день. В местечке под названием Броун-Бовери — принц Антуан де Конде выкупил его у прежнего владельца. В

молодости принц много путешествовал, и всюду я сопровождал его. Во время одной из поездок я повстречал мою будущую жену Франсуазу. Женщину, с которой я прожил шесть самых восхитительных, самых прекрасных месяцев своей жизни. И которую оставил в далеком враждебном Париже. В тот день, когда восставший народ взял Бастилию.

Мы готовились к отъезду. Молодой герцог, наблюдая, как слуги укладывают баулы, криво усмехнулся:

— Как в старые добрые времена, правда, Анри? Только, боюсь, уезжаем на этот раз надолго.

Я улыбнулся в ответ.

— Ваш батюшка всегда говорил, что перед дорогой самое главное — зарядить оружие. Так что, с вашего позволения, я проверю шкатулку с пистолетами...

У себя в комнате я застал Франсуазу. Она стояла возле раскрытого окна и смотрела на город.

— Ты еще не собралась? — спросил я.

— Я не еду, — ровным голосом отозвалась она.

— Почему? — удивился я. — Что ты задумала?

— Я остаюсь в Париже, — сказала Франсуаза. — Я хочу бороться за свободу вместе со всеми. И, если надо, отдать жизнь...

— Свобода? — Я сел на кровать, сдвинув в сторону ворох вещей, готовых к упаковке. — Милая, опомнись. Посмотри вокруг... Посмотри, что творится на улицах! Кругом хаос, разрушение, кровь...

— Революция не бывает без крови, — возразила она. И я поразился твердости в ее голосе.

Видит Бог, я пытался образумить ее. Я рисовал ей картины голода и всеобщего страха — то, что ждало бы нас, останься мы в охваченном безумием Париже. Она не слушала. Лишь проговорила, глядя куда-то в сторону, мимо меня:

— Вам действительно нужно уезжать. Сегодня же, ведь я должна была донести на вас с герцогом в Комитет общественного спасения. И будет лучше, если вы воспользуетесь не каретой, а наемным экипажем. Их не так тщательно проверяют.

Может быть, она ждала, что я все же откажусь ехать с герцогом, я ведь не был ни дворянином, ни убежденным роялистом... Кто знает. Одно мне было известно наверняка: революция отняла у меня женщину, которую я любил. И за это я ненавидел революцию.

Мы уехали, как и советовала Франсуаза, в замызганной почтовой карете, взяв лишь два дорожных баула.

— Ничего, мой друг, — сказал принц, потрепав меня по плечу и в последний раз оглянувшись на ворота дома. — Ничего, мы еще вернемся, помани мое слово...

Верил ли он в собственное пророчество? Возможно, да, возможно, нет...

Годом позже, уже в эмиграции, де Конде встретил свою будущую жену, графиню Шарлотту. А еще через год родилась принцесса Жанна-Луиза. Крохотное существо с глазами-бусинками, игравшее теперь в имении главенствующую роль. Ибо для любящих родителей их дитя всегда превыше всего...

Меня разбудили среди ночи. Я проснулся и с удивлением увидел возле своей кровати младшего лакея Пюно.

— Сударь, умоляю, очнитесь... Там какие-то люди. С факелами и в масках... И, по-моему, они вооружены.

Я подошел к окну и посмотрел вниз. Там, внизу, в предутренней дымке, горели факелы. Они были повсюду: в парке, в саду, перед воротами особняка...

Один из людей — в черной маске и треугольной шляпе — ударил в дверь. И рывкнул:

— Именем Директории, отворите!

— Что там, Анри? — услышал я за спиной.

Герцог — без камзола, в расстегнутой на груди кружевной рубашке, со шпагой в руке — приблизился к двери и спокойно сказал:

— Я принц Луи-Антуан де Конде, герцог Энгиенский. Владелец этого поместья. Кто вы и что вам нужно?

Звуки на улице стихли.

— Вы, милорд, — прозвучал тот же резкий голос. — Я имею на руках приказ о вашем аресте. Вы обвиняетесь в участии в заговоре против Франции и подготовке покушения на ее Первого консула Наполеона Бонапарта. Не усугубляйте своего положения, ваше высочество. В случае сопротивления мне приказано применить силу.

— Луи, — прошептала графиня Шарлотта, появившись в дверях спальни — бледная, как привидение, с распущенными волосами, в длинном халате, накинутом поверх ночной сорочки.

— Не волнуйся, — одними губами произнес герцог. — Иди к себе. Скоро все разъяснится.

Графиня вдруг посмотрела в мою сторону. Я понял, подошел, и она тут же схватила меня за руку. Пальцы у нее были ледяные и слегка подрагивали, хотя она пыталась скрыть волнение.

Она потянула меня в спальню. Подчинившись, я шагнул за порог и увидел у нее в руке старинный золотой медальон в форме трилистника с большим ярким изумрудом вместо крышки. Мне была знакома эта вещь. Графиня Шарлотта особенно дорожила ею...

— Мы всегда доверяли вам, Анри, — прошептала она, словно в лихорадке. — Поэтому сейчас не приказываю, а прошу... как близкого друга... Спасите мою дочь! Постарайтесь вывести ее через заднюю калитку. — И нетерпеливо сунула мне медальон. — Это вам... Вам предстоят расходы — возможно, придется платить тем, кто укроет вас на время. Или давать взятки властям. Не скупитесь. Больше я не в силах ничем вам помочь.

— Но вы тоже можете уйти!

Она покачала головой.

— Я останусь с мужем. А вы идите, Анри. И помните: вы обещали мне спасти Жанну.

— Куда? — попытался возразить я. — Дом наверняка окружен.

— Я покажу вам потайную дверь.

Удивляться времени не было. Хотя, прожив восемь лет в доме, я не подозревал об этой двери. Она была спрятана в глубоком алькове, за старинным разошедшимся шкафом. Я подхватил на руки принцессу Жанну, и мы канули во тьму.

Ход и правда оказался коротким: я вылез из пролома с задней стороны особняка, посреди парка. Зубы мои тут же начали выбивать дробь: я был в одной сорочке, камзоле и панталонах. Хорошо, что графиня Шарлотта укутала малышку Жанну сразу в три одеяла.

Вдоль противоположной оконечности парка пролегла дорога. Мы осторожно двинулись через заросли, скрытые в густом тумане, изредка оглядываясь на дом. Посреди дороги стоял фиакр, запряженный парой лошадей. Кожаный верх был поднят, а на козлах дремал кучер — видимо, в ожидании кого-то. При нашем с Жанной приближении кучер встрепнулся и поднял голову.

— Эй, любезный, — крикнул я. — Не могли бы вы...

И с огорчением подумал, что становлюсь стар. Кучер был одет точь-в-точь как те, что пришли к нам в дом — я, болван, разглядел это, только подойдя вплотную.

— Ну наконец-то, — осклабился он. И заорал кому-то невидимому: — Эй, сюда! Я поймал его!

Тело совершило все само собой, без моего участия. Рука метнулась к пистолету,хватила его из-за пояса и взвела курок — это не заняло у меня и двух секунд. И я выстрелил.

Его отбросило на спину. Он умер сразу — нельзя было не умереть с пулей в сердце. Я прыгнул на козлы. Сзади раздались выстрелы, кожаный верх коляски захлопал, пробитый в нескольких местах... Я без жалости вытянул лошадей кнутом. Коляску швырнуло вперед, затрясло по ухабам, и я услышал отчаянный рев: должно быть, малышка Жанна-Луиза ушиблась о деревянный борт. Мне этот рев показался небесной музыкой: девочка плачет — значит, девочка жива...

Мы ушли. Выстрелы сзади постепенно смолкли, я съехал с основной дороги на какую-то тропку посреди мокрого леса, бросил экипаж, подхватил принцессу Жанну на руки и углубился в чащу. Пока я не представлял, куда идти и у кого искать помощи. Мы были окружены врагами, нуждались в еде, крове и, самое главное, в документах.

— Жанна замейзла, — пожаловалась девочка, доверчиво потеревшись носом о мою щеку.

Я закутал ее высочество в одеяло и прижал к себе — мне казалось, что так я смогу лучше согреть ее маленькое тельце. Девочка доверчиво обвила руками мою шею и спросила:

— Мы идем к маме?

— Не знаю, милая, — честно ответил я.

Я узнал о судьбе принца и его жены гораздо позже, уже в Париже. Графиня Шарлотта погибла, выпрыгнув из кареты, в которой ее везли из Бадена: в какой-то момент ее стражники потеряли бдительность, и она рванула на себя дверцу. Неизвестно, была ли это попытка спастись, или обезумевшая женщина решила свести счеты с жизнью...

Герцога Энгиенского расстреляли во рву Венсеннского замка. И какой-то совсем юный лейтенант (газеты наперебой упоминали его имя: О'Делуа), командовавший расстрельным взводом, подошел затем к телу принца, тронул его концом шпаги и усмехнулся:

— А поговаривали, будто у королевских отпрысков в жилах голубая кровь. Оказывается, врут. Та же самая кровь, что и у всех.

И его товарищи, взяв ружья на плечо, ухмыльнулись в ответ, как люди, хорошо выполнившие свою работу. В газете, конечно, ничего похожего не было, но я очень ясно представил себе эту картину: зябкий сырой рассвет, комья земли во рву, под кирпичной стеной и белозубая улыбка юного лейтенанта, не нюхавшего пороха...

Именно в тот день я дал себе клятву убить Бонапарта. Ибо для меня он стал воплощением зла — Бледный Всадник, за лошадью которого следует ад...

Я сам решил стать этим адом. Я следовал за Наполеоном туда, куда его самого бросала неутомимая судьба.

Я бродил по Елисейским полям и улице Риволи, прилегающей к дворцу. Я пытался высмотреть Наполеона (ведь должен же он был выходить хотя бы на прогулки), расспрашивал о нем людей, притворяясь восторженным его почитателем, регулярно просматривал все парижские газеты, надеясь выудить каплю полезного... А ночами ворочался без сна в маленьком флигельке дома по соседству с магазином, и думал, думал...

В моем шкафу, в потайном отделении, хранился двустольный пистолет «Лефорше» — хозяин оружейной лавки с пеной у рта доказывал, что из этого пистолета при должной сноровке можно попасть в трефового туза с тридцати ярдов. Я опробовал покупку в Булонском лесу и остался доволен. Однако это ни на йоту не приблизило меня к моей цели. Я ведь и понятия не имел, как незамеченным подобраться к дворцу или хотя бы к улице, по которой будет проезжать карета Наполеона, потому что эти улицы всякий раз загодя бывали оцеплены гвардейцами.

И очень обрадовался — да что там, испытал настоящее счастье, — узнав однажды, что Наполеон собирает армию для войны с Россией. Надо ли говорить, что я тут же вступил в волонтерский пехотный полк — лучшего шанса поквитаться со своим врагом трудно было придумать. Я боялся только одного: что смерть настигнет французского императора раньше, чем моя собственная рука взведет курок. И Бонапарт окажется у меня на мушке...

Глава 7. Чужие

Шофер Толик был без сознания. Егор почувствовал это, когда нечто тяжелое с медвежьей непосредственностью навалилось с левой стороны. Он с усилием повернул голову, осторожно попробовал подтянуть к себе левую руку: не тут-то было. Он опустил взгляд. Наручники. Нас пристегнули друг к другу наручниками, вот ведь подлость...

Спереди, над спинками сидений, маячили два затылка: один коротко стриженный, пепельно-серый — на месте водителя, и второй, рядом — огненно-рыжий, похожий на растрепанное солнце в миниатюре.

— Эй, мужики, — позвал их Егор.

Рыжий затылок обернулся.

— Сыч, тут один очухался. — Голос был совсем не злобный — скорее, веселый. — Ты откуда взялся, клоун?

— Да я случайно, — Егор шмыгнул носом. — Голосовал на обочине, они остановились. Я попросил подбросить до поселка... Мужики, не убивайте, а? Ей-богу, я не при делах.

Рыжий согласно кивнул.

— Кто бы сомневался. Слышь, Сыч, что с ними делать-то?

Седой «ежик» за рулем был монументально-неподвижен.

— Свернем в лес, отведешь подальше, вручишь лопату, пусть могилу себе роют. Потом кончишь обоих. Нам только за бабу заплачено.

Седой «ежик» — тот, кого подельник назвал Сычом, — крутанул руль и выехал на просеку меж темных елей. Проехал чуть-чуть, прыгая на ухабах, и заглушил двигатель.

— Конечная, — объявил он. — Вылезайте шустренько.

Егор замешкался: надежно вырубившийся Толик висел мертвым грузом, сковывая движения. Сыч почти без напряжения взял обоих за шиворот и вытряхнул на землю, точно котят. Толик очнулся, недоуменно посмотрел вокруг и спросил:

— Че за ботва-то, мужики?

— Скоро узнаешь, — хохотнул рыжий парень, взглянул на остановившийся вплотную «Ситроен» и облизнул губы. — Сыч, а может, того... Мы с Кабаном пока пассажирку пострелем, а ты этих бакланов кончишь?

— Заглохни, — равнодушно бросил Сыч и повернулся к напарнику. — Кабан, как там баба?

Третий ряженный «мент» — рыхлый, потный, с круглым животом-тыквочкой, выплывающим из-под ремня, с трудом выполз из-за руля «Ситроена».

— Порядок. Как стали в лес въезжать, попробовала дверцу открыть на ходу. Я ей в морду хлороформом... Отсыпается.

— Смотри у меня. Если тронешь ее хоть пальцем — лучше сам потом удавись.

Они брели сквозь чащобу, без тропы, путаясь в траве и задевая сухие коряги, по-бультерьерски хватающие за щиколотки.

— Может, отпустишь? — подал голос Егор, обернувшись через плечо. Конвоир держался грамотно, не далеко и не вплотную: в случае чего не промахнется, а самого не достать ни рукой, ни ногой, разве что в прыжке... Но бугай Толик гирей висит на плече, вот черт... — Зачем тебе статья за убийство? Тебя Сыч кровью вяжет, разве не видишь?

Рыжий усмехнулся:

— Кровью... Ты прям юморист. Я за свою жизнь жмуриков наклал — пальцев не хватит пересчитать.

— Ты еще молодой вроде, — удивился Егор. — Когда успел?

— А я первого мочканул еще в малолетках, — охотно пояснил конвоир. — Хотел в подворотне лопатник тиснуть, а фраеру, видать, жалко стало. Здоровье бы лучше пожалел.

Очередная коряга услужливо выросла на пути, словно живое существо. Егор споткнулся и упал, рефлекторно выставив вперед ладони. Шофер Толик, все еще пребывающий в счастливой прострации, не удержал равновесия и грузно навалился сверху, прикрыв своим телом руку Егора, скованную наручником. Ох, как удачно...

— Давай, давай, — угрюмо проговорил рыжий. — Пошел вперед!

— А вот фигу, — с отчаянием сказал Егор, моля всех богов, чтобы Толик провозился на земле подольше. «Хотя бы несколько секунд, — немо шептал он, — несколько вшивых секунд, это все, что я попрошу к своему дню ангела, который будет только через полгода». — Хочешь стрелять — стреляй здесь, хватит жилы тянуть.

Рыжий, ухмыльнувшись, положил палец на спусковой крючок.

— Как пожелаешь. Топай вон на ту поляну. Там дело и решим.

Поляна была небольшая — не поляна даже, а прогал меж деревьев с останками старого кострища. В кострище валялись зеленые попки от съеденных огурцов, хлебные корки и пустая емкость из-под «Очакова». Пировал кто-то...

— Хорош, — сказал рыжий, усаживаясь на отполированное задницами бревно. — Копайте живо, а то мне еще назад переть.

И бросил лопату Егору под ноги.

— Может, одумаешься? — на всякий случай спросил тот. — Лишний грех берешь на душу.

— Не волнуйся. На том свете разберутся, у кого грехов больше, у кого меньше.

— Как знаешь, — тихо проговорил Егор.

Майор Свидригайлов, ночной кошмар курсанта Воынова и ста двадцати его товарищей, умел виртуозно освобождаться от наручников.

«Запомните, парни, — говорил он в минуты сытой умиротворенности. — Кости плюсны расположены довольно далеко друг от друга, а значит, их можно сложить так, что они сойдутся. Поначалу будет немножко больно, ну да ничего, потерпите. Бабы вон тоже терпят, когда брови выщипывают. Зато, может быть, однажды это спасет вашу никчемную задницу. Ну-ка, по команде...

Парни, ясное дело, старались вовсю: их лица багровели от натуги, из глоток с шипением вырывались ругательства, запястья покрывались ссадинами... Вдоволь насмотревшись на это непотребство, майор Свидригайлов сплевывал сквозь зубы и бормотал: «Салаги, мать вашу через день. Как вы умудрились дожить до своего возраста?» И изящным движением стряхивал с рук «браслеты», как стряхивают воду.

Подобного мастерства Егор так и не достиг, однако ремеслу худо-бедно выучился. Тех двух минут, что он пролежал под китообразной Толиковой тушей, ему хватило с запасом. Остальное время, пока шли до поляны, он лишь усердно делал вид, что по-прежнему прикован к товарищу. Парень с автоматом должен был в это поверить. Он и поверил.

Во всяком случае, искренне удивился, увидев Егора отдельно от приятеля. Он даже раскрыл рот от удивления, и Егор, распластавшись над землей в длинном прыжке, с размаха вогнал туда лезвие саперной лопатки.

Парень всхлипнул — как-то очень по-детски, обиженно и беспомощно. Бесплезное оружье отлетело в сторону, глаза расширились и замерли, запечатлев в зрачках маленькое облачко среди ясного неба, одинокое, желтоватое по краям, будто намазанное маслом... Егор упал сверху на противника, вгоняя собственное тело в удар и уже понимая, что правки не требуется. Толик придиричиво осмотрел свое запястье, взглянул на мертвого конвоира, на Егора и спросил с суеверным ужасом:

— Ты как это, а?

— Потом объясню, — проговорил Егор, в темпе обыскивая покойного. — Побудь пока здесь, хорошо?

— А ты куда?

— За Марией.

— Ну вот уж хрен ты без меня пойдешь, — возразил Толик. — Я за Марию кому хочешь глотку перегрызу, а ты меня — жмуриков стеречь... Как будто они гулять уйдут.

— Ладно. Только уговор — без самостоятельности. Иначе обоих положат.

Толик хотел возмутиться (лезут, мол, тут всякие в воеводы), но вспомнил пустые наручники, лопату в горле рыжего уголовника, вздохнул и буркнул без особой теплоты:

— Черт с тобой, командуй.

«Ситроен» и полицейский «УАЗ» по-прежнему стояли посреди просеки, мирно касаясь друг друга радиаторами. Внутри машины, на передних сиденьях, Егор разглядел Марию и Сыча. Сыч о чем-то спросил девушку — та испуганно вжалась в спинку кресла и покачала головой. Сыч рассмеялся, протянул руку к Марии и рванул на ее груди блузку.

— Ты когда-нибудь стрелял из автомата? — спросил Егор.

Толик облизнул сухие губы.

— А чего тут... Невелика премудрость.

— Тогда лежи здесь. Когда я окажусь позади толстяка, дай очередь в воздух.

Толик взволновался.

— Погоди... А не проще этих уродов отсюда пощелкать? Патронов хватит...

— Не проще, — лаконично отозвался Егор и, согнувшись в три погибели, стремглав рванул к «Ситроену».

Он почти достиг цели, когда под ногой оглушительно, на

весь лес, хрустнула ветка. Толстяк повернул голову — Егор едва успел с разбега закатиться под задний бампер «Ситроена». Толстяк, поразмыслив, осторожно присел на корточки, и Егор близко, в полушаге от себя, увидел густо припорошенные пылью форменные ботинки.

Подумать о чем-то более-менее связном Егор не успел: снаружи вдруг гроыхнуло, да так, что он инстинктивно вжался головой в землю. Автоматная очередь, казалось, была длиною в вечность. Идиот Толик, видно, решил, что ховаться за кустами в двадцати метрах от места битвы и палить в белый свет как в копеечку достойно лишь труса. И теперь пер по просеке, как кремлевский курсант на военном параде, и, держа автомат у пуза, поливал огнем всю прилегающую территорию. Егор выкатился из-под машины, и в тот же миг автомат вдруг умолк: похоже, Толик израсходовал весь боезапас. Однако преклинившие мозги Толика на это не отреагировали: он по-прежнему шагал вперед и бестолково давил на спусковой крючок. Он продолжал шагать, и тогда Сыч выстрелил прямо сквозь лобовое стекло «Ситроена».

Круглое лицо Толика вытянулось от удивления. И он медленно, еще не веря самому себе, опустил на колени, выронив автомат в пыль. Сыч в хорошем темпе выскочил из машины и снова поднял пистолет — на этот раз целя Толику в голову.

И Егор прыгнул. Так, как их учили когда-то снимать вражеских часовых: одной рукой выбивая оружие, другой проводя удушающий захват. Кое-какие навыки у Егора остались: знания подобного рода не отпускают человека просто так, за здорово живешь. Однако Сыч, похоже, владел тем же самым набором, и в его мышцы были вживлены те же рефлексy. Он гибко присел, развел руки в стороны, и Егор, не удержавшись, перелетел через противника. Однако захвата не отпустил, и оба они покатались по земле, переплетаясь и вгрызаясь друг в друга в плоть, разрывая ее зубами и когтями... На миг почудилось: разними их кто-то сторонний — и они умрут, точно разделенные скальпелем сиамские близнецы.

Да, рефлексy у них были очень похожи. Только Сыч не пытался забыть их, выветрить из памяти, утопить в стылых ночах и паленой водке, а Егор пытался, что уж там... Поэтому он и оказался внизу, под рычащим от ярости противником. Тот живо насел сверху и торжествующе сомкнул жесткие пальцы

у Егора на кадыке. Егор попробовал извернуться, ударил сбоку под ребра — куда там, Сыч только хрюкнул, будто от удовольствия. К ушам словно приложили пару раковин, доносящих шум морского прибоя; желтые глаза Сыча вспыхнули и растворились во тьме... И вдруг пальцы разжались.

Сыч свалился ничком рядом с Егором, ткнувшись носом в пыль. Мария, смертельно бледная, в разорванной блузке, замерла над поверженным врагом, сжимая в руке увесистый бульжник — как только сил достало замахнуться...

Похоже, силы ушли все без остатка: Мария прислонилась к капоту машины и медленно сползла вниз, закрыв лицо руками.

— Все, милая, все. — Егор подполз к девушке, попутно подбрав пистолет (автоматически, без всякой цели), присел рядом, прижал к себе, ощутив крупную дрожь, сотрясающую ее тело. — Все позади, слышишь? Где твой мобильник?

Она продолжала дрожать, сжавшись в комочек и пытаясь запахнуть на себе блузку. Егор приподнялся, сунул голову в салон машины, отыскал Машенькину сумочку, нетерпеливо перетряхнул — и наконец обнаружил искомое.

— Нужно вызвать полицию.

— Нет, — прошептала она. — Сначала Юлия...

— Как хочешь. — Он отошел, покачиваясь и злясь на себя и весь мир. Конечно, Юлий, Великий и Ужасный, он всех рассудит, накажет злодеев, освободит принцессу из заточения и поцелует в уста сахарные... Ну и черт с вами!

Толик внятно постановывал, держась за окровавленное плечо. Егор бегло осмотрел рану и велел:

— Пошевели рукой.

Шофер поморщился от боли, но подчинился.

— Ничего, — пробормотал Егор. — Рана сквозная, кость не задета. Аптечка есть в машине?

Толик кивнул.

И в этот момент Мария за спиной Егора вскрикнула. Вскрикнула так, что у того и мысли не возникло оборачиваться — он метнулся в сторону, краем глаза успев зацепить медленно поднимающегося Сыча. Будто в дурном сне. Или в плохоньком фильме ужасов, где зомби пачками встают из могил и выходят на променады по темным кладбищенским аллеям...

Вряд ли в теперешнем своем состоянии Сыч представлял

опасность: оглушенный, окровавленный, он и стоять-то не мог как следует. Хотя — кто знает, люди подобного склада остаются опасными даже намертво прикованные к кровати, запертые на замок в камере без окон...

Ни о чем таком Егор не успел подумать: нервы были напряжены до предела, и он выстрелил не целясь, даже не оборачиваясь толком. Сыча отбросило на спину. Он с хрустом впечатался затылком в камень и замер, нелепо разбросав руки и вывернув ступни. Егору понадобилось время, чтобы осмелиться подойти. И, осторожно приблизившись, заглянуть в мертвые глаза — вовсе не желтые, как оказалось, а светло-голубые, безмятежные и чуточку удивленные, между которыми уютно разместилось черное пулевое отверстие.

— Знаешь, — проговорил Егор, не сводя глаз с мертвеца, — думаю, ты права, лучше позвонить Юлию.

Глава 8. *Размышление у парадного подъезда*

...Двери были знатные: не какие-то паршивые «евро», наскоро выструганные из массива сосны и бесталанно облитые бугрящимся лаком, а старинные, из благородно почерневшего дуба, словно в английском родовом поместье. Сейчас они были закрыты, но снизу оставался узкий просвет, позволявший слышать голоса из соседней гостиной.

— Как ты мог отпустить ее одну? — донеслось до Егора. — За что ты здесь зарплату получаешь, телохранитель хренов?! Ты хоть знаешь, что бы с тобой было, если бы Маша... Если бы хоть один волос с ее головы... Я бы тебя даже увольнять не стал — просто повесил в сортире на твоих собственных кишках...

Голос, как догадался Егор, принадлежал сиятельному Хозяину, Юлию Милушевичу, бизнесмену, покровителю искусств, антиквару и прочая, и прочая. Это помещение Егор поначалу принял за средних размеров гостиную, однако вскоре понял, что ошибся: собственно гостиная располагалась дальше, как раз за дубовыми дверями, а это... Это было нечто вроде тамбура, отделяющего гостиную от холла. Холл был вполне стандартный для новорусского особняка: громадный, как вокзал, с мраморным полом, стенами и узкими колоннами, в пятах которых притаились мраморные же львы — уменьшенные копии тех, что охраняли парадное крыльцо. Две высокие греческие вазы на кованых подставках, вмонтированные в стены светильники, похожие на рыбы глаза...

— Я охраняю *вас*, шеф, а не госпожу Марию, — возразил другой голос, преисполненный тотемного азиатского спокойствия. — С ней неотлучно находился Толик. Кто же предполагал...

— А надо было, — перебил Юлий. — На Толика в таких делах надежда, как на финансовую пирамиду. Где этот...

— В соседней комнате.

«Этот» — это я», — понял Егор и покосился на ручку двери, пришедшую вдруг в движение.

— Одну минуту, шеф, — азиат сделал паузу. — Я бы не слишком ему доверял. Все эти рассказы — засада на шоссе, похищение, герой-одиночка против целой банды... Очень уж напоминает кино для подростков.

— Ты послал людей на *место*?

— Они вернулись десять минут назад.

Дверь отворилась. Егор, не поднимая глаз, проследил за лаковыми ботинками вошедшего: если вздумает напасть, обязательно собьется с шага.

Однако прежде в поле зрения появился кот. Егор взглянул на него — и на время забыл о ногах в ботинках. Кот был совершенно выдающийся. Гладкий, жемчужно-серый с голубым отливом, с круглой мордочкой и такими умными глазами, что смотреть в них казалось неприличным.

— Привет, киска, — тихо сказал Егор.

— Мря, — отозвался кот — с той интонацией, с которой хозяин феодального замка здоровается утром с челядью.

— Его зовут Кессон, — пояснил Юлий и протянул Егору руку. — Очень редкая порода, «русская голубая»... Мой единственный друг, если вдуматься. Жаль, не умеет разговаривать. А может, наоборот, к счастью...

— Что с Машей? — спросил Егор.

— Все в порядке, просто перенервничала, понадобилась пара успокаивающих таблеток. Вот Толик пострадал сильнее, пришлось отправить его в больницу. Но, думаю, ненадолго: ранение сквозное, бугай он здоровый, сами видели. Расскажите-ка, что произошло с вами на шоссе? Я, конечно, пытался выспросить у Маши, но она мало что запомнила, сами понимаете. Вы что, в самом деле служили в спецназе?

— Можно и так сказать, — нехотя отозвался Егор. — А насчет того, что произошло... Напали неожиданно и весьма умело, насколько я могу судить. Нас с Толиком затолкали в

«УАЗ», Марию оставили в «Ситроене». Завезли в лес. От Толика и от меня решили избавиться, как от балласта.

— Вас хотели убить?

— Да... Их ошибка: они отправили с нами только одного. Мне повезло, я умею освобождаться от наручников. Похитители этого не знали.

Юлий осуждающе вздохнул.

— Хреновый из вас литератор, Егор Алексеевич. Положили в одиночку целую вооруженную банду, и — «мне повезло». Не подумайте, будто я вам не верю, просто любопытно. Я в молодости сам баловался всякой ерундой: бокс, каратэ... Однако до вашего уровня, похоже, мне далеко. Скажите, вы не могли бы нам кое-что продемонстрировать?

— Что именно? Пару приемов? — вежливо поинтересовался Егор.

— Да ну. Просто покажите, как избавились от наручников. Дамир!

Подошел телохранитель, наклонился, точно официант, подносящий клиенту зажигалку, и защелкнул на Егоровых запястьях никелированные «браслеты» — не обычные полицейские «БР-6», а какие-то особенные, новой модификации. Паршивец Кессон сел у ног, задрал мордочку и посмотрел на Егора с хитроватым ожиданием.

«Вот уж напугали», — сердито усмехнулся тот. Сжал кисть, заставив себя не поморщиться от боли, подвигал суставами туда-сюда, складывая нужным образом, осторожно протянул сквозь кольцо, ухитрившись не оцарапаться — там, в лесу, и то получилось хуже.

— Видал? — Юлий победоносно взглянул на Дамира. — А ты так не умеешь.

— Дело поправимое, шеф, — невозмутимо отозвался азиат. — Попрошусь к молодому человеку в ученики.

Юлий развел руки.

— Что ж, извините за проверку, Егор Алексеевич. Вы же понимаете, я бизнесмен. И далеко не ангел — в кресле, подобном моему, ангелы долго не задерживаются...

— Почему вы не обратитесь в полицию? — напрямую спросил Егор. — Себя вы подвергаете опасности — ладно, ваше дело. Но Мария?.. Ведь она сегодня чудом осталась жива!

— Свои проблемы, — раздельно сказал Юлий, — я привык решать сам. А что касается полиции... Видите ли, в сущности,

мне нечего им предъявить. Дырка в лобовом стекле «Ситроена», раненое плечо Толика, наручники, которые я с него снял (себя-то вы освободили, а о нем не позаботились... шучу). Плюс его собственные показания. Вот, собственно, и все.

Егор обескураженно нахмурился.

— Что значит «все»? А автомат? Мы с Толиком, правда, его захватили, но вдруг повезет, вдруг отыщутся отпечатки того, рыжего? А пистолет, а два трупа?

Юлий с сожалением посмотрел на коньяк, повертел рюмку в руках и после непродолжительной борьбы с самим собой отодвинул.

— Дело в том, Егор Алексеевич, что мои люди ничего не обнаружили. Ни трупов, ни саперной лопатки, ни оружия. Даже стреляных гильз... Кстати, какой марки был пистолет?

— «Стечкин», — автоматически произнес Егор.

— «Стечкина» они тоже не нашли. Жаль, что вы не прихватили его с собой... Единственное, что осталось, — это следы протектора. Но это, сами понимаете, лишь следы протектора...

— Значит, вы думаете, что все это — бутафория, — подвел Егор итог, разглядывая шнурки на своих кроссовках. — Что я просто разыграл пантомиму перед Марией и Толиком.

— Пока я ничего не думаю, — признался Юлий. — Слишком мало исходных данных. Да, чуть не забыл. Мои ребята обнаружили еще одну вещь — полагаю, она принадлежит вам.

— Какую вещь?

— Картину. Она лежала в «Ситроене» и почти не пострадала. Даже рама целая... Вы действительно классный художник, Егор Алексеевич, Машенька не обманула. Кстати, вы ведь еще и дизайнер?

— А вы хотите предложить мне работу?

— Почему бы и нет. Я собираюсь оформить интерьер в домике для гостей. Мне предлагали разные варианты оформления, но все не то... Может, с вами мне повезет больше?

Егор поднял глаза на собеседника.

— Что-то я вас не пойму. Вы мне явно не доверяете — и все-таки пускаете, так сказать, в святая святых...

Цезарь усмехнулся:

— Вас, по крайней мере, я теперь знаю в лицо. Вы уйдете — они пришлют другого, вычисляй его потом... Ну что, согласны? Оплата по договоренности.

Понятно, подумал Егор и вздохнул.

— Знаете, Юлий Валентинович... Если бы я действительно был *частью плана*, то сейчас бы обязательно согласился. А так — нет. Считайте, что я передумал. Всего хорошего. — Егор поднялся с кресла и шагнул к выходу.

От дверей особняка через ухоженный английский газон вела выложенная плиткой дорожка. Егор ступил на нее — и остановился. Ему почудилось... Хотя кой черт почудилось — он был уверен, что кто-то пристально смотрит ему вслед. Он обернулся, успев заметить чье-то напряженное лицо в окне второго этажа. Однако лицо тут же отпрянуло и скрылось за занавеской.

Телефон зазвонил через два дня. Егор, накануне засидевшийся (застоявшийся) за мольбертом до поздней ночи (ничего срочного, просто вдохновение вдруг поперло, драйв, как выражается продвинутая молодежь), нашарил трубку и недовольно буркнул:

— Ну? Кого еще в такую рань...

— Здравствуйте, Егор, — глухо отозвались на том конце. — Это Юлий Милушевич.

— Доброе утро... — Егор растерянно сел в кровати, свободной рукой пытаясь пригладить растрепанную шевелюру.

— Сейчас уже без пяти двенадцать, так что скорее — добрый день. Приезжайте ко мне.

— Зачем?

— Я уже говорил: мне нужен хороший дизайнер.

— Мария уговорила? — понимающе спросил Егор.

На том конце усмехнулись.

— Мария, конечно, женщина умная и имеет на меня определенное влияние... Но там, где дело касается подбора кадров, решения принимаю я сам. Я понятно выражаюсь?

Куда уж понятнее, хмыкнул Егор про себя.

— Хорошо. Но у меня условие. Мне нужен помощник.

— Помощник? — Юлий озадаченно помолчал. — Я об этом не подумал...

— У меня есть приятель, мы вместе учились в «художке». Его зовут Роман Заялов. Без него мне не справиться.

— Черт, — пробурчал Цезарь. — Ты давно знаешь своего... приятеля?

— В третьем классе за одной девчонкой вместе портфель таскали. С тех пор никак расстаться не можем.

Юлий помолчал немного.

— Значит, снова мне от собственного охранника взбучку получать. Ладно, будь по-твоему.

Глава 9. Дом с привидениями

Роман воспринял весть о начале трудовой вахты с энтузиазмом комсомольца времен первых пятилеток.

— Отлично, — провозгласил он, довольно потирая руки. — А то пообносились мы с тобой — аж пиво купить не на что. Когда приступаем?

— Хотя сегодня, — ответил Егор.

— Отлично, отлично. — Роман шумным смерчем пронесся по комнате, швыряя что-то в раскрытый зев старенькой спортивной сумки. — Машину за нами, надеюсь, пришлют?

— Раскатил губенки, — беззлобно отозвался Егор. — Не баре, на общественном транспорте велено добраться.

— Крохобор твой Юлий, — проворчал Роман без особого огорчения. — Ладно, манатки соберу — и двинем.

От трассы до поселка добирались пешком. А потом еще довольно продолжительное время стояли у запертых ворот, словно парочка опаленных солнцем пилигримов. И настроение Романа резко изменилось. По дороге он успел натереть пятку и теперь тихо матерился, всеу помяная зажавшихся буржуев и свои кроссовки с надписью «Адидас», пошитые в кустарной мастерской на улице Малая Маньчжурская. Он уже всерьез начал подбивать Егора на то, чтобы развернуться и уйти («художники мы или кто? где наша гордость, мать вашу, то есть нашу? где самосознание, в конце концов!»), когда ворота отворились и на пороге появился Дамир. Роман мигом замолк, с интересом оглядел телохранителя Юлия с головы до ног и обратно и с невыразимым подобострастием произнес:

— Здравствуйте, наш узкоглазый господин. Тучны ли ваши стада, метко ли бьет охотничий лук? Не болеют ли чумкой ваши ездовые собаки?

— Прибыли? — спросил Дамир, не дрогнув ни единой лицевой мышцей. — Заходите. Сейчас вас устроят, а потом я покажу фронт работ.

На мраморной голове льва, украшавшего собой парадную лестницу, по-простецки свернувшись клубочком, дремал кот. Почувствовав приближение процессии, он открыл глаза и широко зевнул, обнажив розовую пасть. Егор почесал зверю

шейку — тот выгнулся грациозной дугой и благодарно заурчал.

— Здорово, Маркиз, — Ромка тоже протянул руку, однако кот надменно фыркнул, спрыгнул с львиной головы и сгинул куда-то: посчитал, видимо, что чужак должен сперва заслужить право касаться его голубой шкурки.

— Почему Маркиз? — поинтересовался Егор.

Роман слегка растерялся.

— Почему?.. Не знаю. Всех котов зовут Маркизами.

— Этого зовут Кессон.

— Правда? — Роман хмыкнул. — Кессон — это производное от «кессонной болезни»?

Подумал и с некоторой завистью добавил:

— Я гляжу, ты тут совсем стал своим. Даже домашняя скотина признает. Чуть руки не лижет.

Егор с сомнением покачал головой. Черта с два в этом особняке можно стать своим: легче добиться, чтобы тебя приняли как равного в Британском Королевском охотничьем клубе, или на Большом Курултае азиатских кочевых племен.

Дурные мысли, в отличие от всех прочих, в голове не мелькают — они останавливаются там надолго, как поезд на конечной станции. Иные успевают заржаветь, прорасти травой и стать неотъемлемой частью пейзажа. И потихоньку, незаметно для своего владельца разъедают мозг — такое с Егором уже случалось когда-то, в первое время по возвращении из госпиталя. Поначалу вроде бы спасала водка — точнее, не спасала, но выполняла функцию местной анестезии.

Теперь была работа. Впрочем, тоже не лечившая, а лишь отвлекавшая. Егора с Романом поселили в том же домике для гостей, в котором они оформляли интерьер. Одна комната на первом этаже оказалась отремонтированной и вполне пригодной для проживания. Это было очень удобно: встали, позавтракали (кухарка бальзаковского возраста, запавшая на Ромкину бороду и угольно-черные ресницы, доставляла приятелям вкуснейшую жареную картошечку с салом прямо «на дом»), оделись в джинсовые комбинезоны, вышли в коридор — и оказались прямиком на рабочем месте. Егор наярив фантазию, подчитал кое-какие журналы и выдал на-гора дизайн-проект внутренней отделки гостевого домика в стиле «гламур»: драпировка бархатом бордовых тонов, массивные кресла из каталогов одной западноевропейской фирмы, и, в противовес

некоторой тяжеловесности — маленькие серебряные статуэтки на каминной полочке. Роман, как и положено «шустрому мальчику», исправно смешивал краски, двигал стремянку, размывал следы старой побелки, резал ткань и бегал за пивом в местный супермаркет.

Юлий поинтересовался ходом работ лишь дважды: когда Егор принес на подпись эскизы (Цезарь глянул на них мельком, оторвавшись от прочих бумаг, и, прикрыв ладонью телефонную трубку, кивнул и поставил снизу витиеватую подпись) — и когда Егор попросил разрешения заказать мебель.

— Заказывай, — на ходу распорядился Юлий. — Чек потом отдашь Дамиру.

Кроме Машеньки, самого хозяина и прислуги, в поле зрения Егора мелькали и иные персонажи, симпатичные и не очень, но в общем и целом любопытные. Чаше других к Юлию приезжал на крутом «вольвешнике» худой и слегка сутулый тип с обширной плешью, старательно прикрытой семитскими черными волосами. Семитского типа звали Рудик Изельман. Всегда отутюженный, накрахмаленный, в черном костюме за полторы «штуки» баксов, он напоминал хорошо раскрученного гробовщика. С Егором он поздоровался единственный раз, при первой встрече, после чего навсегда потерял к нему интерес.

О том, что господин Изельман до недавнего времени был импресарио знаменитого на весь мир скрипача, Егор узнал от охранника, Всеволода Ерофеича. Тот, прослышав о Егоровом подвиге по спасению хозяйки из лап террористов, проникся к нему неподдельным уважением и по вечерам, освободившись от дежурства, стал зазывать на кухню, где хозяйничали две милые женщины: Элеонора Львовна — высокая, полногрудая, усердно молодящаяся дама в возрасте «слегка за пятьдесят» и тихая, как мышка-полевка, Екатерина Николаевна.

В один из таких вечеров у них зашел разговор о Рудике Изельмане. Необязательный, ленивый, когда все иные темы (политика, шансы нашей сборной на чемпионате мира по футболу и цены на любимый Ерофеичем портвейн) были исчерпаны.

— Скользкий тип, — прокомментировал Ерофеич, отправив в рот ломтик сыра. — Этакая рыба-прилипала — явление распространенное, тут и говорить не о чем. Но вот история с

его скрипачом... Владислав Виндзор — не приходилось слышать? Бешеный талант, лауреат международных конкурсов и прочая...

— И что с ним случилось? — поинтересовался Егор.

— Прошлым летом, кажется в июне, Рудик повез его во Францию, на гастроли. А когда ехали обратно — уже после Москвы (они сначала летели самолетом из Парижа в Москву, а уж оттуда — поездом до родных осин) — скрипач исчез. Вышел в вагон-ресторан — и не вернулся. Полиция весь состав обшарила сверху донизу и местность вдоль железнодорожного полотна...

— Ничего не нашли?

— Футляр от скрипки. В лесочке, в полукилометре от станции «Солнечная» — там поезд стоит три минуты. Мне Володька, приятель мой, рассказывал, будто на футляре были следы крови... Мы с ним, с приятелем то есть, вместе когда-то служили в линейном отделе.

— А дорогая была скрипка? — спросил Егор.

— Да уж не за тридцатник купленная в универмаге.

— Так, может, из-за нее...

— Может, и из-за нее, — не стал спорить Ерофеич. — К остальному багажу грабители не притронулись, взяли только скрипку... Скрипку забрали, а футляр выбросили, вот что странно.

— Значит, розыск ничего не дал?

Ерофеич развел руками.

— Нет трупа — нет преступления. Хозяин, помнится, даже деньги ментам совал (немалые, кстати), чтобы искали по-лучше.

— И что?

Ерофеич хмыкнул.

— Взяли, не подавились. Да что толку.

Солнце медленно опускалось за кромку леса — тускло-оранжевое и надменное, точно шар Монгольфье. Егор встал правым боком к «крепостной стене», огораживавшей особняк, — так, чтобы в «кадр» попал закат над озером и некое незавершенное строительство на противоположном берегу, и раскрыл привезенный с собой этюдник.

Строительство выглядело живописно: этакие серовато-желтые каменные зубцы (туф, определил Егор), которые при

известном воображении можно было принять за старинную крепость.

Сзади хрупнула ветка. Егор обернулся, подумав вначале, что это Ромка Заялов вернулся в неурочный час (тот познакомился на днях с учительницей-разведенкой из поселковой школы и возвращался от нее лишь под утро, играя блудливой улыбкой на лице и аккуратными синячками в вырезе пиратской тельняшки). Однако это оказалась Мария. На ней были черные джинсы и голубой джемпер — этот простенький наряд ей удивительно шел. Она посмотрела на этюдник, перевела взгляд на Егорову клетчатую ковбойку и спросила:

— Тебе не холодно?

— Я привык, — буркнул Егор. И глупо спросил: — Почему ты одна?

— Юлий в городе по делам... Еще не вернулся.

— А Дамир... Разве он тебя отпускает?

— Он тоже в городе. И потом — что значит «отпускает»? Я не пленница.

— Знаю, ты хозяйка, — усмехнулся Егор, отчего-то досадуя на себя.

Она помолчала, глядя на озеро, потом, почувствовав, видимо, Егорово настроение, тихо произнесла:

— Юлий, в сущности, хороший человек. Только очень несчастный... Можно иметь красивый дом, собственную торговую компанию, летать на Канары в выходные — и быть таким вот... Несчастливым и одиноким. Жутко одиноким, не по-человечески.

— Значит, ты его пожалела? — резко спросил он. — Я думал, ты его любишь.

Машенька зябко повела плечом.

— Любовь бывает разная, — медленно проговорила она. — Бывает любовь-восхищение... Или любовь-благодарность — если человек сделал для тебя что-то очень большое и важное. Бывает любовь-жалость — если мужчина слабый и несчастный. Это не самое плохое чувство.

— А... просто любовь? — спросил Егор внезапно севшим голосом.

— Просто любовь... — Машенька сделала паузу. — Это если любишь человека, который для тебя даже не самый лучший — просто единственный.

Ажурная беседка на том берегу утратила буйство предзакат-

ных красок и стала целиком фиолетовой — цвета сосновых крон в вышине, цвета ракиты у кромки воды, цвета самой воды...

Цвета Машенькиных волос, струящихся вдоль спины, — Егор, не удержав искушения, протянул руку, чтобы дотронуться до них, и вдруг Маша испуганно вскрикнула. Чуть справа, возле каменного забора, под чьей-то ногой хрустнула ветка, и нечто темное, стремительное, бесформенное (так показалось) в мгновение ока пронеслось меж деревьев.

— Птица, наверное, — успокаивающе сказал Егор. — Не знал, что здесь такая глушь.

— Птица? — Мария в страхе прижалась к Егору. — Это человек!

Егор дернулся наперерез, ориентируясь по топоту ног впереди, метрах в пятнадцати... Выскочил на асфальт, сделал оборот вокруг оси, на всякий случай изготавившись к бою...

Незнакомец исчез — ни шороха вокруг, ни движения. Или тот, за кем Егор гнался, гораздо лучше него знал окрестности, или...

— Егор!

Он обернулся. Машенька выбежала на дорогу — волосы растрепаны, тревога в широко раскрытых глазах... Егор подскочил к ней, обнял, прижал к себе, ощутив, как приступ мучительной нежности буквально скручивает его в бараний рог, достает до печенки, разрывает изнутри прутья грудной клетки... Черт, да приди сюда хоть целое вражеское войско — Егор только рассмеялся бы, шагнув навстречу копьям и стрелам. И вряд ли нашелся бы человек, который позавидовал бы тому войску...

— Егорушка...

— Все хорошо, родная, — неверными губами произнес он. — Все хорошо, никто тебя не тронет.

— А... тот, в лесу?

Егор успокаивающе улыбнулся:

— Пусть попробует.

...Его руки искали ее руки. Ее губы искали его губы — и нашли, конечно, куда им было деться даже в чернильной темноте, пришедшей на смену закату. Темнота была наполнена невнятным шелестом ветвей, стрекотанием цикад и оглушительным биением сердца. Точнее, двух сердец, бившихся в унисон, от которого когда-то рухнул какой-то там мост — что ж, ничего удивительного в том, что он рухнул...

Идиллия, однако, оказалась недолговечной. В сумрак бес-

пardonно врезались автомобильные фары, Мария отстранилась от Егора, оба обернулись и зажмурились, точно два неосторожных оленя — за секунду перед тем, как впечататься пятнистыми телами в бампер припозднившегося рефрижератора.

У шофера, однако, была хорошая реакция. Тормоза коротко взвизгнули, хлопнули дверцы, и из «Мерседеса» вышел господин Милушевич в сопровождении азиата-телохранителя. Мать твою...

— Гуляем? — светски улыбнулся Юлий.

— Здесь был человек, — быстро сказал Егор. — Я не уверен, но, по-моему, он спрыгнул со стены.

Улыбка с лица бизнесмена не исчезла — просто трансформировалась из светской в недоверчивую. Дамир вынул из кармана мобильник и потыкал в кнопки.

— Ерофеич, это я... У вас все спокойно?... А ты проверь. Я буду на связи.

— А что *вы* здесь делали, разрешите полюбопытствовать? — вдруг спросил Юлий.

— Рисовал, — нехотя ответил Егор, чувствуя себя полным идиотом. — Я оставил этюдник у озера. Послушайте, я понимаю, это звучит не слишком убедительно, но...

— Машенька, садись в машину, — ровным голосом произнес Юлий.

Она подчинилась: опустив голову, прошла мимо Егора и уже возле дверцы быстро посмотрела на него — с мольбой и надеждой.

Егор с Юлием стояли друг напротив друга — оба приблизительно одного роста и комплекции.

— Что у тебя было с Машей? — глухо спросил бизнесмен. — Говори, не трону. Все-таки я твой должник.

— Ничего, — ответил Егор без надежды, что ему поверят.

Ему и не поверили. Юлий покачался с пятки на носок, поразмыслил и вынес приговор:

— Вот что, маляр-штукатур. Чтобы к утру духу твоего здесь не было. Насчет оплаты не беспокойся, чек я пришлю.

Какой чек, чуть было не ляпнул Егор, у меня и сберкнижки-то нет...

Чтобы собрать вещи, оставшиеся в гостевом домике, понадобилось минут десять. Егор критически осмотрел свой рюкзак, попинал его ногой, придавая форму, лег на кровать и

закинул руки за голову. Внезапно навалилась усталость. Веки сами собой смежились, некоторое время Егор еще зачем-то боролся со сном, потом махнул рукой. Все равно до утра с места не сдвинусь, решил он, пусть хоть НЛО приземлится на лужайку перед фонтаном...

Он пребывал в дремотном состоянии не больше получаса. Открыл глаза (ночь и луна за окном), повернул голову и увидел Юлия, сидящего на стуле возле кровати. Должно быть, в лице Егора что-то отразилось: некая готовность к активным действиям, потому что компьютерный магнат отодвинулся вместе со стулом на безопасное расстояние и усмехнулся:

— Что, прикидываешь, с какой руки двинуть мне в челюсть?

— С чего вы взяли? — хмуро поинтересовался Егор.

— Так у тебя на роже написана вся твоя пролетарская ненависть. Крупным шрифтом. Я угадал?

— Нет.

Юлий взглянул с любопытством.

— Вот как? О чем же ты размышляешь?

— Думаю, зачем вы пришли. На дверь вы мне уже указали, вещи я собрал. Утром уеду.

Юлий встал, покачнулся, как гироскоп, и Егор вдруг заметил то, чего не понял раньше: компьютерный магнат был здорово «подшофе».

— Как он выглядел? — вдруг спросил Цезарь.

— Кто?

— Не придуривайся. Тот, кого ты видел в лесу.

Егор подумал.

— В общем-то, я мало что разглядел... Возможно, высокий, возможно, худой... Я вначале принял его за крупную птицу.

— Продолжай.

— Собственно, все... Единственная деталь: он очень неплохо бегают. И ни разу не споткнулся, а в лесу, в сумерках, споткнуться — раз плюнуть. Я бы сказал, что этот тип бывал здесь — и не однажды. Я бы на вашем месте поискал в собственном окружении...

— Ну, ты пока не на моем месте, — заметил Юлий. И спросил — неожиданно, в любимой манере резко менять направление, не включая поворотника: — Выпить хочешь? Тогда пошли. Барахло свое оставь, никто не украдет. Приличный дом все-таки...

Они проследовали в кабинет. Юлий подошел к стеллажу, вытащил несколько книг, ткнул пальцем куда-то в заднюю стенку, и — Егор присвистнул от удивления — стеллаж вместе с частью стены бесшумно повернулся вокруг оси. Егор осторожно приблизился, заглянул в проем и увидел уходящие вниз ступеньки.

— Пещера Али-Бабы, — Юлий сделал приглашающий жест. — Заходи, не бойся.

— А «Амонтильядо!» мне кричать не придется? — на всякий случай осведомился Егор.

— Если бы я всех своих недругов замуровывал в стены, — ответил компьютерный магнат, обнаружив похвальное знание классической литературы, — мне скоро жить стало бы негде.

Щиколотки коснулось что-то мягкое. Егор опустил взгляд. Кессон (вот кто чувствовал себя хозяином!) испытующе посмотрел в глаза и важно прошествовал вперед. Что ж, хмыкнул Егор, пещера так пещера.

Комната, куда они попали, и впрямь напоминала пещеру. У Егора в детстве тоже была своя сокровищница: она находилась в чреве старого тополя недалеко от их дачного участка. Корни дерева с одного бока выползли из-под земли, образовав настоящий шатер: взрослому нипочем не втиснуться, а девятилетнему мальчишке — в самый раз. Там, в вырытой ямке, под цветным стеклышком, и хранились собственно сокровища: спичечная коробка с засушенным жуком-оленом, жестянка с обертками от американской жвачки, настоящий патрон от ружья, оловянный мотоциклист и перочинный ножик с гербом города Твери на рукоятке. Юлий Милушевич был человеком иного масштаба, и сокровища были ему под стать. Роль фантиков от жвачки здесь играли старинные гравюры, оловянный мотоциклист был с успехом заменен коллекцией часов — карманных, настольных, настенных и двух напольных, повторяющих Биг-Бен в миниатюре, а ножик с гербом на пластмассовой рукоятке трансформировался в собрание холодного оружия, развешанного на двух стенах, не занятых гравюрами: пара дуэльных «лепажей», австрийский багинет, короткоствольный драгунский карабин, две кавалерийские сабли, повешенные на стену крест-накрест...

Сабли понравились Егору больше всего: от их голубовато-серых изогнутых клинков, черных от времени рукоятей (то ли искусственно состаренных, то ли чудом сохранившихся), по-

лукруглых эфесов в тусклой позолоте веяло *силой*. Настоящей, не показной, старинной: поддержишь такую саблю в руках — и поймешь, что далекий твой предок прожил жизнь, не посрамив чести. Богатыри, не мы...

— Эта сабля принадлежала генералу Ермолову, — сказал Юлий, неслышно подойдя сзади. — В битве под Вереей на него напал вражеский гренадер. Ермолов отбил штык и ударил сам. Гренадер подставил ружье, чтобы защититься, и сабля перерубила ружье пополам. С тех пор на клинке — вот здесь, видишь? — появилась зарубка. Ермолову предлагали выправить ее, уверяли, что следа не останется, но генерал не позволил.

Юлий медленно прошелся по комнате, остановился у небольшого сейфа, скромно притулившегося в углу, и любовно погладил дверцу.

— А здесь хранится самый ценный мой экспонат. Вещь, которую Наполеон Бонапарт считал своим талисманом. И которая, если верить всем этим мистическим сплетням, его и погубила... Хочешь посмотреть? — Юлий хохотнул. — Впрочем, нет, тебе достаточно того, что ты уже видел.

— Откуда у вас все это? — спросил Егор.

— Кое-что приобрел я сам, но основное — от отца. Это был его пунктик — наполеоновские войны. — Компьютерный магнат обозрел свою сокровищницу и проговорил: — Эти вещи принадлежали когда-то сильным мира сего. И любая из них стоит гораздо дороже, чем мой особняк. Но я храню их не из-за этого... Знаешь, они, эти вещи, *действительно хранят ауру своих прежних хозяев*. Стоит только взять в руки, чтобы почувствовать...

Он подошел к бару, встроенному в стену, протянул руку к едва заметной кнопке и добавил:

— Да, насчет домика для гостей. Насколько я помню договор, все должно быть готово к следующему понедельнику. Надеюсь, успеешь? Вот и отлично. Работаете ты неплохо, можно даже подумать о прибавке к гонорару.

— Я не просил прибавки.

— А зря. Хороший ты парень, Егор. Слегка наивный, но, в общем и целом...

Юлий нажал кнопку. Дверца бара открылась, обнажив зеркальное нутро, Юлий извлек на свет божий бутылку «Каберне» и два бокала.

Кессон тем временем неспешно, по-хозяйски, продефилировал по комнате, прыгнул на подоконник и потянулся носом

к цветку в маленьком керамическом горшочке — видно, понравился запах.

— Красивый у вас зверь, — сказал Егор, приготовившись услышать в ответ тираду в духе «смотри не стибри, в асфальт закатаю».

Однако Юлий молчал. Егор перевел взгляд на собеседника — и вздрогнул.

Потому что лицо Юлия вдруг перестало быть лицом. Оно как-то странно застыло, превратившись в жутковатую маску — не карнавальную, а скорее посмертную, гипсовый слепок, покрытый трещинами

— Что с вами? — негромко спросил Егор.

Юлий явно хотел что-то сказать, но не мог. Он закашлялся, рванул ворот рубашки — так, что две верхние пуговицы застучали по полу... Егор подошел к окну, выглянул наружу: ничего подозрительного. Тишина, посеребренная луной лужайка с каменными дельфинами, фрагмент парка на заднем плане и фонарь на витиеватой подставке. Ни души.

— Там никого нет, — успокаивающе проговорил Егор. — Вам почудилось.

И хотел добавить сакраментальное «пить надо меньше», но не добавил. Юлий стремительно подскочил к окну и резко, едва не взвизгнув, швырнул на пол горшочек с геранью.

— Это ты... — прошипел он, с трезвой ненавистью глядя на Егора. — Ты приволок сюда эту дрянь?!

Егор на всякий случай отступил на шаг.

— Успокойтесь. При чем здесь я?

— А кто? — Компьютерного магната трясло крупной дрожью. — Кто, кто, кто, мать твою?!

В дверь аккуратно постучали.

— Хозяин! Юлий Валентинович, с вами все в порядке?

— Зайди! — рявкнул Юлий.

Дамир вошел, увидел на полу черепки, и кожа на его скулах опасно натянулась.

— Откуда это здесь?

Магнат с сожалением оторвался от бутылки.

— Я тоже хотел бы знать. И я выясню это, черт побери...

...Результаты опроса персонала оказались нулевыми. Все трое — кухарка, горничная и охранник — явились без промедления, словно солдаты, поднятые по тревоге. У Егора созда-

лось впечатление, что в эту ночь вообще никто не смыкал глаз. Обитатели дома только и делали, что сидели одетыми под одеялами в своих комнатах и сдавленно хихикали, предвкушая, как в назначенный час выскочат наружу в белых простынях и забавных масках из сушеной тыквы.

После подробной разборки с челядью Юлий заперся в кабинете. Челядь нерешительно потопталась в коридоре и разбрелась по комнатам. Егор сошел с крыльца на лужайку, намереваясь вернуться к себе в гостевой домик, и тут кто-то тронул его за плечо.

Егор выругался про себя. Чертов азиат подобрался совершенно неслышно — он вообще, казалось, способен был не издавать шума при передвижении, будь под ногами крупная галька или листовое железо. Не шевельнув ни единым лицевым мускулом, он произнес:

— Не возражаете, Егор, если мы немного прогуляемся?

Тот пожал плечами: совершенно не понимаю, почему бы двум благородным донам не прогуляться в пятом часу утра...

В полном молчании они пересекли центральную лужайку, обогнули фонтан с тремя каменными дельфинами и подошли к дверям гостевого домика. Дамир несильно толкнул дверь и присвистнул:

— Не заперто... Воров не боитесь?

— Меня заверили, что здесь не воруют.

Они вошли. Егор включил свет и — безумие заразительно — инстинктивно огляделся: не появилось ли само собой в его обители какое-нибудь домашнее или дикое растение. Финиковая пальма, к примеру. Или плотоядный цветок бэльцата краснолистная, произрастающий в поймах рек Экваториальной Африки. Глупости, конечно. Дамир мыслил более масштабно: он шагнул к шкафу, бесцеремонно распахнул обе створки и заглянул внутрь.

— А как насчет санкции прокурора? — вежливо поинтересовался Егор.

Дамир раздвинул губы, дав понять, что оценил шутку. Через несколько минут он добрался до Егоровой джинсовой куртки — неизменной спутницы хозяина на протяжении последних пяти лет, — сунул руку в карман и вытащил некий серый комочек.

— Ваше хозяйство?

— Без понятия, — честно ответил Егор.

— А вы посмотрите внимательно.

Егор подошел, взял в руки комочек и осторожно развернул.

Это был товарный чек с названием магазина («Ольвия», «цветы, домашние растения и букеты на все случаи жизни»), датой и временем покупки (сегодняшний... нет, уже вчерашний день, время 16.00) и наименованием товара («пеларгония розовая в горшочке № 4»).

— Откуда это взялось? — глупо спросил Егор.

Глупее не придумаешь — однако азиат не улыбнулся. Только проворно сунул руку под пиджак, когда хлопнула входная дверь. На пороге возник Ромка Заялов. Он с легким удивлением взглянул на следы шмона, поцокал языком и выдал фразу из классики:

— Что, Рольф, готовитесь к эвакуации?

Глава 10. Кто виноват?

— Значит, так, маляр-штукатур, — жестко произнес Юлий. — Даю тебе полчаса, чтобы убраться отсюда. Вещмешок собрал? Вот и хорошо...

— Юлий, прекрати. — Машенька по-прежнему была бледна, ее взгляд метался от Егора к компьютерному магнату и обратно. — Егор, объясни им, что ты не виноват!

Егор молча отвернулся. «Скажи, что не виноват...» Сказать можно, вопрос — поверят ли... Вот только доказывать свою непричастность не хотелось. Не хотелось — хоть режь — доказывать свою правоту, а хотелось развернуться и уйти, предварительно сплюнув на чистый пол. И забыть, как предутренний кошмар, и этот особняк, и его обитателей, один из которых (вдруг стукнулась в голову мысль) вполне мог подсунуть хозяину послание в духе «Тайны черных дроздов» Агаты Кристи. Эта версия выглядела куда правдоподобнее мифического Человека-у-озера — нет, никаких призраков, никаких ниндзя, перелетающих через стены... Кто-то свой...

Ромка пришел под вечер — сердитый, даже злой, и какой-то виноватый одновременно.

— Тебя тоже выгнали? — спросил Егор, в свою очередь чувствуя укол совести (из-за меня ведь, черт возьми).

Ромка вошел, сел на диван и сообщил ближайшему углу:

— А с какой стати меня выгонять? Я чужих невест среди ночи не тискаю, в хозяйский кабинет без стука не вламываюсь

и цветы дарю исключительно женщинам на Восьмое марта... Я вообще на редкость законопослушный гражданин, даже улицу всегда перехожу на зеленый свет.

— А я, по-твоему...

Роман поднял глаза на собеседника. В глазах стояла грусть. Да что там грусть — тоска. Зеленая, как заросший ряской пруд.

— Какого черта ты влез во все это дерьмо? Нас наняли, чтобы мы расписали этот гребаный домик для гостей, только и всего. А ты...

Егор молчал. Роман принял это как должное, вздохнул и встал с дивана.

— В общем, прости, но для меня очень важна эта работа. Ты-то намалюешь еще пяток картин, продашь лохам на рынке — вот и «бабки» в кармане. А мы — неспособны-с. И бывшая моя вчера нагрянула — грозитя подать в суд за неуплату алиментов... — Он снова помолчал. — Когда ты ушел, я объяснил Юлию, что к твоим левым делам никакого касательства не имею — собственно, ты мне вроде бы вообще не друг, а так, знакомый одного приятеля. И что гостевой домик я могу закончить и сам, основная работа уже сделана.

Проводив друга детства, Егор бесцельно побродил по квартире, включил и выключил телевизор, вытащил из-за шкафа три свои картины в подрамниках, поставил в ряд на диване. Следовало привести полотна в конкурентоспособный вид, хотя бы пыль стереть... Почему-то стало жалко. Не пыли, конечно, а самих картин, которые завтра пойдут на продажу. И даже немного стыдно — будто он собрался продавать любимую собаку, которую нечем стало кормить.

Он не успел додумать эту мысль до конца: в дверь позвонили. Ромка, решил Егор то ли с огорчением, то ли с облегчением. Не вынесла душа поэта, пришел мириться. Любопытно, чем он затарился на этот раз: «Белым медведем» или «Очаковым»? Поразмыслив, Егор поставил на «Очаково».

И продулся в прах.

Некоторое время он молча стоял на пороге. Потом провел рукой по лицу и растерянно произнес:

— Машенька...

На кухне у Егора жил сверчок. Он трещал где-то за плитой — сначала страшно надоедал, потом Егор притерпелся. И даже обнаружил в этом соседстве положительные стороны: теперь,

случись очередной приступ бессонницы, он был не один. Вот и сейчас — Маша незаметно уснула прямо в кресле, Егор осторожно перенес ее на диван и укрыл пледом, а сам на цыпочках пробрался на кухню и выглянул в окно на улицу.

Телефон в прихожей зазвонил громко и требовательно. Даже сверчок на кухне испугался и притих. Егор снял трубку.

— Это ты? — спросили на другом конце.

Юлий, не к ночи будет помянут.

— Я слушаю.

— Мария у тебя?

— Допустим.

— Что она делает?

Егор посмотрел в глубь комнаты и ответил чистую правду:

— Спит на диване.

Трубка помолчала.

— Если ты ее хоть пальцем тронешь... хоть пальцем, понял? Я тебя удавлю собственными руками.

Странно, но эта угроза, произнесенная тоскливым шепотом, окончательно успокоила. Егор даже ощутил нечто вроде жалости к собеседнику: вот ведь несчастье, всю жизнь ходить в обнимку с телохранителем и спать с пистолетом под подушкой... Свихнуться недолго.

— Она в безопасности, — сказал он. — А вот насчет тебя — не уверен.

— Ты что, — выдохнул Юлий, — ты мне угрожаешь, сопляк?

— Нет. Я просто хочу, чтобы ты включил свои мозги наконец. И сообразил, кому ты мог перейти дорогу. Кто прислал тебе эту чертову герань. Тебе ведь отлично известно, что это сделал не я. И что Мария тут ни при чем — тебе просто хотелось сорвать на ком-нибудь злость. А истинный твой враг по-прежнему где-то рядом с тобой.

Юлий молчал.

— И передай своей службе безопасности, — сказал Егор, — или как ты ее называешь... Пусть займутся своими прямыми обязанностями: охраняют босса. Ко мне ее не подсылай: себе дороже.

Он положил трубку на рычаг, подошел к дивану и осторожно присел на краешек. Машенька спала, накрытая пледом. Волосы ее растрепались во сне — когда-то, в первую

встречу, они вызвали у Егора мысль, что Мария — полукровка, что ее мама была грузинкой или цыганкой. Теперь эти волосы были прямо под его рукой — Егор с трудом удержался от искушения погладить их. Ничего, неслышно шепнули его губы. Черта с два кто-нибудь до тебя доберется. Пусть сначала через меня переступит...

Утром Егор застал Марию за сборами. На его вопрос: «Куда ты?» — она ответила коротко: «Не хочу тебя стеснять. Поживу пока у Ляли Верховцевой».

— Ты с ума сошла, — искренне сказал он. — Что значит «стеснять»? Оставайся здесь сколько захочешь. Хоть на всю жизнь...

Она едва заметно улыбнулась и покачала головой.

— Прости, Егорушка. Мне бы сначала в себе самой разобраться.

Он понял, что упрасивать ее бесполезно. Только хмуро проговорил:

— Тогда поедem вместе. Мало ли что...

...Ляля встретила их с неподдельной радостью. Ее искусно подведенные глаза буквально источали причудливую смесь веселого ужаса и жгучего любопытства. Выслушав историю в кратком изложении Егора (Машенька больше отмалчивалась), она села на диван, подтянула колени к подбородку и вынесла вердикт:

— Дела, едрена Матрена... Что ж, подруга, поживешь пока здесь. Подождешь, пока страсти не улягутся, сама успокоишься... А с комендантшей я договорюсь.

— Спасибо, — улыбнулась Машенька и покаянно добавила: — Прости, свалилась я тебе как снег на голову...

Лялечка пожала плечами.

— Живи сколько хочешь. Тем более что я, наверное, съеду отсюда в ближайшее время.

— Куда съедешь?

— Да так... Наклевывается один вариант. А тебе, мышон, мой совет: разводиcь со своим бизнесменом и выходи замуж за нормального психически здорового мужика, — она фамиллярно хлопала Егора по плечу. — Пусть без «мерса» и златых цепей поверх малинового пиджака, зато сильного и надежного. Я, когда услышала, как он тебя из лап бандитов спасал, чуть множественный оргазм не схлопотала, ей-богу.

— Лялечка, я тебя обожаю, — растроганно сказала Маша. — А что за «вариантик», если не секрет?

Этот невинный на первый взгляд вопрос неожиданно вызвал бурную реакцию. Ляля взглянула на часы и вдруг стремительно, как ракета на старте, подскочила вверх.

— О, черт, за мной зайдут с минуты на минуту, у меня рожа еще не нарисована, а я тут с вами лясы точу...

Она едва успела скрыться за распахнутой дверцей шкафа, как в комнату постучали.

— Не заперто, — крикнула Ляля, и дверь послушно отворилась.

Егор повернул голову, увидел на пороге фигуру, декорированную знакомой угольной бородой, и присвистнул:

— Однако...

Ромка Заялов был начищен, как самовар к деревенскому празднику, и источал нестерпимое одухотворенное сияние. Борода его была аккуратно пострижена, а внеклиматическую абордажную тельняшку сменил грандиозный костюм-тройка цвета «Белая ночь». В руке Роман скромно держал вовсе уж запредельную для него вещь — три алые розы в шуршащем целлофане: апофеоз Большого Стиля, намертво пригвоздивший Егора к стулу.

— Ну, скоро ты... — начал Роман, увидел Егора и громко икнул от неожиданности. — Привет. А я тут шел мимо, дай, думаю, зайду... То есть я имел в виду...

— Присаживайся, милый, — пропела Лялечка из-за импровизированной ширмы. — Я через пять минут буду готова.

— Я подожду в коридоре, — бухнул друг детства и, пятясь, ретировался в дверь.

Ромка подпирал стену в коридоре. Егор подошел, оглядел приятеля с ног до головы и вдруг обрадовался — по-мальчишески, буквально до слез, — оттого, что вот он, друг детства, никуда не исчез, стоит перед ним, не зная, куда деваться от неловкости. И оттого, что недавно выросшая между ними стена рассыпается на глазах.

— Дуешься на меня? — спросил Ромка, пристально изучая дверь женского туалета в конце коридора.

— О господи, за что?

— Ну, я ведь не ушел от Юлия. Вроде как предал тебя.

— Перестань, — искренне сказал Егор. — Если я вдруг по пьянке свалюсь с балкона, тебе что, тоже прыгать вслед за

мной? Расскажи лучше, как это вас с Лялей угораздило познакомиться.

Ромка, проехав скользкую тему, облегченно вздохнул.

— Да, в общем, случайно. Знаешь, как это бывает: случайно встретились, разговорились, обнаружили общих знакомых (то бишь тебя с Машей)... Я грешным делом и подумал: а вдруг это судьба! Нет, я понимаю, что я для нее не подарок: ни собственного угла, ни нормального заработка, да и характер у меня...

— Ну, это ты зря. Может быть, как раз подарок. Не все же ей... — Егор почувствовал, что чуть не ляпнул лишнего и замолк.

Роман поморщился.

— Знаю, знаю. Она из своего прошлого секрета и не делала. Наоборот, рассказала, чем занималась, чтобы все по-честному...

— И тебя это не пугает?

— После моей бывшей-то? — Роман хохотнул. — Я теперь могу плавать в бассейне с нильскими крокодилами. И спать в яме с ядовитыми змеями. — Он помолчал и мечтательно проговорил: — Знаешь, она всерьез хочет, чтобы у нас был ребенок. Мы уже консультировались у врача, нас заверили, что это вполне возможно, несмотря на... Ну, ты понимаешь. А еще она сказала, что если будет девочка, мы назовем ее Марией. А если мальчик...

Неужто Егором назовут, мысленно улыбнулся Егор.

— ...то будет Леонидом, — закончил Ромка.

— Что ж, совет да любовь... А как дела *там*? — Егор неопределенно махнул рукой, но Роман понял. — Ничего больше экстраординарного не произошло?

— Тишь, гладь и божья благодать, — доложил друг детства. — Гостевой домик я почти закончил, теперь вот забор подшаманиваю. Бабки получил нормальные, без обмана. Думаю, может, охранником к хозяину наняться — на пару с Ерофеичем сидеть в будке перед мониторами? Не знаю только, возьмут ли...

Они расстались на улице. Роман, расхрабрившись, даже положил широкую ладонь на Ляleckино плечо. Та, несколько не удивившись, обняла спутника за талию и спросила напоследок у Марии:

— А что, Юлий с тех пор больше не звонил?

— Звонил два раза, — нехотя сказала Маша. — Я не отвечала.

Он позвонил в третий раз спустя несколько дней. Егор узнал об этом от Машеньки, когда встретился с ней на традиционном месте — у городского фонтана. Егор только что продал очередную свою картину и пребывал в самом благом расположении духа. Картина была из «парашютной» серии. Ее купила очаровательная шведка бальзаковского возраста, каким-то злым ветром занесенная в среднероссийскую глубинку.

— Юлий звонил, — сообщила Мария, глядя куда-то мимо Егора.

— Что ему нужно?

— Кессон умер.

— Вон оно что... — Известие, в общем-то не столь значительное, опечалило Егора по-настоящему. Кессон был, пожалуй, самым симпатичным существом в Юлиевом особняке (исключая Машеньку, разумеется). — Что с ним случилось? Попал под машину?

— Не знаю. Юлий говорил очень сбивчиво — жаловался, что на него разом обрушилась масса несчастий. Затопило спальню (какая-то авария на втором этаже), через два дня умер Кессон, сам Юлий, кажется, серьезно заболел: рези в желудке, сильный кашель... — Она нерешительно помолчала. — Он просит меня приехать.

— Зачем? — Угасшая было неприязнь к компьютерному магнату разгорелась с новой силой. — Он ударил тебя, выгнал из дома, обвинил черт знает в чем, а ты хочешь его простить?

А ведь простит, подумалось с горечью. Таков менталитет русских женщин: прощать и жалеть, повторяя про себя не пойми кем придуманную идиому: бьет — значит, любит. Вот же хрень...

— Послушай, — как можно убедительнее произнес Егор, — ты ему ничем не обязана.

— При чем здесь это? — мягко сказала Мария. — Я все еще его жена. Я должна узнать, что случилось.

Егор помолчал и сухо спросил:

— Мне поехать с тобой?

— Не нужно, — ответила Маша. — Я сама справлюсь.

— Как знаешь, — буркнул Егор.

И рассердился на себя, поняв, что испытывает истовое облегчение: ехать в Юлиев особняк активно не хотелось. Как,

впрочем, и отпускагь Машеньку одну: мало ли что может случиться в этом чертовом доме.

В ближайшем лаьке Егор купил бутылку дешевой водки. Пришел домой, сел за кухонный стол, жажнул полный стакан, не почувствовав вкуса и только усмехнувшись: вот так, мол, сколько ни зарекайся, ни выливай спиртное в унитаз (знакомый психолог утверждал, что помогает... черта с два), а все равно, рано или поздно...

Он не помнил, сколько прошло времени. Очнулся, когда за окнами было темно, а в прихожей надрывался телефон. Егор запустил в него стаканом — не попал, конечно. Глазомер не тот, рука не та... Обреченно вздохнул, подошел, придерживаясь за стенку, лаконично выдохнул в трубку:

— Ну?

— Егор... — кажется, на том конце человек еле сдерживал рыдания. — Это Мария. Егорушка, ты мне нужен...

— Маша, — наконец сообразил он. — Что случилось? Где ты сейчас?

— В особняке. В спальне. Егор... *Юлий мертв*. Приезжай, пожалуйста. Мне страшно.

И трубку повесили.

Егор добрался до места в рекордно короткий срок — благодаря попутному грузовику, шофер которого, видимо, начал карьеру пилотом «Формулы-1». Он с одинаковой лихостью обставлял на шоссе все транспортные средства — от груженых фур с прицепами до хищно вытянутых импортных лимузинов.

Минут пять Егор терзал кнопку звонка. Наконец правая створка ворот открылась, и на пороге показался охранник Савелий Ерофеич — в традиционном камуфляже и с кобурой на животе. Лицо у стража было спокойным: то ли он еще не знал о кончине хозяина, то ли Машенькин звонок Егору просто почудился.

— Где Мария? — быстро спросил Егор вместо приветствия.

— В доме, — растерялся страж. — Днем приехала... Эй, а тебе чего надо, парень?

Егор оттолкнул охранника и вбежал на территорию. Тишь, гладь и божья благодать, как давеча выразился друг детства. Егор подскочил к двери дома, дернул на себя (не заперто), влетел в холл и крикнул: «Маша!»

Тишина. Вязкая, плотная, *нехорошая* — в такой тишине вполне можно нарваться на все, что угодно, в том числе и на пулю из-за угла... Он миновал гостиную, свернул в коридор (ага, вот кабинет, вот спальня...), постучал и снова крикнул:

— Маша, ты здесь? Это я, Егор!

В спальне что-то шевельнулось. Послышался всхлип, и, кажется, звякнуло стекло. Егор приложил ухо к двери, и в этот момент в затылок вжалось нечто твердое и угрожающе прохладное.

— Не двигаться, — услышал он за спиной. — Руки вверх, лицом к стене... Шевельнешься — башку разнесу. Как ты вошел?

— Через дверь, — объяснил Егор, поспешно выполняя приказание. — Дамир, там Маша... С ней что-то случилось.

Тяжелые ботинки протопали по коридору, загрохотало подбежал Ерофеич и сердито проговорил, борясь с одышкой:

— Говорю ему «Стой!», а он прет, как лось. Я бы тебе, парень, пальнул в спину, и ничего бы мне не было, кроме благодарности...

— Присмотри за ним, — не раздвигая губ, сказал Дамир, а сам постучал в дверь спальни. — Мария Владимировна, откройте. Или хотя бы отзовитесь. Если не можете говорить, сбросьте что-нибудь на пол.

Снова тишина. Целая вечность прошла в полной тишине, прежде чем дверь тихонько скрипнула. На пороге возникла Машенька — бледная до обморока, с ладонями, почему-то испачканными в крови. Азиат отстранил ее плечом и изящным танцующим движением скользнул в комнату.

— Что у тебя с руками? — тихо спросил Егор. — Откуда кровь?

— Я поранилась, — так же тихо сказала Маша. — Бокал разбился, я собирала осколки.

— Какой бокал?

— С вином. Юлий разбил бокал... Егорушка, ты ведь не уйдешь?

— Глупенькая, куда я уйду? Постой здесь, ладно?

Ерофеич вякнул что-то предостерегающее — Егор, не обратив внимания, прошел в спальню вслед за Дамиром и остановился на пороге.

Первое, что бросилось ему в глаза, — сырые потеки на светло-зеленых стенах: понятно теперь, о какой аварии шла речь. Сырые (впрочем, уже подсыхающие) потеки на старин-

ном гобелене, как раз на том месте, где маленькие охотники в пробковых шлемах целились из ружей в тигра. Будто сама природа, разгневавшись на людей, задумала стереть их — если не с лица земли, то хотя бы с поверхности картины...

Гобелен столь уверенно доминировал в обстановке, что Егор вспомнил о Юлие только спустя несколько секунд. И перевел взгляд ниже, на белую с позолотой кровать. Компьютерный магнат лежал поверх покрывала, вытянувшись в струнку, запрокинув вверх посеревшее лицо и вцепившись скрюченными пальцами в ворот рубашки — словно ему не хватало воздуха. Дамир склонился над ним, позвал: «Хозяин! Вы слышите меня?» Подержал за кисть, тщетно пытаясь нащупать пульс, выпрямился и сухо произнес:

— Он умер.

— От чего? — задал Егор глупый вопрос.

Дамир пожал плечами:

— Не знаю. Похоже на сердечный приступ.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Ерофеич, появляясь на пороге. — Он лежит точно так же...

— Что? — не понял Егор.

Ерофеич молча указал на противоположную стену. На стене висела картина. Точнее, гравюра из Юлиевой «сокровищницы» — стало быть, он перенес ее в спальню, как и планировал. Великое должно настраивать на возвышенный лад — а что может быть возвышеннее, чем смерть...

Последние часы Наполеона на острове Святой Елены, работа кисти Луи Маршана, вспомнил Егор. Может быть, даже последние минуты: император на широкой кровати под балдахинном, вокруг — офицеры в парадных мундирах с эполетами, дамы в длинных платьях, двое детишек в панталончиках, какой-то сгорбленный человек в рабочей одежде (то ли садовник, то ли слуга)... Скорбь и растерянность на лицах, перешептывание и тяжелый вздох: *император скончался...*

— Он лежит точно так же, — сдавленно повторил Ерофеич.

Егор и сам увидел: да, сознательно или бессознательно покойный Юлий Милушевич, Цезарь уездного масштаба, повторил посмертную позу французского императора — вытянувшись на постели и скорбно уставившись в потолок. И даже гобелен над кроватью был тот же самый (либо точная его копия) — полосатый тигр, притаившийся в зарослях, и охотники с несерьезными ружьями.

А потом — странное дело — гравюра вдруг раздвинула свои рамки и ожила. Пахнуло сыростью (ну да, Наполеон ведь умер в грозу), люди задвигались, зашелестели платья, кто-то приглушенно зарыдал, а человек в рабочей одежде, стоявший возле изголовья кровати, поднял голову и пристально посмотрел на Егора, словно узнал...

Спальня Юлия меж тем волшебным образом тоже заполнилась людьми. Две перепуганные женщины, какой-то рано полысевший господин, одетый в черный костюм, словно гробовщик (хотя почему «словно»? гробовщик в сложившихся обстоятельствах был бы весьма кстати), некий смутно знакомый мужчина в рабочем джинсовом комбинезоне, Егор поклясться бы мог, что мужчину зовут Романом — кажется, они дружили в далеком детстве...

Дамир наконец отлепился от тела патрона, сурово оглядел собравшихся и распорядился:

— Территорию особняка до приезда полиции прошу никого не покидать. Ерофеич, вызывай полицию и «скорую».

— Полицию? — вяло удивился Егор, борясь с нехотой нахлынувшей дурнотой. — Зачем?

Азиат стрельнул газами-щелочками.

— Я все-таки не врач. Я знаю только, что хозяин никогда не жаловался на сердце.

В коридоре, за дверью, что-то упало с глухим стуком. Егор выглянул и увидел Марию. Она была без сознания.

Глава 11. Метель

За 192 года до финала.

Старая Смоленская дорога, середина ноября

Метель началась третьего дня. Ледяная крупа жестоко хлестала по лицу, словно неприятельская шрапнель, проникала за шиворот, выбивала слезы из воспаленных глаз и заставляла кутаться в шерстяной платок, который я маскировал грязными тряпками.

Мы отступали из горящей Москвы. Бог мой, стоит вспомнить, как радовались мы, увидев ее издали, с Поклонной горы, — загадочную русскую столицу. Какое щенячье счастье охватывало нас, когда небольшого роста человек в сером походном сюртуке, верхом на белой лошади, проезжал мимо наших шеренг... «Солдаты! — кричал он, и его слышали в по-

следних рядах. — Война закончена! Перед вами Москва. И она — ваша, черт возьми!!!»

— Да здравствует император! — орали мы в ответ, и слезы гордости выступали на наших глазах.

На моих глазах...

В то утро 14 сентября я впервые увидел Наполеона вблизи. Мой пистолет — маленький «Лефорше» — был наготове, почему я не выстрелил? Наверно, потому, что в ту минуту я забыл, что он мой враг. Я почти любил его...

Москва обманула нас. Она сулила нам отдых, сказочное обогащение и немедленное заключение мира. Однако — *она была мертва*.

Мы медленно шагали по пустым улицам, с опаской оглядываясь по сторонам: нам все еще не верилось, что русские оставили свою столицу без боя. А к вечеру город запылал. Были ли тому виной местные жители, ушедшие в подполье, или наши солдаты, сверх меры нагрузившиеся вином, — неизвестно.

От полка, в котором я служил, осталось человек пятьдесят. Первое время, двигаясь от сожженной Москвы на Калугу, мы держались кучкой, но вскоре потеряли друг друга из вида. Рядом со мной остался лишь малый по имени Люсьен Жизак — довольно гнусный тип с красным, как у пьяницы, носом. Он все время клянчил у меня платок, чтобы прикрыть им воспаленные уши. А однажды ночью даже попытался украсть его у меня. Я ударил его и свалил с ног — это было легко, Жизак очень ослаб за время нашего бегства из сожженной Москвы. Он упал лицом в сугроб и заплакал от бессилия. Никто даже не повернул голову в его сторону. Наутро я разыскал его недалеко от костра. Жизак сидел на пеньке, скрючившись от холода и обхватив себя руками. Я снял с головы платок и бросил ему на колени.

— На, держи. Ты же хотел...

И пошел прочь. Я спиной чувствовал, как Жизак растерянно смотрит мне вслед. И как его губы шевелятся, не в силах что-нибудь произнести...

На рассвете 14 ноября наш полк подошел к Березине. Утро выдалось дьявольски холодным и ветреным. Ноги, копыта и колеса вязли в непролазной грязи; сверху, как обычно, сыпала какая-то ледяная дрянь. Жизак с того дня, когда я отдал ему платок, проникся ко мне чем-то вроде симпатии. Головная

боль, кажется, тоже прекратила его донимать — возможно, как раз благодаря моему платку. Что ж, добро, если так.

— Я тут кое-что разузнал, — прошептал он мне на ухо. — Завтра на рассвете через мост будет переправляться Корсиканец со своей свитой. Нужно будет пристроиться им в хвост, тогда у нас будет шанс проскочить на ту сторону...

Я поспешил отвернуться, чтобы мое лицо меня не выдало.

Завтра Наполеон Бонапарт ступит на мост. И я смогу оказаться рядом, на расстоянии выстрела. Я задумчиво оглянулся на карету без лошадей, возле которой мы притулились. Похоже, мне послало ее само Провидение. Ее — и еще нарезной штуцер, который я забрал у мертвого русского егеря...

Жизак первым заметил кортеж императора. Вернее, услышал, поскольку первыми его словами, когда он растолкал меня, были: «Барабан, Гийе! Барабан бьет!» — и куда-то исчез — должно быть, побежал к реке. Давка там была невероятная: сосед напирал на соседа, и проложить дорогу к переправе можно было только с помощью штыков.

Наполеон Бонапарт, император Франции, — маленький, сгорбленный, в длинном унылом плаще и такой же унылой треуголке, — опираясь на трость, неспешно спускался по дороге с холма. Я медленно протянул руку к ружью. На то, чтобы просунуть дуло в окошко кареты, взвести курок и прицелиться, уйдет секунд пятнадцать — столько же понадобится императорскому кортежу, чтобы поравняться с моим убежищем. Спешить было некуда...

Спешить было некуда, но я опоздал. Я обнаружил это, когда сзади меня дернули за рукав и негодующе проорали в самое ухо:

— Гийе, какого дьявола! Шевели задницей, нам надо пристроиться к гвардейской колонне...

— Оставь меня, — процедил я, не отрывая взгляда от фигуры Бонапарта.

— Что значит «оставь»? — удивился Жизак. — Ты что задумал, Гийе?

— Сиди тихо, — сказал я. — Не дергайся, и ты не пострадешь, обещаю.

Он смотрел на меня, как кролик на удава, и вдруг заорал, рванувшись из кареты:

— Помогите!!! Помогите, убивают!!!

Я не успел его задержать. Я мог бы схватить «Лефорше» и выстрелить ему меж лопаток — на это ушла бы секунда, не больше. Но я не сделал этого.

— Спасите!!! — вопил Жизак. — У него ружье!!!

Все стали оборачиваться — по крайней мере, те, кто находился ближе к карете. Кое-кто, возможно, даже заметил дуло ружья в боковом окошке... Но мне было уже все равно. Штуцер раскатисто рявкнул, сверкнул язычок пламени, и за миг до того, как облачко дыма закрыло мне обзор, я увидел, как человек в маршальском мундире рванулся к Наполеону, раскинув руки, будто хотел заключить его в объятия...

Впервые я находился так близко от Наполеона. Я мог бы коснуться его, если бы мои руки не были связаны за спиной. Жизак стоял рядом со мной, тоже связанный, избитый, в растерзанном мундире, хотя ни он, ни я не оказали сопротивления.

Наполеон молчал долго. Так долго, что я вздрогнул, когда он спросил:

— Ваше имя и звание, сударь?

— Его зовут Арбо Гийе, — зачастил Жизак. — Это он стрелял в вас, ваше величество, я тут ни при чем, я пытался удержать его, но он наставил на меня пистолет... Скажи, Гийе! Скажи, что я не виноват!

Наполеон вяло шевельнул рукой. По этому знаку вперед сунулся жандармский офицер — маленького роста крепыш в новеньком зимнем обмундировании.

— Отвести этого человека к опушке леса и расстрелять, — распорядился Бонапарт.

— Ваше величество, это неразумно, — вполголоса возразил офицер. — Его необходимо допросить, у него могут быть сообщники...

— Посмотрите вокруг, — сухо проговорил Бонапарт. — Здесь сто пятьдесят тысяч солдат, которых я должен спасти. И только два моста. На них и так слишком мало места.

Он развернулся и, ссутулясь, направился вниз по дороге.

— А как же я, ваше величество? — несмело спросил Жизак. Он был бледен как полотно. — Что будет со мной?

Наполеон остановился.

— Ах да... Вы ведь тоже пострадали, месье, вас держали под дулом пистолета... Капитан, освободите этого молодца и включите его в расстрельную команду.

Похоже, я поторопился сказать, что Жизак был бледен. По-настоящему он побледнел только сейчас, после этих слов. Ему протянули ружье. Он отшатнулся от него, как от ядовитой змеи.

— Нет... Нет, ваше величество, я не могу... Я не палач!

— Вы тот, — раздельно сказал Наполеон, — кем вам прикажет стать ваш император. Впрочем, у вас есть выбор. Вас тоже могут расстрелять, как возможного сообщника.

Весь предыдущий день со стороны Борисова была слышна канонада. Теперь же, когда русские пушки замолчали, мне показалось, что я оглох от тишины. Меня привели к кромке леса и подтолкнули к сосне. Жандармский капитан отошел к солдатам и коротко приказал:

— Товьсь! Целься! — И угрожающе добавил, взглянув на Жизака: — И не дай бог тебе, приятель, пальнуть мимо — иначе второй залп будет по тебе.

Жизак поднял приклад к плечу и с отчаянием заорал:

— Ты сам виноват, Гийе! Мы с тобой были бы уже на мосту, какого черта ты это сделал?

Я не ответил. Ему будет легче стрелять, если я промолчу. Вот только свист... Свист острой бритвой полоснул по барабанным перепонкам, что-то упруго ударило неподалеку от меня, вспышка ослепила, и я упал лицом в снег. За первым взрывом последовал второй, затем третий... Что-то тяжелое рухнуло рядом со мной и прокричало в ухо:

— Гийе, мать твою, ты жив?

Я пошевелился вместо ответа.

— Ты жив, вот дьявол... А их всех убило — всю расстрельную команду и капитана... А мне ногу распорол осколком. Слушай, надо отлежаться здесь, пока все не утихнет, и двигаться к мосту.

Я извернулся и посмотрел на его ногу. Я не был особенно силен в медицине, но и моих скудных познаний хватило, чтобы понять: дело плохо.

— Как же ты дойдешь? — спросил я.

Жизак скрипнул зубами.

— Доковыляю как-нибудь.

Не знаю, сколько раз мы падали и поднимались. Русские, пристрелявшись, перенесли огонь ближе к переправе, и теперь там творилось что-то невообразимое. Не было и речи о

каком-то порядке и субординации: всех охватила паника, солдаты сталкивали генералов с настила, лошади спотыкались о бревна, бревна разъезжались, потому что были плохо закреплены, и люди проваливались, ломая ноги. На упавших наступали бегущие следом, все кричали, ругались осипшими голосами, и никто не слышал друг друга.

Взрыв раздался совсем рядом. Водяной столб взметнулся вверх, и я почувствовал, как деревянный настил под ногами встал дыбом. Я попытался удержать равновесие, но меня сбilo с ног, кто-то ухватился за мою шинель, и мы полетели в воду.

Меня словно окунули в жидкий огонь. Дыхание перехватило, и я ушел в глубину, из которой не мог вырваться, потому что одной рукой держал Жизака за шиворот. Наконец мне удалось вынырнуть. Рядом показался Жизак — захлебывающийся, с жутко выпученными глазами... Он почему-то отталкивал меня, вместо того чтобы держаться.

— Ты что? — выкрикнул я.

— Плыви... — скорее понял я, чем расслышал.

— А ты? Я без тебя...

— Плыви!!! — заорал он из последних сил.

Я оглянулся. Жизака нигде не было. Вокруг барахтались люди — они кричали, захлебывались, молотили руками по воде и уходили под воду — с тем, чтобы больше не вынырнуть. Неожиданно моя рука наткнулась на бревно. Оно было скользким и ходило в воде ходуном, и тем не менее я держался. Держался из последних сил, пока ноги не почувствовали опору...

Не знаю, сумел бы я самостоятельно выбраться на берег. Однако и тут мне повезло: кто-то схватил меня за шиворот и буквально вытряхнул на благословенную сушу. Иначе я, скорее всего, замерз бы там, у кромки воды. Впереди, шагах в тридцати, горел огонь. Я пошел на него, плохо соображая, зачем это делаю: с тем же успехом я мог бы пойти назад к реке — направление не имело значения.

Огонь оказался костром, сложенным из плавника. Возле него сидело человек десять. Тот, кто помог мне доковылять до него, протянул флягу с вином. «Можно сказать, мы вытащили счастливый билетик, — криво усмехнувшись, проговорил он. — Знаете, сколько народа успело переправиться? Всего сорок тысяч. Сорок — из ста пятидесяти, так-то... Я капитан Дорнэ, — отрекомендовался он. — Ваше имя, сударь?»

— Жизак, — сказал я после секундной паузы. — Рядовой Люсьен Жизак, господин капитан, двести восьмой волонтерский пехотный полк...

Глава 12. Следы

Следователя звали Николай Николаевич Колчин — это имя было отпечатано на простенькой белой картонке, которую Егор получил днем накануне. Тот день вспоминался с трудом, точно после тяжелого похмелья: приезд опергруппы, повальный шмон в особняке — начиная с карманов его обитателей и заканчивая экскурсией по территории специально вызванного кинолога со служебной овчаркой. В программу также вошли снятие отпечатков пальцев, взятие потожировых следов и запротоколированных показаний — единственная, к кому при этом проявили хоть какой-то такт, была Мария — на правах вдовы (впрочем, вдова испокон веков первая попадала список подозреваемых)...

Сегодня они сидели вдвоем в кабинете следователя в здании областной прокуратуры: Николай Николаевич Колчин и Егор. Следователь рассеянно листал какие-то бумаги, изредка отвлекаясь на телефонные звонки; Егор по другую сторону письменного стола мял в пальцах сигарету и мрачно разглядывал линолеум под ногами.

— Не могу верить, — глухо произнес Егор. — Мария отравила собственного мужа... Чушь. Вы же ее совсем не знаете.

— Есть доказательство: отпечатки пальцев Марии Владимировны на пузырьке с ядом. Железная улика, которую трудно будет перешибить.

...Железную (точнее, пластмассовую) улику — пузырек с белой крышкой и надписью «Феназепам» на фоне стилизованной пальмы — обнаружили уже под занавес, когда дом был тщательно осмотрен от чердака до подвала, а вместе с ним — и парк, и небольшой садик с одичавшими яблонями (Юлий наплевательски относился к окультуриванию плодовых деревьев). Возможно, пузырек нашли бы раньше, если бы он не закатился в ямку, вырытую, по всей вероятности, кротом. Исследовав пузырек, сотрудники лаборатории прислали официальный отчет, который содержал два основных пункта.

1. Порошок белого цвета, следы которого присутствуют на внутренней поверхности флакона из-под феназепама, пред-

ставляет собой высокотоксичное соединение трехвалентного мышьяка (химическая формула прилагается).

2. Отпечатки указательного, среднего и большого пальцев правой руки, обнаруженные на флаконе, совпадают с отпечатками на бутылке «Каберне» и принадлежат Марии Владимировне Милушевич (фототаблицы прилагаются).

— Ерунда какая-то, — пробормотал Егор. — Отпечатки пальцев... Этому можно найти кучу объяснений. К примеру, у Маши закончились таблетки, и она выбросила пузырек, а кто-то подобрал. Или его украли...

— Возможно, — не стал спорить следователь. — Однако ее отпечатки обнаружили также на баночке с мышьяком, которая стояла на полке в подсобном помещении. А это уже серьезно. К тому же это единственная на сегодняшний день прямая улика, указывающая на конкретное лицо. Если к тому же сложить ее с косвенными...

— Это с какими же? — воинственно спросил Егор.

— На постели, где лежал труп, были обнаружены свежие следы спермы. Я спросил Марию Владимировну, имела ли она половой контакт с мужем в день его смерти, — она ответила «нет». Зачем ей врать?

— Я ведь вам говорил, что они помирились, — сказал он сухо. — А почему Маша отрицает... не знаю. Может быть, она просто напугана — в таком состоянии люди обычно отрицают все подряд, даже во вред себе. Или у вас есть другое объяснение?

Колчин поднялся из-за стола, разминая ноги, подошел к окну, посмотрел вниз, на улицу, словно увидел там что-то интересное, а на самом деле, как показалось Егору, просто оттягивая разговор.

— Дело в том, — произнес он наконец, — что Юлий Милушевич действительно умер от остановки сердца. Эта остановка была спровоцирована действием яда, однако его количество в крови не было слишком большим — так утверждают эксперты. Оно не было даже критическим, хотя и близким к тому... Понимаете, о чем я? *При ином раскладе Юлий мог и не умереть.* Роковое обстоятельство: незадолго до смерти он занимался любовью — до принятия яда или сразу после, пока тот не подействовал... Это дало повышенную нагрузку на сердце, и оно не выдержало.

Егор подавленно молчал. Колчин отлепился от окна, повернулся к собеседнику и тихо сказал:

— Я искренне сочувствую вам. Однако — что делать? Только она могла предугадать такой ход событий и всыпать в бокал мужа нарочно небольшую дозу мышьяка — с тем, чтобы отравление было труднее распознать. А потом устроить так, что сердце Юлия не выдержало нагрузки.

— В бокал? — рассеянно уточнил Егор. — Не в бутылку?

— В бутылке яда не было. Оно и понятно: вдруг Юлию пришло бы в голову выпить на брудершафт.

— Но ведь бокал разбился, откуда же вы знаете...

— Бокал разбился, а вино осталось: пятно на gobелене и брызги на ковре. Наш эксперт взял пробу с ворса.

Он помолчал.

— Как видите, все очень логично. Понимаете, Егор, все это было довольно тонко рассчитано. И при определенных обстоятельствах это убийство вполне могло бы *прокатить* под естественную смерть... Вполне могло. Если бы не кот.

— Кот? — удивился Егор. — Вы имеете в виду Кессона? При чем здесь он?

— *Его отравили мышьяком.*

Увидеться с Машей ему, само собой, не позволили: пока идет следствие, вплоть до суда, она будет общаться только с адвокатом. Егор в некотором замешательстве побродил вокруг здания прокуратуры, в задумчивости прошел по проспекту и вышел на круглую и безыскусную, как блин, Революционную площадь. Взгляд выхватил из толпы знакомую фигуру: строгий черный костюм с ослепительно белой манишкой, черный голландский плащ, переброшенный через руку (погодные выверты: конец сентября, а жарит по-летнему), лаковые штиблеты, солнечный зайчик, вольготно гуляющий по обширной лысине, озабоченность и целеустремленность в слегка сутуленных плечах... Рудик Изельман явно куда-то торопился. Егор проворно снялся со скамейки и кинулся наперерез.

— Рудольф Исаакович!

Импресарио и не подумал останавливаться. Наоборот, он ускорил шаг и процедил через плечо:

— Оставьте меня в покое, молодой человек. Я не собираюсь покупать ваши идиотские кастрюли или что там у вас.

— А я ничего и не продаю.

Рудик наконец остановился и сфокусировал внимание на Егоре.

— Простите. Я принял вас за торгового агента. Фантазматория какая-то. Из разговора с Колчиным я понял, что вина Марии Владимировны практически доказана... Вы не в курсе, что за доказательства он имел в виду?

— При обыске в особняке обнаружен пузырек с остатками яда. На пузырьке были отпечатки ее пальцев.

— Да, с этим трудно поспорить... Что ж, этого следовало ожидать. Во-первых, ее «пальцы» на пузырьке (вы сами говорили). Во-вторых, только она имела мотив и возможность. В-третьих, она последняя, кто видел Юлия живым, — это тоже отрицать бессмысленно. Да и яд в вине — чисто женский способ убийства.

— Яд в вине, — буркнул Егор, — доказывает, что отравитель — не обязательно тот, кто последним видел жертву в живых. Вы ведь тоже приезжали к хозяину в день его смерти.

— Кто вам сказал такую чушь?

— Ерофеич. А что, это большой секрет? Не хотите, чтобы вас узнавали — нацепите хоть фальшивую бороду для порядка...

Импресарио отчетливо скрипнул зубами.

— Хорошо, я приезжал днем. Но это еще ничего не доказывает.

— Не доказывает, но дает пищу для размышлений. Вы ведь с ним поссорились, — утвердительно произнес Егор. — Вы вылетели из дома красный как рак, сели в свою колымагу и сказали: «Чтоб ты сдох». Или: «Скоро сдохнешь» — смысл очевиден.

Импресарио посмотрел так, что Егор понял: если бы взгляд мог убивать, то его, Егора, внутренности разбросало бы сейчас в радиусе полусотни километров. И даже по обручальному кольцу его бы не идентифицировали, потому что у него не было обручального кольца...

— Что вы от меня хотите?

— Чтобы вы рассказали, из-за чего у вас вышла ссора.

Рудик поморщился.

— Самое смешное — из-за Марии. Я сказал Юлию, что девочку можно неплохо «раскрутить». Устроить девочке турне по Европе... Он и слушать не захотел. Он вообще по натуре страшный собственник. То есть был собственником. Я попросил у Юлика деньги — смешную сумму, всего сто тысяч... Этот говнюк чуть с кулаками на меня не набросился. Заорал, оскорбил... Ну,

я ответил, что он как собака на сене: выгнал девочку из дома — так не мешай ей устраивать свою судьбу. А он мне в лицо...

— Понятно. Дальше.

— Дальше я вышел из дома, сел в машину и уехал. Так что у меня стопроцентное алиби: не мог же я прийти к Юлию с просьбой о деньгах и отравленной бутылкой. Между прочим, увидите своего приятеля — поинтересуйтесь, что это он поднял с ковра в спальне. Когда мы вошли и увидели тело на кровати, ваш друг нагнулся и...

— При чем здесь Ромка? — удивился Егор. — Он к этой истории вообще никаким боком.

— Ну, уж это вам решать. Вы у нас гениальный сыщик.

— Хорошо. — Егор помолчал. — Последний вопрос. Не знаете ли вы, что такое Долина гераней?

— Долина гераней? — Рудик Изельман покачал головой. — Понятия не имею. Похоже на название магазина.

И ушел, с облегчением вздохнув напоследок. Егор похлопал себя по карманам (черт, сигареты кончились) и пробормотал вслух, обращаясь к ближайшей скамейке:

— Он не убивал. Он уверен, что яд был в бутылке, а тот был только в бокале...

Особняк выглядел пустым и печальным, словно брошенный командой крейсер. Егор подошел к воротам и постучал кулаком, проигнорировав электрический звонок. Открыли сразу, будто ждали. Егор шагнул внутрь, и вдруг кто-то рявкнул прямо в барабанную перепонку:

— Ваши документы!

Егор обернулся. Молодой парень лет девятнадцати, не больше, в мешковатой полицейской форме сурово смотрел из-под козырька фуражки, бдительно положив руку на кобуру.

— Здравия желаю, товарищ сержант, — сказал Егор. — Спасибо, что сразу не пальнули. Паспорт во внутреннем кармане. Можно достать?

— Только без резких движений, — важно сказал полицейский.

Егор усмехнулся, двумя пальцами вытащил паспорт и подал стражу. Тот внимательно, от корки до корки, прочитал его, шевеля губами, и строго спросил:

— Ну, и что вам тут нужно?

— Забрать вещи, — пояснил Егор. — Этюдник, краски, ну, и еще кое-что.

— Так дверь-то опечатана.

— Мои вещи в гостевом домике.

— Все равно. — Похоже, мальчишка решил оттянуться по полной программе. — Откуда я знаю, твои вещи или не твои? А вдруг ты хочешь важную улику унести?

— Чего привязался к человеку? — послышался ворчливый голос. Из сторожки вразвалочку вышел Ерофеич, аккуратно закрыл дверь и повернул ключ в замке. — Иди, Егор, забирай что там нужно, не слушай дурака.

— А вы здесь какими судьбами? — спросил Егор. — Я думал, все разъехались.

— Да вот, — охранник указал подбородком на объемистый рюкзак, притулившийся возле стены, — тоже вещички собираю. Я на машине, если хочешь, могу подбросить до города.

Ерофеич оказался обладателем старенького, но вполне приличного «Запорожца». Егор сел на переднее сиденье, пристроив этюдник на коленях, и поинтересовался:

— Савелий Ерофеич, как по-вашему, могла Мария взять яд из подсобки?

— Из подсобки? — Ерофеич вырулил на шоссе. — Следовательно тоже интересовался... Понимаешь, я ведь за внутренней территорией не особенно слежу: мое дело — чтобы посторонний с улицы не влез.

— То есть теоретически любой, кто был в тот момент в особняке...

— Так не было же никого! — удивился Ерофеич. — То есть никого, кроме Марии. Твой приятель тоже в город подался, какие-то материалы ему понадобились для ремонта...

— Какого ремонта?

— В спальне. У хозяина в спальне потолок протек. Хозяин хотел мастеров пригласить, но приятель твой заверил, что сам все сделает. Оно и верно: не знаю, какой он художник (что-то не видел я ни одной его картины), но по всяким строительным работам он дока, это факт.

Егор мимолетно улыбнулся, преисполненный гордостью за друга детства: Ромка в самом деле был мастером на все руки — и каменщик, и плотник, и штукатур...

— Скажите, вы совершенно уверены, что Мария убила своего мужа? Савелий Ерофеич, вы же опер, хоть и бывший. Неужели никакой червячок не гложет?

Страж слегка успокоился, снова взялся за «баранку» и в раздумье пожевал губами.

— Именно потому что опер... Посуди сам: пусть пузырек из-под яда под окошко подбросили, но откуда Машины отпечатки взялись на баночке в подсобке? А Кессон? Здоровый был котяра, жил — не тужил, и вдруг помер. С чего бы? Я полагаю, его тоже отравили?

Егор кивнул.

— Колчин считает, что на Кессоне проверили действие яда.

Ерофеич pokrятел.

— А я-то думал, с чего бы Кессон мяукал этак жалобно... Похудел, лежал что твой коврик, хоть за хвост поднимай...

— Савелий Ерофеич, вы не знаете, что может означать название «Долина гераней»?

Охранник озадачился.

— Не знаю. Где ты это услышал?

— Юлий несколько раз повторил перед смертью.

— Вон оно что, — Ерофеич покачал седой головой. — Стало быть, тот подарочек был со смыслом... Вроде у тебя в кармане нашли чек из цветочного магазина. Он у тебя сохранился?

— Нет. Дамир отобрал.

— А не помнишь, как назывался магазин?

— «Ольвия».

— Хорошая у тебя память, завидую, — оценил Ерофеич. — Ну что, подбросить тебя туда?

Магазин «Ольвия» оказался не магазином, а магазинчиком, размером чуть больше автобусной остановки. Скукающая продавщица в отделе комнатных растений, грациозно повернулась к Егору.

— Что вас интересует? — Голос ее тоже был потрясающим: чуть хрипловатый, с низким грудным придыханием.

— Гм... У меня несколько странный вопрос, даже глупый... Но поверьте, дело очень серьезное. Две недели назад, двенадцатого сентября, вы продали розовую герань в горшочке...

Продавщица, против ожидания, не удивилась.

— Так вы из полиции? — Ее глаза потухли, а рот перестал быть хищным и изогнулся вниз разочарованной подковкой. — Ваши уже приходили, спрашивали...

— Когда?

Девушка хмыкнула.

— Ну и организация у вас: правая рука не знает, что делает левая. Сегодня пятница? Значит, во вторник, три дня назад. Я сказала, что герань купил молодой парень. Внешность не запомнила — да особо и не приглядывалась... Но он, то есть покупатель, потом разговаривал с нашим посыльным во дворе. Если хотите, я вам его позову. Валерик! — крикнула она в сторону двери за прилавком.

Из-за двери показался молодой человек лет четырнадцати — тощий и вертлявый, как игрушка на шарнирах.

— Ну? — поинтересовался мальчишка.

— С тобой поговорить хотят, — сообщила продавщица. — Насчет твоего приятеля, который герань купил.

— А, — понятно сказал парень. — Так я уже все рассказал.

— Кому?

— Тетке. Она тоже мне вешала лапшу на уши, будто из ментовки.

— Тетке? — Егор нахмурился. — Тебя расспрашивала женщина? Какая она из себя?

— Обыкновенная. Не худая, не полная. Среднего роста. Седая, в очках, в шерстяной кофте. Брошка на груди...

Исчерпывающее описание.

— Что ты ей сказал?

— Да все как есть. Что герань купил один мой знакомый, Димка Слон. Слон — это кликуха: уши у него здоровенные...

— Что ж, — Егор похлопал собеседника по плечу. — Коли ты сдал своего приятеля той тетке, может, и мне не откажешься показать?

— Пятнадцать баксов, — сказал паршивый мальчишка.

Ноги вынесли Егора к дому, где жил Роман Заялов. Окошко на третьем этаже светилось сквозь непритязательные оранжевые занавески: Ромка не спал. Егор почесал затылок: а ну как он не один — воркует с Лялечкой Верховцевой или выясняет отношения со своей Бывшей? Ну и ладно, попрошу соль или спички, станут оставлять на ужин — скажу, что занят...

Ромка был один. Егор определил это по наряду, в котором друг детства открыл дверь: широченные семейные трусы, тельняшка с обвислыми локтями и пляжные тапочки поверх

полосатых шерстяных носков. Вид у друга детства был печальный и какой-то опустошенный, словно некая неотвязная и тревожная мысль не давала ему заснуть.

— Не помешаю? — спросил Егор.

Ромка сделал приглашающий жест.

— Проходи. Ужинать будешь? Я сейчас яичницу сварганю.

Они переместились на кухню. Роман повязал фартук, с ловкостью холостяка-хроника взбил омлет, поставил сковородку на плиту и спросил:

— Ты был у следователя?

— Был, — ответил Егор, помолчал, собираясь с мыслями, и коротко изложил события сегодняшнего дня. Роман выслушал и досадливо крякнул.

— Отпечатки пальцев на флаконе? Каким нужно быть идиотом, чтобы оставить такую улику! И что ты намерен делать?

— Искать настоящего убийцу. — Егор помолчал. — Скажи, что ты поднял с пола в спальне Юлия?

Ромка посмотрел непонимающе. Егор отложил вилку и с расстановкой произнес:

— Ты вошел в спальню Юлия, увидел сначала тело на кровати, потом нагнулся и поднял что-то с пола. Не отпирайся, этому есть свидетели.

— Да я и не думаю. Я просто заметил на ковролине пятно. Оно было очень похоже на кровь — я даже вообразил на секунду, будто Юлия застрелили.

— Юлия отравили, — напомнил Егор. — А кровь тебе просто почудилась.

— Чертовщина, — вздохнув, согласился Ромка. — Весь этот дом полон чертовщины. Хорошо ты сделал, что убрался оттуда.

Егор хмыкнул.

— Ну, положим, не сам убрался, а меня убрали. И довольно изящно: подложили в карман чек из цветочного магазина.

...Они просидели до глубокой ночи. Прикончили омлет, совершили рейс в близлежащий круглосуточный магазин, вернулись в квартиру и снова переместились — на этот раз из кухни в гостиную, служившую по совместительству спальней и рабочей мастерской. Расположились прямо на полу, расставив на коврике стаканы и нехитрую закуску. Разговор шел вяло, потом и вовсе сошел на нет. В конце концов Ромка при-

корнул на своей лежанке и смачно захрапел. Егор укрыв приятеля солдатским одеялом, устроился рядом и, за неимением второй подушки, заложил руки за голову.

Его разбудил телефон, стоявший у Ромки на телевизоре, по соседству с самодельной антенной. Егор взглянул на часы: полседьмого, самое время, чтобы пожелать друг другу доброго утра. Он хотел растолкать приятеля, но передумал, осторожно спустил ноги на пол, пересек комнату и взял трубку.

— Алло.

— Это вы... — прошептала трубка.

— Что? — спросил Егор.

— *Вы убили Юлия Милушевича.*

Голос был далекий, не голос, а бесплотный шелест, не поймаешь, кому принадлежащий, мужчине или женщине.

— Вы подсыпали мышьяк в вино. А перед этим отравили кота — вам хотелось прикинуть нужную дозу яда. И герань Юлию прислали тоже вы — вы один знали, какое значение имеет этот цветок, только вы могли так тонко намекнуть...

— Что за чушь?

— Это совсем не чушь. У меня есть доказательства... Вам интересно?

Короткие гудки. Егор положил трубку на рычаг. Ромка завожился на диване, перевернулся на спину и нехотя открыл глаза.

— Сюда только что звонили, — бесстрастно сообщил Егор.

— Кто?

— Не знаю. Но он сказал, что я виновен в смерти Юлия.

— Иди проспись, — посоветовал друг детства.

— Ты способен воображать? — резко сказал Егор. — Я не шучу. И он не шутил!

— Тише, тише, не ори... Расскажи толком.

Егор вздохнул, попытавшись взять себя в руки.

— Послушай. Тот, кто звонил, либо действительно считает меня убийцей, либо сам убийца. В таком случае он пытается втянуть меня в какую-то игру. И его звонок указывает, что мои вчерашние поиски его как-то зацепили...

Снова зазвонил телефон — громко и бесцеремонно, будто зашелся в издевательском хохоте. Друзья вздрогнули и растерянно переглянулись.

— Ты подойдешь или нет? — одними губами спросил Егор.

— Лучше ты, — так же беззвучно отозвался Роман.

— Почему я? Телефон-то твой...

— Все равно... Если это меня, то передашь трубку.

Егор глубоко вздохнул, как перед прыжком в ледяную воду.

— Алло.

— Квартира Заялова? — Голос в трубке был другой — явно мужской, усталый и очень серьезный.

— Да, Николай Николаевич.

— Это вы, Егор? Позовите хозяина. Извините, что беспокою в такой час, но дело срочное.

Ромка облегченно вздохнул и взял трубку.

— Здравия желаю, гражданин следовательно. Однако вы ранняя птичка... — Он помолчал и, вдруг стремительно побледнев, выдохнул страшным шепотом: — Что?! Что вы сказали?!

Глава 13. Коридор

Она была мертва уже несколько дней. Так заявил патологоанатом — флегматичный грузин с могучим торсом и серебряной серьгой в мочке уха, напоминающий кузнеца в оружейной мастерской или мясника на центральном рынке. Егору и Роману пришлось опознавать тело в морге: единственная родственница Ляли Верховцевой, та самая двоюродная сестра из Мурманска — города, куда Лялочка так и не добралась, — работала посудомойкой на сухогрузе и в данный момент находилась где-то на траверзе порт Полярный — пролив Карские Ворота.

В покойницкой, среди сероватого кафеля, сверкающих никелем каталок и устойчивого запаха формалина, Ромка держался спокойно. Он не дрогнул и тогда, когда чертов грузин откинул с Лялиного лица простыню (заострившиеся черты, желтые губы, будто отлитые из воска, и темная впадина на левом виске, у границы волос), и когда следовательно, стоявший тут же, возле каталки, задал свой вопрос, отдающий садизмом средневековой инквизиции. Единственное, что Ромка позволил себе; — это слегка откашляться, прежде чем ответить на него:

— Да, это Ляля.

И на негнувшихся ногах шагнул к двери.

В коридоре, ярко освещенном люминесцентными лампами, стояли несколько сколоченных вместе кресел с откидными сиденьями — наподобие тех, что доживают свой век в кинотеатрах повторного фильма. Роман опустил в одно из них и запрокинул лицо вверх — должно быть, чтобы слезы

не пролились из глаз, но они все равно пролились: Егор заметил влажную дорожку на Ромкиной щеке. Подошел следователь, расстегнул пиджак, ослабил узел галстука и сообщил:

— С сестрой связаться пока не удалось, но это вопрос двух-трех дней. Мы могли бы подождать с опозданием, но, сами понимаете...

— Где ее нашли? — спросил Роман.

— В лесополосе, на выезде из города, в полукилометре от поста ГИБДД. Скорее всего, ее привезли туда на машине. На обочине остался нечеткий след протектора. Скажите, когда вы видели Верховцеву в последний раз?

— В прошлую среду. Ляля сказала, что собирается навестить сестру. Обещала вернуться через две недели.

— Вы не провожали ее на вокзал?

— Я опоздал. Накануне до ночи провозился с ремонтом (я у Юлия ремонтировал домик для гостей), потом хлебнул домашней наливки с Ерофеичем... Заночевал в особняке, проснулся часу в одиннадцатом, а поезд уходил в восемь. Вещей при ней не нашли?

— Нет, только пустую сумочку. Видимо, в ней успели покопаться.

— Неужто этот урод на шмотки позарился? — не веря себе, пробормотал Егор.

Колчин отрицательно покачал головой.

— Нет, версия ограбления практически исключается. Дело в том, что Алевтина Даниловна скончалась от отравления мышьяком. Так что основная версия на сегодняшний день такова: Алевтина погибла как нечаянная свидетельница.

— Свидетельница чего? — спросил Егор.

— Пока не знаю. Каких-то событий, происходивших в особняке незадолго перед смертью Юлия. И, очевидно, связанных с его смертью.

— И что... — Ромка сглотнул слюну. — Мышьяк и тут был в вине?

— Трудно сказать. Алевтина Даниловна плотно поела за час или два до смерти. И выпила «Каберне», но немного: не больше двух бокалов, — Колчин сделал паузу. — Вряд ли убийца смог бы напоить ее насильно. Значит, она выпила вино добровольно — с человеком, которого хорошо знала. Настолько хорошо, что у нее и мысли не возникло опасаться...

На этот раз за столом хозяйничал Егор, потому что Роман, привалившись спиной к стене, безучастно уставился в неработающий телевизор. И Егор, глядя на друга детства, вдруг ясно осознал, как сильно Ромка был влюблен в Лялечку. Нет, не так. Он не был влюблен — *он любил*. Со всем уже немолодым пылом, со всей страстью, доходившей до самоотречения. И горе его было таким же: всепоглощающим, антрацитово-черным, без малейшей надежды увидеть серую полосу на горизонте.

Егор почти насильно впихнул стакан в Ромкины пальцы и сказал:

— Ты все-таки того... выдохни. А то перегоришь.

Роман равнодушно повел плечом: ну и перегорю, подумаешь. Водку, однако, выпил — медленно и равнодушно, как кипяченую воду. И вдруг произнес, кривовато усмехнувшись:

— Одно хорошо: Марию теперь, наверное, отпустят.

— Почему? — не понял Егор.

— Потому что арестуют меня.

Егор удивленно взглянул на друга детства.

— Что ты несешь? За что тебя арестовывать? За убийство собственной невесты? За убийство Юлия, которого ты едва знал? У тебя не было мотива!

— Был.

— Что?

— *У меня был мотив*, — сказал Роман.

Он неловко, по-стариковски, завозился, выгнул ноги дугой, чтобы дотянуться до своего кармана, покопался там, выудил что-то завернутое в носовой платок и протянул Егору.

— Ты спрашивал, что я подобрал с пола в спальне Юлия...

Егор развернул узелок — и увидел тонкое золотое колечко с голубым камешком. Очень знакомое колечко...

— Это Лялино, — сказал Роман. — Оно лежало там, в спальне, возле кровати.

Непритязательный александрит с белой прожилкой внутри, похожей на струйку сигаретного дыма...

— Откуда ты знаешь, что кольцо именно ее? — попытался возразить Егор. — Мало ли таких...

И увидел вдруг, что Ромка плачет. Тоненько, по-бабьи, уже не стесняясь и не сдерживаясь.

— Они были любовниками — Лялька и этот... бизнесмен чертов. Я сразу это понял. Там, позади дома, потайная ка-

литка. Я же говорил тебе, говорил, что этот дом полон чертовщины... Ненавижу. Господи, как же я его ненавижу...

Егор в задумчивости покачал головой: да, прав был живчик-импресарио, у компьютерного магната был редкостный дар наживать врагов. Вот и Ромка попал в переплет: подозревал, что невеста ему неверна (хотя какая там невеста — они даже заявление подать не успели), знал о потайной двери...

— И ты ни словом не обмолвился... Мы вчера сидели с тобой здесь, в этой комнате, на полу, и жрали водку, а ты...

— А я молчал. — Ромка повертел в руках недопитый стакан и горько усмехнулся: — Я жарил яичницу, пил водку, слушал рассказы о твоих похождениях — и корчился от боли, потому что Лялькино кольцо жгло меня через карман... Я ведь сразу, как только увидел его на полу в спальне, понял, что Ляля не уезжала ни в какой Мурманск. Она была ночью там, в особняке, она провела эту ночь с Юлием, а наутро исчезла. А сам Юлий откинул копыта через несколько часов. Что бы ты решил на моем месте?

Что Ляля — убийца, подумал Егор, даже не особо удивившись своей догадке. Ляля отравила своего любовника (с мотивами разберемся позже) и скрылась, но перед этим намеренно или по ошибке сама приняла порцию яда. Или ее отравил сообщник, который поджидал ее в машине. Доза мышьяка была небольшой, и Юлий, прежде чем умереть, успел о чем-то пошептать с телохранителем, озабоченно переговорить с врачом, повздорить с Рудиком Изельманом и взять обещание с Марии не отдавать кому-то там Долину Гераней («он не имеет на нее права, он сам украл ее из могилы...»).

— Что молчишь, друг детства? — спросил Ромка с вызовом. — Считаешь меня предателем?

— О чём ты?

— Ну, я ведь не сказал следователю, что Ляля... — он запнулся. — Что Ляля была любовницей Юлия. Если бы Колчин об этом узнал...

— То что?

— То у него появился бы новый кандидат в убийцы. И Мария уже была бы свободна...

Колчин и так знает, подумал Егор. Только вот Машеньке это не помогло.

...Димка Слон все-таки объявился — это случилось к исходу третьего часа ожидания на промозглом ветру. Егор узнал его сразу: тот выглядел точь-в-точь, как описал посыльный Валерка. Оттопыренные уши, черная «кожа» с рокерскими цепочками и высокие кроссовки. Егор подождал, пока мальчишка распрощается с приятелями и отойдет метров на пятнадцать, и осторожно двинулся следом.

«Объект» беспечно топал впереди, насвистывая саундтрек к фильму «Ночной дозор» и пиная пустую консервную банку. И вдруг проворно нырнул в подъезд обшарпанной пятиэтажки в глубине такого же обшарпанного двора.

Поразмыслив, Егор решил брать «объект» на выходе. Он вошел в подъезд и затаился меж дверей. Да, тот еще клоповник: облупившаяся темно-зеленая краска на стенах, покрытых «наскальной живописью» — хоть галерею открывай, засиженная мухами лампочка за проволочной решеткой, двери в облезлом дерматине и клочках ваты. Любопытные люди числятся в твоих друзьях, Дима Слон, очень любопытные...

Он простоял так, почти навтыжку, часа полтора. Димка Слон, судя по всему, прочно застрял в гостях. Лестница была пуста: то ли жильцы одновременно отправились в круиз чартерным рейсом, то ли сидели возле телевизоров и смотрели сериал. Лишь однажды мимо Егора деловито протопал коротко стриженный загорелый мужчина с сумкой через плечо — судя по простецкому виду, работника со стройки. То ли торопится на работу в третью смену (иные частные теремки нынче возводятся, словно во времена оные — оборонные заводы или правительственные дачи), то ли в круглосуточный магазин за углом... Еще через полчаса Егор услышал шаги сверху: на этот раз они были мелкие, семенящие, сопровождающиеся нетерпеливым собачьим повизгиванием.

— Сейчас, миленькая, — увещевал женский голос, — сейчас, моя Кармелиточка, пойдем писаньки...

Нюх и зрение у Кармелиточки (шпица на длинном поводке) оказались весьма острыми, а нрав — отвратительным. То ли унюхав, то ли завидев Егора, она ринулась вперед, заржала что-то победное и вонзила зубки в его щиколотку. Егор зашипел от боли и схватил собаку за загривок.

— Ах ты, пьянь! — бабулька — Кармелитова хозяйка, замахнулась на Егора зонтиком. — Шляется по чужим подъездам, собак ворует...

— А ну, тихо, — с яростью прошипел Егор, вынул из внутрененного кармана удостоверение Союза художников (слава богу, ярко-красного цвета, с маленькими буквами — в полутьме и не разглядишь) и сунул старушенции под нос. — Тихо, я из полиции. Несколько минут назад в подъезд вошел парень лет пятнадцати, худой, дерганый, в кожаной куртке...

— В куртке? — Старушка подхватила орущего шпица на руки и нахмурила брови. — Кармелиточка, девочка, успокойся, дядя тебя больше не тронет... Прыщавый такой и уши здоровенные? Я уж его не первый раз тут вижу.

— К кому он приходит? — строго спросил Егор. — В какую именно квартиру?

— Откуда мне знать? — бабулька задумалась. — Точно, что не к Селиверстовым: эти куркули к себе на пушечный выстрел не подпускают, я однажды к ним зашла соли попросить, так они меня... Может, к тому типу, что снимает квартиру на четвертом этаже?.. Кармелиточка, пойдем, милая...

Четвертый этаж был погружен во тьму. Путем нехитрых логических построений Егор на ощупь отыскал нужную дверь, пошарил по стене в поисках кнопки звонка — не нашел, конечно, какие тут, к черту, звонки. Потом, плюнув на дипломатические тонкости, изо всех сил саданул в дверь плечом — и чуть не полетел носом вперед, потеряв равновесие: дверь оказалась незапертой. Чертова незапертая дверь, до тошноты напоминающая мышеловку. И сам Егор, до тошноты напоминающий самонадеянную мышь...

— Эй, есть кто живой? — крикнул он, шагнул вперед и неожиданно услышал нечто похожее на жалобный всхлип. Звук доносился сбоку, из-за двери (ванная или туалет, подумал он мимоходом). Егор нашарил на стене выключатель и рванул дверь на себя.

Ванная. Такая же старая и убогая, как и дом, давший ей приют, — конечно, иначе и быть не могло, яблоко от яблони, как говорится... Те же темно-зеленые стены, покрытый ржавчиной змеевик, облезлая раковина — и скорчившаяся фигура в кожаной куртке и джинсах, лицом вниз, со связанными за спиной руками. Егор наклонился над фигурой, тронул за плечо — фигура шевельнулась, повернула голову и посмотрела обезумевшими глазами. Живой, слава богу...

Говорить Димка Слон не мог — только мычал, и то вполголоса: рот был заклеен скотчем. Егор подцепил его пальцем

и сдернул. Мальчишка взвыл от боли, выгнулся дугой, немилосердно приложившись затылком о трубу, и вдруг заорал:

— Ах ты, урод, ублюдок! Убью!!!

— Тихо, тихо, — нетерпеливо проговорил Егор. — Кто тебя так? Имя? Ну, быстро!

— Откуда я, на хрен, знаю? Он мне бабки обещал, сука, а сам... Ну, поймаю...

— Кто обещал?

— Да мужик этот... Дал адрес, сказал: дело сделаешь — получишь сотню «зеленых», я прихожу, говорю, давай рассчита- емся, а он... Эй, а ты сам-то кто?

— Прохожий. Ты должен был доставить герань в особняк?

— Ну. Слушай, ты меня развяжешь или нет?

— Попозже. Что это был за мужик, какой из себя?... — Егор вдруг немилосердно хлопнул себя ладонью по лбу. — Короткая стрижка, сумка через плечо, похож на рабочего со стройки?

— А ты откуда знаешь?

Егор поднялся и шагнул к выходу.

— Посиди смирно, за тобой придут.

— Эй, — возмутился Димка. — Ты куда? Куда ты, мать твою?!

Держась за перила, Егор ссыпался вниз по лестнице, выбежал из подъезда, огляделся — пусто. Он пересек двор, пробежал арку, вылетел на улицу... Только фонари, горящие не подряд, а через один, и фары вдалеке, метрах в ста, два белых слепящих круга. Через несколько секунд круги трансформировались в бежевую «девятку». Машина поравнялась с Егором и неожиданно взвизгнула тормозами. И даже услужливо отворила дверцу со стороны пассажира.

Егор наклонился, заглянул в салон и сдержанно присвистнул.

— Боюсь даже спрашивать, что вы тут делаете.

— Проезжал мимо, — ответил Дамир с олимпийским спокойствием.

— Правда? — Егор кашлянул. Врал азиат или не врал — что ж, дареному коню в зубы не смотрят. — Вы не заметили мужчину — коротко стриженного, в темной куртке, с сумкой через плечо? Он выбегал из-под арки...

— Нет. Это ваш приятель?

Егор потерянно покачал головой.

— Может, скажете, кого выслеживаем? — осведомился Дамир. — Не дайте помереть дураком.

— Человека, который прислал Юлию герань, — ответил Егор. — Он вышел из дома на моих глазах. И я его упустил.

— Вот как? — Дамир задумчиво поджал губы. — И где же его теперь искать?

— Кажется, я знаю, где, — медленно проговорил Егор. — Если только окончательно не спятил.

Дамир ухмыльнулся и тронул машину с места.

— Ну, коли знаете — показывайте дорогу...

Особняк Юлия в темноте живо напоминал феодальный замок с поднятым мостом через ров и наглухо запертыми воротами. К воротам они подходить не стали — обогнули парк и перелезли через стену, элементарно накинув на «колючку» многострадальную Егорову куртку. Спрыгнули на землю, во мрак, каждую секунду ожидая грозного окрика: должна же здесь остаться охрана, черт побери. Но нет: никто не спешил им навстречу, не светил в морду фонариком, не приказывал лечь на землю и сцепить руки на затылке.

Черная туша хозяйского дома, черная туша парка с неработающим теперь фонтаном, разом утратившим бывшее очарование, — если в этой мышеловке и был сыр, то выглядел он не слишком аппетитно. И даже единственный здесь источник света, еле просматриваемый меж деревьев, не спасал положения.

— Что это? — спросил Егор, указав на огни.

— Сторожка, — ответил Дамир. — Полиция оставила своего человека следить за домом.

Они пересекли парк и подошли к сторожке — стеклянной будке сбоку от ворот, освещенной изнутри неоновыми лампами. Азиат заглянул внутрь и коротко доложил:

— Никого.

— Охранничек, мать-перемать, — сквозь зубы процедил Егор. — Где же его носит?

...Они обнаружили его по чистой случайности: кому-то из них пришлось в голову заглянуть в щель между стеной сторожки и воротами — слишком узкую щель, чтобы вместить человеческое тело. И все же они наткнулись на него именно там, без особой натуги вытащив наружу.

Парень и при жизни не казался богатырем, после смерти же выглядел как тринадцатилетний мальчишка, которого

зачем-то одели в полицейскую форму. С такой фигурой свободно можно было бы сделать карьеру форточника — если бы парень не предпочел опасную и малооплачиваемую работу в органах. Егор посмотрел в мертвые глаза — строгие и немного удивленные (видимо, последними словами парня были «Предъявите-ка документики, гражданин!»), перевернул труп на живот и сказал:

— Перелом шейных позвонков. Профессионально сработано.

— Вижу, — коротко отозвался Дамир и задумчиво пожевал губами. — Придется все-таки вызвать подмогу. Подождите здесь.

— Вы куда? — встревожился Егор.

— Мой мобильник остался в машине.

— Разве в сторожке нет телефона?

— Только внутренний.

— Хорошо... Тогда передайте вот что: на улице Ключевой, в пятиэтажном доме в глубине двора, рядом со школой, в сто двадцать четвертой квартире находится молодой парень. Его зовут Дмитрий, он важный свидетель по делу об убийстве Юлия Милушевича. Запомнили?

— Запомнил, — без эмоций ответил Дамир и растворился в темноте, оставив Егора наедине с особняком.

Дом не подавал признаков жизни: не дом, а мертвый силуэт с двускатной крышей и почившими в бозе башенками по углам фасада. Даже тьма вокруг казалась более одушевленной: она шумно вздыхала, ворочалась с боку на бок и источала запахи, словно большое косматое животное. В отличие от особняка она так и приковывала к себе внимание, поэтому Егор чуть не пропустил момент, когда в окне первого этажа, слева от парадной лестницы, мелькнул свет. Свет был неяркий и какой-то колеблющийся: не настенное бра, не настольная лампа и уж тем более не антикварная люстра под потолком. Скорее это напоминало мощный фонарь в чьих-то руках (первая ассоциация, толкнувшаяся в сознание). Фонарь — или...

Полыхнуло так, что пришлось зажмуриться. Звонко лопнуло стекло, и ярко-оранжевое пламя с победным ревом устремилось наружу, разметав тьму одним кавалерийским наскоком. Дом осветился, на стволах деревьев заиграли багровые всполохи, и каменные дельфины в пустой чаше фонтана обрели четкие очертания. Егору вдруг показалось, что они закричали: если

верить авторам фильма «Флиппер» — культового сериала из Егорова детства, — дельфины обладают голосами...

Потом Егор понял, что ошибся: кричали из дома. Крик было короткий и настолько слабый, что вполне мог почудиться. Однако все это Егор додумывал уже на бегу, пересекая лужайку, взлетая вверх по ступенькам, дергая ручку двери (открыто: замок сломан, печать сорвана...)

Знакомый холл с мраморными колоннами и греческими вазами на кованых подставках, двери в гостиную, два коридора: в правом крыле — комнаты прислуги, в левом — хозяйская спальня и кабинет. Оттуда, из левого коридора, явственно тянуло дымом. Егор метнулся к двери в кабинет, толкнул — и прынул назад, инстинктивно закрыв лицо ладонью. Жар был нестерпимым. Огонь бесшумно пожирал занавески, лизал потолок и дубовые панели на стенах, заставлял корчиться в муках тяжелую мебель и книги на стеллажах.

Посреди комнаты лежал человек. Пламя еще не добралось до него, но это было делом нескольких секунд. Егор натянул куртку себе на голову, проскочил сквозь огонь и склонился над лежащим. Тот был жив, хотя и серьезно ранен: волосы на затылке были испачканы кровью, кровь натекала вниз и образовала лужицу на полу. Человек почувствовал чужое присутствие и пошевелился. Егор ухватил его под мышки и поволок к выходу, ощущая, как нестерпимо жжет поясницу и трещат волосы на затылке.

— Помогай! — хрипло крикнул он.

Раненый завозился активнее. Егор оглянулся: до двери в коридор оставалось шага три-четыре, не больше, но их перекрывала сплошная стена из огня. И там, за этой стеной, стоял человек. Егор открыл рот, чтобы позвать его на помощь, но сверху вдруг упала тьма накрыла его с головой — ему было так уютно там, в этой тьме...

Глава 14. *Потерпевшие*

Правая рука болталась на перевязи, создавая множество проблем при самых банальных операциях. К примеру, завязывании галстука, с которым Егор и двумя руками справлялся с великим трудом. На галстуке настоял Колчин, ненавязчиво пригласив Егора зайти в прокуратуру: «Только умоляю, оденьтесь поприличнее. Вас ждет встреча с дамой».

— С Марией? — обрадовался Егор. — Вы ее отпустили?

— Не все так быстро, — остудил Колчин его пыл. — Следствие еще не закончено.

Егор вздохнул и спросил без всякого интереса:

— А что за дама?

— Гм... Считайте ее свидетельницей по делу. Между прочим, она француженка, так что извольте соответствовать.

— Вообще-то я во французском не силен, — ляпнул Егор первое, что пришло в голову.

— Не беспокойтесь, по-русски она говорит как мы с вами.

...Колчин возник в палате сразу же, едва Егора привезли из манипуляционной. Окинув пострадавшего скептическим взглядом, он устало обронил:

— Ума не приложу, что с вами делать.

— Расстрелять из табельного оружия, — мрачно предложил тот.

— Хорошая мысль. Жалко только расстраивать Дамира: он массу усилий приложил, чтобы вас спасти.

— Это он меня вытащил?

Колчин кивнул.

— И вас, и субъекта, за которым вы следили.

— Значит, вы в курсе...

— Более-менее. Кое-что рассказал Дамир, кое-что — ваш Дима Слон.

Егор покачал головой.

— Странно, что убийца оставил мальчишку в живых. До этого он не слишком церемонился.

— Боюсь, что убийцу вы как раз упустили, — возразил Колчин.

— Что значит...

— Коллекция Юлия Милушевича исчезла. — Следователь помолчал. — То, что невозможно было унести, преступник оставил — для отвода глаз, чтобы все решили, будто коллекция сгорела в пожаре, но основное пропало.

— Их было двое? — удивился Егор.

— Двое. Но действовали они, скорее всего, независимо друг от друга. Не сообщники, а конкуренты.

— Откуда вы знаете? — Егор встрепенулся. — Он что, заговорил?

— Кто?

- Тот, кого я пытался вытащить.
- Колчин улыбнулся уголками губ.
- Заговорил.

Допрос.

- «— Как вы себя чувствуете?
- Плохо. Голова...
- Вас ударили по затылку бронзовой статуэткой. Кроме того, вы получили довольно тяжелые ожоги, но врачи говорят, ваша жизнь вне опасности. Давайте начнем с формальностей. Имя, фамилия, род занятий?
- Владислав Юрьевич Виндзоров. Скрипач.
- Скрипач?
- Представьте себе... Или вы телевизор не смотрите?
- Ну почему же... Просто это довольно странно, согласитесь: скрипач — и домушник по совместительству. Как и зачем вы оказались в особняке Юлия Милушевича?
- Там находилась одна вещь, которая ему не принадлежала. Я хотел забрать ее.
- Что за вещь?
- Золотой медальон Наполеона Бонапарта...»

— ...Два года назад я был на гастролях во Франции. Спонсором поездки был Юлий — мне сказал об этом Ракель... Рудольф Изельман, мой импресарио. Я, конечно, обрадовался: конкурс имени Жака Тибо — это очень престижно... Позвонил Юлию, рассыпался в благодарностях, он попросил приехать к нему, сказал, что нужно поговорить. Я приехал. Тогда он и предложил мне...

- Что именно?
- Вывезти из Франции медальон императора.

Мне нужно было только пройти таможенный досмотр. Меня всегда не слишком тщательно досматривали... Юлий сказал, что в Париже меня найдет человек, который назовет условную фразу. Как в каком-нибудь шпионском боевике, ей-богу. Так и случилось: я выступал в концертном зале «Олимпия», играл Второй концерт Вивальди... После окончания ко мне в примерку зашли две женщины. Одна из них и оказалась тем человеком. Она увязалась за мной на экскурсию по городу: разыгрывала из себя мою почитательницу... После экскурсии мы поехали в гостиницу, а оттуда — на одну квартиру на улице

Монморанси. Я не помню точного адреса. У меня забрали скрипку и унесли в соседнюю комнату. Через полчаса вернули и отвезли меня обратно в гостиницу.

— То есть медальон императора спрятали в скрипку?

— Ну да. Моя скрипка — сама по себе ценность: мастер Гварнери, конец семнадцатого века... Какой идиот заподозрил бы, что внутри одной ценности скрыта другая?

— Действительно, умно, хотя и не ново... Кому принадлежала идея?

— Не мне, клянусь. Я был только курьером. А потом... Потом вдруг все пошло прахом. Меня ограбили в поезде, уже по дороге из Москвы. Юлик, нанял, сука, больше некому...

— Он не хотел платить за медальон?

— И не собирался. Даже при его деньгах он не смог бы расплатиться. А его дела в последнее время сильно пошатнулись, его компанию потеснили на рынке...

— Что же было дальше?

— Я набрел на какой-то частный дом, постучал. Открыла женщина. Увидела рану на голове, испугалась, хотела везти к врачу, но я сказал, что нельзя, наплел какую-то историю... Уж не знаю, поверила ли она... Во всяком случае, не прогнала. Я отлежался у нее пару недель, потом ушел.

— Как же вы обошлись без документов? Ваши ведь остались в купе, в поезде...

— Украл чужой паспорт на вокзале, потом переклеил карточку.

— И где же вы скрывались?

— В разных местах. Снимал углы у случайных людей, подрабатывал на рынке грузчиком, хотя из скрипача грузчик... Меня быстро увольняли. Зато я загорел, кожа огрубела, я коротко постригся... Меня уж и искать перестали. Первое-то время я шараялся от каждого полицейского, потом успокоился. Оказалось, что зря.

— Вас нашли?

— Да. Сняли прямо с тротуара, среди бела дня. Затолкали в машину, вывезли за город... Не связывали, не пытали, даже пальцем не тронули, но и так было понятно. Я пытался объяснить, что на меня напали, скрипку с содержимым похитили... Мне сказали, что это мои проблемы. Я должен вернуть либо медальон, либо деньги за него.

— Посмотрите сюда. Вы видели на фотографии именно эту вещь?

— Да... Черт возьми, я ведь был от нее в двух шагах...

— Дальше.

— Ну, что... Я вернулся в город, снял квартиру — самую захудалую, где меня точно не стали бы искать... Некоторое время наблюдал за особняком. Юлий никогда не появлялся без сильной охраны, но его жена изредка выезжала в город без сопровождения, только с шофером. Я подумал, что можно было бы выкрасть ее, а потом обменять на медальон. Но я был один, что я мог... Случай вмешался. Я встретил старого знакомого — мы росли вместе, в одном дворе. Он недавно освободился из тюрьмы, отбывал срок за вооруженный налет. Я рассказал ему — конечно, не вдаваясь в детали, — что есть один богатый человек, и его жена... Словом, что можно выкрасть ее и получить выкуп: ее муж связан с криминалом и шум поднимать не станет...

— Имя, фамилия вашего знакомого?

— Фамилию я не знаю. Зовут Алексеем, кличка — Сыч. Он сказал, что все устроит, в случае успеха обещал мне долю... Это была последняя наша встреча, вскоре после нее он исчез. Я пытался отыскать его — бесполезно. Как в воду канул... Я был в панике.

— Зачем вы прислали Юлию герань?

— Глупо, конечно... Но я был зол. Он вел себя так, будто ничего не случилось. Занимался своим бизнесом, устраивал вечеринки, покупал ценности на аукционах — а ведь он *закал* меня. Чистая случайность, что те ублюдки в поезде меня не добились. И я решил о себе напомнить. Нанял мальчишку, велел разыграть из себя посыльного, чтобы сбить всех со следа... Не представляю, как вы на него вышли.

— Продолжайте.

— Он пришел за расчетом. За ним следили: я засек это из окна. Понял, что от парня нужно срочно избавляться и рвать из города.

— Так и рвали бы. А вы полезли в особняк...

— Не знаю. Может быть... Зря я отпустил мальчишку. Надо было валить. Впрочем, я не сумел бы. Я вор, а не убийца.

— Вот как? А кто убил полицейского в особняке? Ему сломали шейные позвонки.

— Это не я, не я, клянусь вам!

— Кто же его убил? Ваш сообщник?

— У меня не было сообщника! Я был один, один!!! Печать на двери кабинета была сломана, внутри пахло бензином — я должен был уйти сразу, но я не мог! Мне необходимо было до-

браться до медальона, иначе... Послушайте, я рассказал все, что знал. Пожалуйста, приставьте ко мне охрану... Если Юлика убили из-за этого чертового медальона, то я — следующий... Матерь божья, я боюсь, я не хочу умирать!..»

— Вы ему верите? — спросил Егор.

— Трудно сказать. Бесспорно одно: у Виндзорова действительно не было сообщника. Иначе убийца не ушел бы без медальона.

— Значит, вы его нашли? — спросил Егор.

— Нашли. В нескораемом сейфе, в потайной комнате. Как только следствие по факту кражи будет официально завершено, его увезут на историческую родину. — Следователь помедлил. — Меня сейчас интересует другое: почему скрипач и тот, второй, оказались в особняке одновременно?

— То есть?

— Допустим, Виндзорov говорил правду и его предупредила неизвестная женщина... Но что спровоцировало *второго*?

Это было пять дней назад. И сегодня Егор — в специально ради такого случая приобретенном костюме и при галстукe, как было велено, — вошел в здание прокуратуры, поднялся на второй этаж и, постучавшись, вошел в кабинет Колчина.

Следователь был не один: напротив него, боком к Егору, сидела темноволосая женщина в приталенном пиджаке, шелковой блузке и элегантных брючках кофейного цвета. Ей наверняка было уже за сорок, хотя точеная фигурка делала ее моложе.

Колчин бросил на Егора недовольный взгляд, буркнул «опаздываете» и поднялся из-за стола.

— Позвольте представить, госпожа Блонтэ: Егор Алексеевич Волинов. Человек, о котором я вам рассказывал.

Женщина встала навстречу. И Егору пришлось приложить усилие, чтобы не вздрогнуть. Щеку француженки — от виска до шеи — пересекал длинный шрам, похожий на застывшую сороконожку. Он был сравнительно недавний — похоже, мадам Блонтэ не успела к нему как следует привыкнуть, и только великолепная европейская раскованность позволяла ей не прикрывать его ладонью и не бросать в зеркальце нервные ежеминутные взгляды.

— Очень приятно, месье Волинов, — по-русски она говорила правильно и достаточно бегло, разве что вместо твердого

«р» произнося мягкое «х», отчего ее речь неуловимо напоминала украинскую. — Можно мне называть вас Егором?

— Почту за честь, — растерянно произнес Егор.

— А я для вас — просто Аника.

— Госпожа Блонтэ — доктор исторических наук и член Международного общества наполеоноведов, — отрекомендовал ее Колчин. — А также она является владелицей медальона, который был украден из ее квартиры в Париже. И который, слава богу, теперь можно возвратить.

— Да, да, — женщина энергично кивнула. — Это была большая потеря... Особенно для нашей семьи — этот медальон передавался у нас из поколения в поколение.

— Ваша семья имеет отношение к... — недоверчиво спросил Егор.

— Нет, не к самому Наполеону (разве что я изучаю его вот уже тридцать с небольшим лет). Но мой пра-пра-прадед встречался с императором, когда тот был в изгнании на острове Святой Елены. Его звали Арбо Гийе, он был слугой генерала Гурго. Когда в 1821 году Наполеон был отправлен в ссылку на остров Святой Елены, генерал Гурго добровольно разделил его участь. На острове ему нужен был преданный слуга, и он взял с собой моего пра-пра-прадеда.

— А как медальон попал в вашу семью? — спросил Егор.

— Это долгая история, — медленно проговорила мадам Блонтэ. — К тому же... как это выразиться... не совсем достоверная. Бонапарт завещал некоторую сумму денег и кое-что из вещей слугам в доме, где он жил. Согласно этому завещанию медальон отходил к моему пра-пра-прадеду... Господин следователь, пусть месье Егор увидит эту вещь. Мне помнится, вы обещали...

Колчин помедлил несколько секунд, потом отомкнул дверцу сейфа и положил на стол маленькую коробочку. Осторожно раскрыл — внутри, на бордовом бархате, покоилась драгоценность из потемневшего золота с большим изумрудом в центре.

— Вот он, — тихо произнесла Аника. — Медальон императора...

Она трепетно, будто священнодействуя, коснулась пальцем изумруда. Наверное, она нажала на какой-то незаметный выступ: крышка откинулась, явив взору крохотный портрет молодой девушки.

— Кто это? — спросил Егор.

— Есть разные версии, — мадам Блонтэ с сожалением пожала плечами. — Я однажды обсуждала этот вопрос с господином Вейдером (в университете я писала монографию под его руководством)... Возможно, этот медальон подарила Бонапарту одна из его юных почитательниц — девушки буквально забрасывали императора подарками...

— Госпожа Блонтэ, — осторожно обратился к ней Егор. — Вам известны обстоятельства смерти Наполеона?

Она посмотрела с некоторым удивлением.

— Вы имеете в виду версию, что Наполеон был отравлен? Думаю, она очень спорная.

— Значит, вы считаете теорию своего учителя ошибочной?

— Я материалистка, месье Егор, — немного резко произнесла мадам Блонтэ. — Я выступаю на международных симпозиумах, улыбаюсь в телекамеры, читаю лекции студентам... Но чтобы стать настоящим, большим ученым, нужно быть немного мистиком, немного сумасшедшим... Я не такая. Только не говорите об этом Бену, если случайно встретите его на улице.

Она встала, ее взгляд скользнул по руке Егора, покоившейся на перевязи.

— Вас ранил человек, который украл у меня медальон? Мне говорили, он арестован?

— Задержан, — подал Колчин реплику с места. — Сейчас ведется следствие по факту кражи.

— Да, я понимаю... Разумеется, месье Егор, я оплачу ваше лечение. Как только вернусь в гостиницу — сразу выпишу чек. И, конечно, я буду рада видеть вас у себя. Вот моя визитка, — она протянула темно-синий картонный квадратик с изысканным шрифтом.

Из окна кабинета Егор видел, как госпожа Блонтэ пересекает площадь: у нее была твердая, уверенная походка женщины, добившейся несомненного успеха в жизни. Птица-секретарь семенила рядом, пытаясь поддерживать босса под локоток — с таким видом, будто выпрашивала чаевые. Или доказывала, что чек с тем же успехом можно выписать и на другую фамилию — месье Егор все равно уже выписан из больницы, да и с рукой у него, похоже, все в порядке...

К остановке на той стороне улицы подошел автобус. Из задней двери вышел Роман Заялов, постоял в нерешительно-

сти и медленно двинулся к зданию прокуратуры. Разминулся с госпожой Блонтэ на встречных курсах, зачем-то кивнул — та высокомерно продефилировала мимо, не заметив...

— Вы снова будете его допрашивать? — неприязненно спросил Егор.

— Кого?

— Романа.

— Допрашивают арестованных, — назидательно сказал Колчин. — А вашего друга я пригласил для беседы. Открылись кое-какие новые обстоятельства. Мы нашли водителя.

— Кого?

— Водителя, который вывез Алевтину Верховцеву в лес. К нашему делу он скорее всего непричастен. Ехал по шоссе, увидел на обочине «голосующую» девушку, решил подвезти. По дороге девушке стало плохо, она забилась в конвульсиях и умерла. Водитель испугался, вытащил тело в лесополосу, забросал листьями на скорую руку и уехал.

Стукнула дверь, на пороге появился всклокоченный Роман, растерянно произнес «здрасьте» и озадаченно посмотрел на Егора.

— Проходите, Роман Гаврилович, — сказал Колчин. — А вы, Егор, если желаете, можете подождать в коридоре, мы ненадолго.

Они уложились в полчаса. Роман вышел из кабинета, шагнул к Егору, примостившемуся с сигаретой на подоконнике, и произнес сквозь зубы:

— Придушил бы гниду...

— Кого? — спросил Егор.

— Того, кто Лялю... в лесу... Ведь мог бы, сволочь, довезти до больницы...

На улице и теперь моросил дождь — бесконечный и мелкий, не оставляющий даже ряби на поверхности луж. Егор поднял воротник куртки и вдруг спросил:

— Ты знаком с Аникой Блонтэ?

— С кем? — не понял Роман.

— Вы поздоровались здесь, возле подъезда. Дамочка лет пятидесяти, с повадками Маргарет Тэтчер...

— А, — Ромка пожал плечами. — Лицо показалось знакомым.

— Ты давно последний раз был в Париже?

— Если только в прошлой жизни... А что?

— Дамочка-то — француженка.

— Правда? — вяло удивился Роман. — А по-русски чешет, как мы с тобой.

— Стоп! — Егор резко остановился, почувствовав внезапный озноб. — Где и когда вы встречались? Вспомни, это важно!

— Да откуда... — возмутился Роман. — Может, мне просто показалось? Хотя... — он задумался. — Художник я, конечно, аховый, но все-таки художник, у меня память на лица... Определенно, я ее где-то видел. Недели две-три назад...

Егор живо провел нехитрый подсчет: две-три недели назад они с Ромкой как раз ударно трудились над гостевым домиком.

— А кто она? — запоздало поинтересовался Роман.

— Хозяйка медальона.

— Вон оно что, — Ромка тихо присвистнул. — Интересно, она знала, что ее цацка лежит у Юлия в сейфе?

...Она заметила свою подругу совершенно случайно, когда та звонила по телефону-автомату. В самом этом факте не было ничего удивительного, кроме одного: подруга напрочь проигнорировала автомат под козырьком, что висел на углу ее дома, и предпочла телефонную будку недалеко от автобусной остановки. Топать до нее было раза в три дольше...

Женщина рассеянно посмотрела на силуэт за мутным стеклом и немного поразмышляла над этой загадкой — просто так, чтобы чем-то занять голову. Потом зашла в супермаркет, хотя ничего не собиралась покупать. Эта процедура — бесцельное хождение по магазинам — была знакома ей еще с тех пор, когда супермаркеты назывались гастрономами и универсами. Тогда, помнится, их полки были восхитительно пусты и рождали ассоциацию с никелированными столами в прозекторской. В прозекторской женщина бывала даже чаще, чем в магазинах. Лет двадцать назад она даже занималась там любовью — правда, не в самой прозекторской, как хотелось молодому грузину-патологоанатому с разбойной серьгой в ухе. Он любил ее. Он признался в этом, когда она пыталась застегнуть булавкой порванную блузку. Он готов был даже жениться на ней, как только разведется со своей *нынешней*, но она ушла, ничего не сказав. Они продолжали встречаться: сталкивались в коридорах Управления, пили вино на корпоративных вечеринках и иногда — не часто — занимались лю-

бовью в кабинете рядом с прозекторской, где он поставил раскладушку.

Однажды женщина застала его в слезах и почувствовала удивление и острую жалость: она не предполагала, что мужчины его типа — большие, сильные, бородатые и с серьгой в ухе — могут так неприкрыто выражать свои эмоции (она чуть не подумала — слабости). Она села рядом с ним, обняла и заставила посмотреть ей в глаза.

— Что с тобой?

Он с трудом поднялся, вытащил из шкафа бутылку с чем-то спиртосодержащим (женщина поняла это по запаху), плеснул в мензурку и выпил одним жадным глотком. После чего сказал: «Это все мой сын. Не от моей *нынешней* — от другой женщины, это было давно...»

— Что твой сын?

— Зарезал девушку. В подвале дома в Сметанкино.

Они вместе выезжали на труп двое суток назад. Убитая девушка была красива: при жизни она с успехом косила под юную Наталью Белохвостикову — бесхитростно распахнутые глаза, ямочки на щеках, худенькая изящная фигурка в плаще из болоньи и туфельках-лодочках... Сырые ступени в подzemелье (как она, бедняжка, ногу не подвернула), цементный пол, стена в бурых потеках — девушку ткнули ножом восемнадцать раз, последние шесть — когда она уже была мертва...

Патологоанатом вдруг упал перед ней на колени.

— Пожалуйста, спаси его... Он урод, убийца, но он мой сын, мой мальчик, я так люблю его — представляешь, к его матери я никогда не испытывал ничего такого, но Жора... Я умру, если он... если его...

Она провела ладонью по его щеке.

— Не волнуйся. Я попробую что-нибудь сделать.

Много времени прошло с тех пор. Так много, что оба они успели постареть, правда, ее внешность отреагировала на это заметнее. Патологоанатом же почти не изменился (мужчины вообще стареют медленнее женщин), разве что его живот теперь вальяжно свисал над брючным ремнем. Даже борода осталась прежней — густой и черной, и серьга вызывающе болталась в левом ухе. Он усадил гостью в кресло и разлил спирт на две мензурки (даже этой своей привычке он не изменил, сукин кот).

— Рад тебя видеть, дорогая, — сказал он, нисколько не покривив душой. — А ты почти не изменилась. Только прическа другая.

А я — вот, — он шутливо похлопал себя по животу, — вес набрал от сидячей работы. Ты как, по делу или просто на огонек?

Она сказала — просто, без обиняков.

— Милушевич? — удивился он. — Как же, знаю, сам вскрытие делал. Хозяин заводов, газет, пароходов. Отравление мышьяком, хотя труп с первого взгляда казался не криминальным. А почему он тебя интересуется?

Она сказала. Он удивился еще больше.

— Ты работала у него в доме? Да, тесен мир... Надеюсь, не ты его?.. — он рассмеялся.

— Нет, не я, — ответила она серьезно. — Но меня могут заподозрить. Если ты не поможешь.

Он резко оборвал смех и нахмурился.

— Не пойму, шутишь ты или... Да нет, похоже, не шутишь. И что тебе нужно?

Она сказала. Он в задумчивости почесал бороду.

— Гм... Ты хоть понимаешь, о чем просишь?

— Я прошу гораздо меньше, чем ты однажды попросил у меня, — сказала женщина. — Мне нужен только ключ от комнаты экспертов. Кроме тебя, мне не к кому больше обратиться: никто из моих старых знакомых в Управлении уже не работает. А ты... — она помолчала, — ты говорил когда-то, что любишь меня. И еще — ты мой должник.

Мужчина согласно кивнул.

— Да, ты права. Ты вполне имела право попросить больше...

Ее подруга — та, за которой женщина следила теперь каждый день, — продолжала звонить. И выдавать свою коронную арию. Женщина размышляла над этим феноменом довольно долго, пока однажды вечером, за чашкой крепчайшего кофе, вдруг не натолкнулась на разгадку.

Она звонила разным людям.

Она звонила разным людям, потому что *не знала точно, кому надо звонить*. Она просто набирала номер (каждый раз разный), повторяла свой монолог — и ждала реакцию. Женщина взяла кофеварку, чтобы наполнить четвертую чашку, но кофеварка оказалась пустой. Женщина подошла к раковине, открыла кран с холодной водой...

Она вполне могла набрать номер Кая. Случайно, потому что его номер тоже был в этой колоде. Он подошел к телефону, поднял трубку — и...

«Это вы убили Юлия Милушевича...»

Дверь ей не открыли. Этот случай у женщины тоже был предусмотрен. Она спустилась вниз на полпролета, к почтовым ящикам, и бросила в один из них блокнот в потрепанной синей обложке — она случайно наткнулась на него в особняке, хотя — знала совершенно точно — это не было случайностью.

На последней страничке блокнота был нарисован юный герольд с изогнутой трубой-раковиной. На его голове, на длинных кудрях, красовалась буденовка со звездой — только один человек в мире мог нарисовать эту буденовку...

С того момента, как женщина оставила в ящике свое послание, прошли сутки. И теперь она сидела на стуле — очень прямо, сложив руки на коленях, — возле накрытого стола, в своей квартире на улице революционера Бабушкина, и смотрела на приоткрытую входную дверь.

Женщина вздрогнула, когда дверь отворилась. В коридоре горело настенное бра, и она увидела на пороге человека. Она поднялась ему навстречу, подошла и встала в двух шагах, глядя на него во все глаза.

— Здравствуйте, — сказал он хмуро и недоверчиво. — Это вы прислали мне блокнот? Откуда он у вас?

— Кай, — прошептала она сквозь горловой спазм.

И заплакала.

Глава 15. Женская логика

— Месье Егор? — Улыбка на лице госпожи Блонтэ выглядела вполне доброжелательной (впрочем, кто их поймет, этих буржуев) и чуточку удивленной — так удивляются пусть и не слишком неприятному, но все же завалившемуся без приглашения гостю.

Егор смущенно кашлянул, переступая порог гостиничного номера.

— Госпожа Блонтэ, мне показалось, что в прошлую нашу встречу, в прокуратуре, вы солгали. То есть не солгали сознательно, — заторопился он, — скорее, не сказали всей правды. Вы ведь были знакомы с Юлием Милушевичем? Человеком, организовавшим похищение вашего медальона...

Она не возмутилась и не выказала удивления — даже не попыталась выказать. Жестом пригласила Егора в комнату, села в кресло напротив, отгородившись стеклянным сервировоч-

ным столиком, как ничейной полосой, закинула ногу на ногу и с олимпийским спокойствием ответила:

— Допустим. Хотя я, конечно, не предполагала, что он окажется вором. Мы познакомились в Лейпциге на аукционе, два года назад.

— Он предложил вам продать медальон императора?

— Медальон императора, — медленно и внятно произнесла мадам Блонтэ, — полтора века хранился в нашей семье. После моей смерти он перейдет в собственность Национального музея Франции. Я не продала бы эту вещь ни при каких обстоятельствах.

— Однако когда медальон был украден, вы заподозрили в первую очередь Юлия...

— Откуда вы это взяли?

— Аника, есть свидетель, который видел вас у него в особняке...

— Ваш свидетель ошибается. Или лжет. Я никогда раньше не была в вашем городе, — она обворожительно улыбнулась. — Жуткая дыра. Простите, если задела ваши патристические чувства.

— Потерплю, — буркнул Егор. — Меня интересует другое: почему Юлий не попал в поле зрения вашей полиции? Ведь у вас наверняка спрашивали, не интересовался ли кто-нибудь вашей ценностью, не хотел ли ее приобрести... Неужели вы не всплеснули руками: ах да, я припоминаю, в Лейпциге ко мне подошел некий господин из России... Почему вы этого не сделали, Аника? Вы же наверняка знали, что Юлий причастен к ограблению. — Егор помолчал. — Знаете, что я думаю? Вы позволили Юлию украсть медальон, потому что вас с ним связывает какая-то тайна. И вы настолько боялись ее разглашения, что позволили...

— Тайна? — мадам Блонтэ высокомерно рассмеялась. — Вы думаете, господин Милушевич узнал обо мне нечто ужасное? Может быть, вам лучше спросить об этом у него самого?

— Он умер, — ответил Егор. — Его отравили большой дозой мышьяка.

Аника покачала головой.

— Что ж... Наверное, мои слова прозвучат не слишком похристиански, но... это очень похоже на Божий промысел, вы не находите?

— Не знаю, — мрачно сказал Егор. — Не берусь судить. Од-

нако мне кажется, вряд ли Господь Бог опустилсЯ бы до примитивного яда в бокале с вином.

Аника взяла со стола пачку «Вог» и вытащила сигарету.

— Кстати, хочу спросить, месье Егор: господин следователь в курсе ваших... гм... изысканий?

— Господин следователь арестовал мою знакомую, — сухо ответил Егор.

Мадам Блонтэ стала серьезной.

— В самом деле? Против нее есть улики?

— Множество улик, — не стал скрывать Егор. — Самая серьезная из них — отпечатки пальцев на орудии преступления.

Фиалковые глаза женщины слегка затуманились.

— Значит, вот в чем дело... Вы не верите в ее виновность и, чтобы спасти ее от тюрьмы, ищете настоящего убийцу... Похвально. Представьте, я даже немножко завидую ей, вашей знакомой. В мою защиту еще никто не бросался вот так, порыцарски... Очень жаль, но я ничем не могу помочь. Знаете, — она усмехнулась, — у меня есть подруга, ее зовут Гортензия, она проводит автобусные экскурсии по Парижу... Она так расстроилась, когда он исчез... Расстроилась едва ли не сильнее меня. И все повторяла: «Запомни, Аника, этот медальон — живое существо. Раз он пропал — значит, теперь будет путешествовать по свету и убивать. Убивать до тех пор, пока его не найдут и не водворят на место...» Бедняжка...

— Может, она не так уж и не права? — мрачно проговорил Егор.

— Все может быть. — Мадам Блонтэ встала, давая понять, что разговор окончен. — Рада была познакомиться, месье Егор. Действительно рада. А что касается медальона — документы на его вывоз практически готовы, и скоро он улетит в Париж. И убийства сразу прекратятся, уверяю вас. Все встанет на свои места.

— Вашими бы устами — да мед пить, — пробормотал Егор уже в дверях.

— Простите?..

— Ничего, — он вздохнул, — просто русская поговорка.

Скромную бежевую «девятку», притулившуюся к бордюру возле киоска с мороженым, Егор засек, едва вышел из здания. Он поразмыслил несколько секунд, потом, плюнув на политес, подошел к машине, по-хозяйски открыл переднюю дверцу и

плюхнулся на сиденье рядом с водителем. Тот никак не отреагировал на столь вопиющее вторжение в свою частную собственность. Глаза его были скрыты темными очками, но Егор поклясться бы мог, что они, эти глаза, ни на йоту не изменили своего выражения, даже ресницы не дрогнули, вот черт...

— Ну, — проговорил он раздраженно. — Что на этот раз?

Собеседник промолчал.

— Послушайте, — сказал Егор, — а вы, часом, не «голубой»? Может, вы испытываете ко мне... гм... влечение? Что вы таскаетесь за мной по пятам?

Дамир дернул уголком рта, обозначив улыбку.

— На востоке говорят: если ты спас человеку жизнь, значит, ты за него в ответе. Мне не хотелось бы, чтобы вам на голову свалился кирпич. Тогда все мои труды пойдут насмарку.

Егор кашлянул.

— Простите. Вы вытащили меня из огня, а я, кажется, забыл поблагодарить... Скажите, Дамир, кто вообще знал о существовании коллекции?

— Многие, — Дамир ничуть не удивился. — Хозяин не для того держал ее в доме, чтобы любоваться по ночам в одиночку. Иногда он даже проводил деловые встречи в «сокровищнице».

— Аника Блонтэ тоже там бывала? Только не прикидывайтесь, будто не знаете, о ком речь.

— Я и не собираюсь. Она действительно приезжала в особняк, разговаривала с хозяином в его кабинете. Насчет «сокровищницы» сказать не могу.

— Когда это было?

Дамир чуточку подумал.

— Летом прошлого года.

— Знаете, — проговорил Егор, поразмыслив, — я никогда, даже в детстве, не мечтал стать сыщиком. Я художник...

— ...Который очень ловко умеет избавляться от наручников, — вскользь заметил Дамир.

— Я художник, — с нажимом повторил Егор. — Мое дело — писать картины. Тайну смерти вашего патрона я с удовольствием оставил бы Колчину... Если бы не два обстоятельства: Мария, которая сейчас находится в камере, и мой друг Ромка Заялов, который чуть не свалился с инфарктом, когда погибла его невеста. Между прочим, она, его невеста, всюю наставляла ему рога с Юлием. Вы ведь знали об этом? Знали, не отпирайтесь. Еще, небось, и в спальню ее провожали...

— В спальню — нет, а из спальни — да, — с железобетонным спокойствием ответил азиат.

Егор нахмурился.

— Вот как? И в *то* утро тоже?

Дамир кивнул.

— Я вывел ее через заднюю калитку и проводил до шоссе. Она плохо себя чувствовала.

Егор в задумчивости откинулся на спинку сиденья.

— Интересно... Скажите, а сам Юлий в тот момент не казался вам больным? Он выглядел вполне нормально?

— Нормально, — отрезал азиат. — Не задыхался, не бился в конвульсиях, и пены возле рта я не заметил. Я знаю, что вы хотите сказать: что Ляля Верховцева отравила хозяина, а потом нарочно или случайно отравилась сама... Но вы забываете, что хозяин выпил отравленный бокал только через пять часов, и получил он его из рук Марии.

— Да, я помню, — пробормотал Егор. — И это ломает всю картину. Будто отражение в кривом зеркале. В треснувшем зеркале...

— Вы о чем? — Дамир перехватил взгляд собеседника, устремленный в зеркальце заднего вида. — Ах, это... Просто камешек вылетел из-под колеса.

— Я о другом. «Зеркало треснуло», название романа Агаты Кристи, я вспомнил... Женщина, одна из героинь, звонила всем подозреваемым по очереди и говорила: «Я видела, как вы подсыпали яд в какао мисс Роуз...» Дамир, вы знаете адрес Элеоноры Львовны?

Дверь открылась только после шестого или седьмого звонка. Элеонора Львовна — в каком-то запредельно роскошном куске пестрой ткани, причудливо обернутом вокруг тела, с початой бутылкой коньяка в одной руке и рюмкой в другой, возникла на пороге, покачнувшись и светски осведомилась:

— Вы ко мне, господа? Вообще-то я не ждала гостей...

— А по-моему, очень даже ждали, — возразил Егор, чувствуя неимоверное облегчение: жива, слава тебе, Господи. — Кто был у вас в гостях?

— А, — мадам Элеонора махнула рукой, снова потеряв равновесие. — Один знакомый... Редкая сволочь, между нами говоря.

— Савелий Ерофеич?

— Ну, — Элеонора Львовна доверчиво прижалась к Егору-

вой груди и объяснила: — Понимаете, я подумала: я одна (мой Витольдик скончался двадцать лет назад... Тоже, кстати, кобель был еще тот), он один... Так почему бы нам... ну, вы понимаете меня? Я пригласила его в гости. Купила коньяк, накрыла стол. Он пришел, я сказала ему... А он... — она досадливо вздохнула. — «Извините, Элечка, но мы с Катей... С Екатериной Николаевной...» Что он, черт побери, нашел в этой лабораторной крысе? Она моложе меня всего на три года, а выглядит, между прочим, на пять лет старше. Послушайте, давайте выпьем. Не могу же я, как алкоголик, в одиночку...

— Давно Ерофеич ушел от вас?

— Откуда я знаю. Где-то полчаса назад.

— Он поехал к Екатерине Николаевне?

Элеонора Львовна гордо выпрямилась.

— Вот это уж мне абсолютно безраз... безразлично. То есть безразлично. Так ему и передайте, когда встретите.

Егор с Дамиром переглянулись.

— Я к горничной, — проговорил Дамир. — Вы оставайтесь здесь. Пить больше не давайте и на всякий случай вызовите «скорую»...

— Поздно, — возразил Егор. — Она в одиночку выхлестала полбутылки. Если в коньяке был яд...

— Какой еще яд? — нахмурилась Элеонора Львовна. — Нет, по-моему, вы все-таки пьяны...

На этот раз ни звонить, ни стучать не пришлось: дверь поддалась сразу, стоило лишь слегка толкнуть ладонью. Крошечная полутемная прихожая с аккуратным шкафчиком для одежды, допотопный телефон на тумбочке — черный и вытянутый вверх, словно старинный комод, единственная комната-маломерка (гостиная, она же спальня)... Посередине комнаты — празднично накрытый стол под малиновой бархатной скатертью: салат «Оливье», заливная рыба, сыр, зелень, тушеное мясо в горшочке, початая бутылка «Каберне»...

Неподвижная женская фигура в кресле, и перед ней — почему-то коленопреклоненный — Савелий Ерофеич, и плечи его сотрясает крупная дрожь, сопровождающая странные звуки: то ли смех, то ли плач... Вот он услышал шаги за спиной, обернулся и страшно прохрипел, отгораживаясь ладонями:

— Это не я... Я ни при чем, клянусь! Она была уже мертва, когда я пришел!!!

— «Каберне» принесли вы?

— Что? — с трудом переспросил Ерофеич. — Нет, я купил «Мукузани», ее любимое, только не успел вынуть из пакета — мой пакет в прихожей... А «Каберне» уже стояло на столе, это я хорошо помню.

— Когда она умерла? — сухо спросил Колчин, не оборачиваясь.

Тучный врач с белой, как у деда Мороза, бородой шумно высморкался в носовой платок («кажется, у меня грипп или, как минимум, ОРЗ, а работать некому, неделю назад Юраша уволил, чтоб ему ни дна ни покрышки, я по его милости даже больничный взять не могу...»).

— Часа два — два с половиной назад.

— А причина?

— Яд, — врач снова высморкался. — Следы пены в уголках губ, отек горла, синюшные веки... Определенно — отравление. Вообще, любопытная дамочка.

— В каком смысле?

— А ты обрати внимание на стол, точнее на сервировку. Я поначалу подумал, что она ждала гостей, но...

Колчин оторвался от протокола.

— Да, ты прав. Сервировка по высшему разряду, как раз для романтического ужина вдвоем. Но при этом — один прибор, один бокал, одна тарелка...

— Я бы сказал, дамочка решила красиво уйти из жизни. Лавры Сары Бернар покоя не давали: та тоже, прежде чем выпить цианид, сделала прическу, маникюр, надела вечернее платье, села в кресло...

— Бред. — Колчин раздраженно встал, подошел к Егору (тот стоял, всеми забытый, в уголке между сервантом и дверным косяком и безучастно наблюдал за происходящим в комнате) и жестом попросил сигарету.

— Вы еще здесь? — нелогично спросил он. И вдруг добавил: — Скажите, у вас нет ощущения, что вся эта чертовщина вертится вокруг вас?

— Не понял, — растерялся Егор.

— Посудите сами. Юлию Милушевичу его коллекция досталась от отца — то есть он владел ею много лет. Медальон императора у госпожи Блонтэ был похищен два года назад —

и эти два года мирно лежал в сейфе, в «потайной» комнате, а парижская полиция имела классический «глухарь» (оказывается на набережной Орфевр работают не одни сплошные комиссары Мегрэ). Понимаете, о чем я? Все было относительно спокойно, но вот на сцене появляется вы — и в особняке начинают умирать люди...

Егор вдруг почувствовал беспокойство. Словно тонкая игла проникла в подкорку головного мозга. И источник этого беспокойства находился где-то совсем рядом, только протяни руку. Коридор, коврик под ногами, зеркало, тумбочка, угол серванта...

— Николаич, глянь, — окликнули следователя, — тут кое-что любопытное...

Угол серванта, тумбочка, зеркало, коврик, салфетки с вышитыми краями...

— Пойдемте посмотрим, Егор, — сказал Колчин. — Может быть, сейчас мы найдем ответы на все вопросы.

Худой эксперт, облачившись в хирургические перчатки, выдвинул нижний ящик серванта, вытащил оттуда некий бесформенный сероватый комок и жестом подозвал к себе супружескую чету, примостившуюся на диване, — соседей покойной по лестничной клетке.

— Понятые, подойдите поближе.

Миниатюрная бабулька в байковом халате поднялась, помогла встать супругу, седоусому старикану с массивной тростью в руках, и они вдвоем послушно просеменили к столу. Егор привстал на цыпочки и посмотрел вверх их голов.

Сероватый комок, при ближайшем рассмотрении оказавшийся седым париком (что ж, легче, быстрее и практичнее, чем менять прическу и смывать-наносить краску), очки в тонкой металлической оправе, нарочито нелепая вязаная кофта с такой же нелепой брошью, за которую покойница, надо думать, отвалила неподъемную сумму рублей в двести...

— А очки-то липовые, — заметил эксперт. — Стекла без диоптрий. Кстати, Николаич, я ведь вспомнил эту дамочку. Она работала у нас, в отделе судебно-медицинской экспертизы. Потом ушла на пенсию — кажется, по инвалидности. Ты-то тогда еще кантовался в райуправлении...

— Полагаете, звонила она? — вполголоса спросил Колчин.

— Нет, — так же тихо отозвался Егор. — Я думаю, звонили ей.

Колчин недоверчиво промолчал.

— Екатерина Николаевна — в прошлом медэксперт, — горячо заговорил Егор. — Она была знакома с ядами, их действием на организм, симптомами отравления и прочим. Кроме того, она могла нанести на баночку с мышьяком Машины отпечатки пальцев — я слышал, есть способ, кажется, с помощью специальной пленки... Проверьте, возможно, у нее сохранился доступ в лабораторию — значит, она могла подменить образцы, подделать отчет, да мало что еще...

— А как она, по-вашему, подмешала мышьяк в бокал Юлия? — поинтересовался Колчин. — Мы по десять раз опрашивали всех, кто в то утро побывал в спальне, о горничной никто и словом не упомянул...

— Так ведь *горничная*, — пояснил Егор. — На нее никто просто не обратил внимания. Она вошла, незаметно подсыпала яд (к примеру, когда Юлий выяснял отношения с импресарио), оставила отпечатки пальцев Марии на баночке в подсобке, подбросила пузырек под окно — нарочно, чтобы его легко обнаружили... После этого ее дважды вызывали в прокуратуру, она ответила на вопросы — и о ней забыли. И вдруг раздается телефонный звонок. Она снимает трубку — и слышит: «Это вы убили...»

— Извините...

Егор обернулся. Старушка-понятая робко тянула его за рукав, приняв, очевидно, за местного «разводящего». — Извините, но Катюше никто не мог звонить. И она никогда не звонила. Понимаете, она была глухая. То есть *совсем глухая*. Она могла только читать по губам.

Она что-то сказала, эта старушка, божий одуванчик, высушивший голову из ворота байкового халата. Что-то странное, совершенно нелогичное, и вместе с тем такое, что впору было треснуть себя по лбу: что же я, дурак, раньше-то...

— Что с вами? — встревоженно спросил Колчин.

— Она сидела в кресле, — заторможенно проговорил Егор. — Обратите внимание: кресло стоит так, чтобы можно было следить за входной дверью. Она увидела, что дверь открылась, вышла в коридор, заметила на тумбочке беспорядок... Убирать некогда, она просто накинула сверху салфетку... — Егор поморщился. — У нее кто-то был. Тот, ради кого она накрыла на стол и купила «Каберне» вместо любимого «Мукузани». Николай Николаевич, она не покончила с собой. *Ее убили*.

Показания.

«— Элеонора Львовна, как вам пришла в голову такая, простите, идиотская идея?

— Это глупо, это так глупо с моей стороны... Покойная ныне Катюша однажды подарила мне книгу. Покойная... Господи, как страшно звучит... Понимаете, мой Витольдик... Он был блестящим ученым, а как много он сделал для обороноспособности нашей страны... Но когда он умер, я осталась ни с чем. Нет, нищей он меня не оставил, у него было кое-что накоплено... Но я совершенно не умела экономить. И деньги стали уплывать. Я переехала в другую квартиру, подешевле, кое-что распродала... Потом мне посчастливилось устроиться на работу в дом к Юлию Валентиновичу. Он мне хорошо платил, но, сами понимаете...

— Кажется, начинаю понимать.

— Когда его отравили, я подумала, что если это сделала не Мария, то где-то в доме есть настоящий убийца. Только не представляла, как его вычислить. И тогда стала звонить всем подряд. Сначала я хотела просто посмотреть на его реакцию: он ведь должен был забеспокоиться, верно? А затем я попробовала бы с ним договориться...

— Вы собирались потребовать деньги за молчание?!

— Я бы попросила немного, честное слово. И обещала бы, что никогда не обращусь к нему впредь. И потом, я была осторожна, очень осторожна! Я два дня тренировалась изменять голос, и говорила в трубку через носовой платок... Я даже не пользовалась телефоном-автоматом на углу моего дома — он накрыт только козырьком от дождя, а я боялась, что меня подслушают...»

— Ну, что скажете? — спросил Колчин, когда Егор дочитал протокол.

— Потрясающе, — искренне отозвался тот. — Значит, преступник их перепутал? Элеонора говорила через платок, он не узнал голос и убил не ту...

— Вряд ли... — Следователь горестно подпер ладонью щеку. — Он не ошибся: *он убил именно того, кого собирался убить.*

Егор посмотрел непонимающе.

— Коллекция, — пояснил следователь. — Коллекция Юлия Милушевича когда-то принадлежала Екатерине Николаевне. Точнее, ее деду, академику Добелю. В конце сороковых академик был репрессирован (обвинения для того времени самые банальные: вредительство, подготовка покушения на членов правительства, шпионаж в пользу Англии...). Его дело вел

старший лейтенант госбезопасности Валентин Милушевич, отец Юлия. — Колчин помолчал. — Так-то, Егор. Пятьдесят с лишним лет понадобилось, чтобы мина рванула. Между прочим, вы были правы: Екатерина Николаевна вполне могла побывать в бывшей «своей» лаборатории. И подменить баночку с ядом, которая стояла в подсобке, на другую, точно такую же, но с отпечатками пальцев Марии. Правда, «могла» — это вовсе не означает «сделала»...

— А что, это так легко — проникнуть в лабораторию? — вяло поинтересовался Егор.

— Легко, если иметь верного человека, который украдет для тебя ключи.

— Кто? — быстро спросил Егор.

— Патологоанатом.

— Ничего себе... Тучный грузин с серьгой в ухе?

Колчин кивнул.

— Однажды Екатерина Николаевна оказала ему серьезную услугу: спасла сына от тюрьмы... Впрочем, это к делу не относится. — Он помолчал. — Остается очень важный вопрос: где эта самая коллекция? Вряд ли преступник хранит ее у себя в квартире. Где-то существует тайник: подвал под заброшенным домом, или что-то в этом роде.

— Недалеко от поселка, возле озера, есть незавершенное строительство, — вспомнил Егор. — Юлий упоминал: «Хозяин подвал отгрохал, будто собирался ядерную атаку пережить. А подвал оказался с дефектом: его затопляет во время дождей — какие-то там грунтовые воды подходят близко к поверхности».

— Ну, коли подвал затопливает, вряд ли преступник будет там что-то хранить, — справедливо заметил Колчин.

Он вышел из такси, взбежал по ступеням, кивнул портье, словно старому знакомому, вознеся на лифте на шестой этаж, постучал в дверь номера...

Дверь открыл секретарь. Открыл, но не двинулся ни влево, ни вправо, чтобы пропустить Егора в комнату. Он был голый по пояс: видимо, только что вышел из ванной, и это показалось Егору столь неожиданным, что на минуту лишило дара речи. Почему-то его потрясло даже не то, что парень разгуливает по покоям госпожи и повелительницы в таком сильно одомашненном виде, а то, что он вообще, оказывается, спо-

собен разгуливать в чем-то, кроме своего обычного черного костюма с золотой галстучной заколкой. Что он не ходит в нем в сауну, не играет в нем в сквош и не занимается любовью со своей госпожой и повелительницей, когда та со скуки звякнет в колокольчик: «*André, mon cher, rajustez la couverture, s'il vous plaît, il y a un courant d'air...*»¹.

— Мне нужно поговорить с мадам Блонтэ, — сказал Егор после долгой паузы. И почувствовал себя полным идиотом: наверняка секретарь не понимает по-русски ни бельмеса. Впрочем, словосочетание «мадам Блонтэ» должен просечь...

— Она занята, — ответил секретарь на чистом русском языке. Егор кашлянул он неожиданности.

— Чем же?

— Сборами. Мы сегодня уезжаем.

— Вот как... — Отъезд французской парочки выглядел очень уж скоропалительным. — Может, все-таки она отыщет для меня минутку?

Глаза секретаря стали холодными.

— Разве с вами еще не расплатились?

Егор запустил руку во внутренний карман (парень неуголливо напрягся), извлек оттуда чек, полученный здесь же два дня назад, и протянул секретарю.

— Передайте это своей хозяйке. И еще... — он помолчал, — скажите ей, что ее подруга, которая возит туристов по Парижу, была права: ваш чертов медальон — действительно живое существо. И весьма кровожадное.

Он развернулся, чтобы уйти, и вдруг услышал за спиной голос «просто Аники»:

— Кто?

Вопрос мог относиться к чему угодно, но Егор понял.

— Одна пожилая женщина. Имя вам ничего не скажет, но если вы бывали в особняке у Юлия, то могли ее видеть. Она работала там горничной.

— Ее убили? — спросила мадам Блонтэ.

— Да. Отравили мышьяком.

Глупо было ожидать, что известие о смерти какой-то там горничной в чужом доме, приставки к пылесосу и моющему средству «Мистер Мускул» для гладких поверхностей, всерьез может опечалить погрязшую в собственном величии французскую фифочку. Однако та не просто опечалилась.

¹ Андрэ, милый, поправь одеяло, что-то сквозит из окна... (фр.)

Она помертвела. Именно помертвела, точнее слова не подберешь.

— Садитесь, — она указала Егору на другое кресло и закурила — быстро и немного нервно, точно ученица колледжа, опасаящаяся, как бы ее не застучала классная дама. — Значит, Гортензия действительно была права. А я посмеивалась над ней, мы даже поссорились однажды по этому поводу... Андрэ, принесите кейс, — попросила она по-русски и пояснила: — На самом деле его зовут Андрей, просто я переименовала на свой лад. Его родители переехали в Париж из Звенигорода в начале девяностых. Андрей учился на курсах при университете и подрабатывал мойщиком окон.

Вошел Андрей, молча положил на стол коричневый «дипломат», щелкнул цифровым замком.

Мадам Блонтэ вынула из кейса маленькую коробочку и открыла ее. Старинный изумруд на крышке медальона коротко блеснул, точно кошачий глаз в темноте: таинственно, тускло и слегка иронично.

— Гортензия советовала сразу отдать его в Национальный музей. Нужно было так и поступить. Или — утопить в реке, как принц Флоризель — алмаз «Око света». Истинно королевский получился бы жест, — мадам Блонтэ невесело усмехнулась. — Вы знаете, что этот медальон тоже имеет собственное имя?

— «Долина гераней»? — предположил Егор, уже ничему не удивляясь.

Мадам Блонтэ кивнула.

— Так называлось кладбище на острове Святой Елены, где первоначально был похоронен Наполеон. Вы когда-нибудь слышали о герцоге Энгиенском?

— Гм... — Егор поджал губы. — Боюсь показаться невежественным... Кажется, его несправедливо обвинили в заговоре против Наполеона и казнили...

Женщина снова кивнула.

— Теперь эту историю предпочитают не вспоминать. У нас во Франции культ Бонапарта, его почитают как божество, а божество по определению не совершает неприглядных поступков.

— Понимаю.

— Рядом с герцогом в ночь ареста находился слуга из обедневших дворян, его звали Анри Тюмирье. Каким-то образом ему удалось выскользнуть из окруженной усадьбы и спасти

дочь герцога, маленькую принцессу Жанну-Луизу. Этот медальон герцог успел повесить на шею дочери.

— Откуда вам это известно?

— Из дневников Тюмирье. Я нашла их в семейном архиве. Конечно, чернила сильно выцвели, но кое-что я сумела прочитать...

Мадам Блонтэ осторожно открыла крышку медальона.

— Вот она, Жанна-Луиза де Конде. Ее привез на Святую Елену приемный отец... Видите ли, тот человек, Анри Тюмирье, подчинил свою жизнь двум целям: вырастить Жанну-Луизу как собственную дочь — и отомстить Наполеону за смерть герцога. Он всю жизнь следовал за Бонапартом в надежде его убить: в 1804 году перебрался из Эттенхейма во Францию, затем приехал в Париж, долго выслеживал императорский кортеж на Елисейских полях... Конечно, это было наивно. Наполеона всюду сопровождала сильная охрана, а Тюмирье был один... Нет, у него не было шансов. Потом началась война с Россией, Наполеон отбыл в действующую армию... Анри Тюмирье ничего не оставалось, как снова последовать за ним.

— То есть...

— Он вступил в армию волонтером.

Госпожа Блонтэ снова помолчала.

— Он храбро воевал: переходил Неман в июне 1812 года, наступал на Смоленск и отступал из горящей Москвы... И знаете, дважды он оказывался совсем рядом с Бонапартом, буквально в десятке шагов. В первый раз это случилось у понтонного моста через Березину, когда французская армия отступала под ударами генерала Чичагова. Там, на Березине, Анри Тюмирье впервые имел шанс убить своего врага. Однако воспользоваться им не сумел — что-то помешало... Через несколько лет он — уже под другим именем — приехал на остров Святой Елены и нанялся в прислугу в Лонгвуд, в особняк, куда поместили Бонапарта.

Глава 16. Скала

За 182 года до финала.

Начало мая 1821 года, о. Святой Елены, Лонгвуд

Розы приучают к нежности, терпению и тишине. Я видел их каждое утро, выходя в сад, и здоровался с ними, приподнимая шляпу, прежде чем пройти в дощатый сарай за лейкой, граблями на длинной ручке и крохотной лопаточкой, с помощью

которой я рыхлил почву. В этом саду, в местечке под названием Лонгвуд-хаус (ох уж эти английские названия!), было множество роз, собранных со всех уголков мира. Они прекрасно уживались друг с другом и с местными сортами — благодаря мягкому климату и исключительно плодородной почве. Плодородную почву сюда свозили с улусского кладбища, расположенного в двух милях к западу, — я узнал об этом через несколько месяцев после того, как получил должность садовника.

Я уцелел — непонятно как и зачем, когда целый мир вокруг, поглощенный прошедшей войной, рухнул и рассыпался в прах. И уже под новым именем — Люсьен Жизак — отправился в Фуа, в пассажирском дилижансе, что отправлялся раз в три дня с Почтовой площади маленьком городке Эльзасе на севере Франции. Коли уж человек, оставивший мне имя в наследство, когда-то жил в этом городке, то и мое путешествие (я надеялся, *последнее*) просто обязано было начаться там же...

Наш дом я разглядел издали. А подойдя поближе, увидел во дворе незнакомого мужчину — лет пятидесяти, худого и успешного загореть до черноты (весна в этом году выдалась ранняя и жаркая), в рабочей рубаше и соломенной шляпе, которую он носил на крестьянский манер, полями вниз. Он сидел на деревянном чурбаке, смолил трубку и очищал от земли мотыгу.

Из дома тем временем вышла девушка с глиняным кувшином в руках.

Подала кувшин мужчине, тот кивком поблагодарил и надолго припал к горлышку. Я решил про себя, что он только что закончил какую-то тяжелую работу. Вот он утолил жажду, вернул кувшин девушке, та подняла голову и случайно встретилась со мной взглядом.

Кувшин упал в пыль. Девушка, точно сомнамбула, переступила через него, сделала шаг, потом другой — и вдруг ринулась ко мне со всех ног, подобрав полы платья. С разбега уткнулась лицом в мой запыленный мундир, обвила тонкими руками и выдохнула:

— Батюшка...

...Мужчину звали Жаком Асси, а его жену — Жоржеттой. Они уехали в Невер, промыкались там несколько месяцев в поисках работы, чуть не умерли с голоду и вернулись назад, в Фуа, — тут еще можно было прокормиться за счет натурального хозяйства. Их собственный дом был продан за долги, и

они поселились здесь — с согласия Жанны, которая к тому времени осталась одна.

— Не прогоняй их, отец, — попросила Жанна, хотя я и в мыслях не держал подобного. — Они и вправду были очень добры ко мне. С тех пор, как...

Она не закончила, но я все понял.

— Давно это случилось?

— В тот год, когда была война с русскими, — хмуро ответил Жак. — Она долго болела, ваша жена. Мы ухаживали за ней как могли, но... Это была чахотка.

— Где ее могила? — глухо спросил я.

Жак тяжело поднялся из-за стола.

— Здесь недалеко, возле церкви. Пойдемте, месье, я провожу...

Я прожил в Фуа до конца июня. Потом уехал, взяв Жанну с собой. Я уговаривал ее остаться дома — так мне казалось безопаснее. Однако девушка была непреклонна. «Я уже не та маленькая девочка, которую ты когда-то оставил, — сказала она мне (мы сидели на крыльце и смотрели на закат). — Матушки больше нет, и теперь меня здесь ничто не держит».

— Ты не понимаешь, о чем просишь, — тихо повторил я. — Ты говорила, будто эти люди — Жак и Жоржетта — были добры с тобой (действительно добры, подумалось мимоходом, могли ведь и выставить сиротку за порог, кто бы помешал?). А я... Кто я тебе? Даже не родной отец...

— Ты был моим отцом много лет, — твердо сказала она. — Если ты уедешь без меня — что ж, я пойду пешком за твоим дилижансом, только и всего.

И я не нашел сил ей возразить.

На остров мы попали благодаря капитану Дорнэ — тому самому, что сунул мне в руки флягу с вином возле переправы через Березину. Мы встретились с ним в порту, откуда уходил корабль с Бонапартом на борту. Дорнэ обрадовался мне, как старому знакомому, и заявил, что его превосходительству генералу Гурго срочно нужен слуга — взамен сбежавшего незадолго до отплытия на Святую Елену («Нынче не встретишь настоящую преданность, Жизак, не то что раньше...») Надо ли говорить, что я согласился. Это был шанс для меня. Уж не знаю, кто подарил его мне: Бог или Его вечный оппонент...

За годы, проведенные на острове, Жанна сама будто превратилась в распутившуюся розу: прекрасное лицо с тонкими

чертами, стройное тело, высокая грудь и изумительной красоты волосы цвета жженого меда, при одном взгляде на которые я живо вспоминал мою Франсуазу — наверное, именно от нее Жанне досталось такое богатство... Впрочем, я всегда ругал себя за подобные мысли: совсем спятил, старый маразматик, как может Жанне достаться что-либо от фактически чужой женщины...

Еще до отплытия на остров я отдал Жанне-Луизе медальон, принадлежавший когда-то ее матери, Шарлотте де Роан. И однажды увидел, как девушка показывает его какому-то молодому человеку — высокому, худому, одетому в просторную рубаху, в каких ходят уличные артисты или художники. Новый знакомый Жанны действительно оказался художником. Причем, несмотря на молодость, весьма известным во Франции. Его звали Жан-Батист Огюстен — он как раз осторожно, мазок за мазком, накладывал краски на холст. Я знал, что художники не любят, когда кто-то рассматривает их незавершенные работы, но любопытство пересилило. Я подошел сзади и заглянул Огюстену через плечо.

Портрет и впрямь обещал получиться великолепным. Впрочем, как объяснил молодой человек, это был не портрет, а эскиз к миниатюре, которую Огюстен потом планировал поместить в медальон.

Наш разговор был прерван стуком копыт. Мы обернулись и увидели нескольких всадников, галопом вылетающих из-за кромки миртовой рощи. Все, кроме одного, были одеты в парадные военные мундиры, лишь один — тот, что скакал впереди, составлял исключение. На нем были белые панталоны, высокие сапоги для верховой езды и простой серый сюртук с воротничком-стойкой. Я даже решил, будто человек попал в эту кавалькаду по ошибке. Но уже через пару секунд я вдруг понял, что смотрю только на него, переднего всадника, забыв об остальных. Вот всадник натянул поводья, ловко спрыгнул на землю и взбежал вверх по ступеням.

— Сир, — проговорил Огюстен и с почтением поклонился. Я поспешил последовать его примеру.

Мужчина осмотрел незаконченный портрет и одобрительно хлопнул юношу по плечу.

— Отличная работа, сударь. Жаль, вы уехали в эту чертову глушь. Могли бы блистать в Париже, и вам бы завидовали...

Огюстен с улыбкой покачал головой.

— Я уверен, что сейчас мне завидуют гораздо больше, ваше величество.

— *Ваше величество?* — шепотом повторила Жанна-Луиза, и я увидел, что она побледнела.

Всадник обернулся.

— Не бойтесь, мадемуазель. Честное слово, я не циклоп и не людоед. Просто — человек, плененный вашей красотой. Могу я узнать ваше имя, принцесса?

Щечки Жанны порозовели.

— Жанна-Луиза, сударь. Но я не принцесса.

Собеседник улыбнулся.

— Девушку делают принцессой вовсе не королевская кровь и не родовые замки.

— А что же?

— То, как на нее смотрят мужчины.

Он подошел к лошади (та стояла как вкопанная, с гордо поднятой головой, явно красуясь перед нами), взмыл в седло и приложил два пальца к шляпе.

— Надеюсь, еще увидимся. А этот портрет я обязательно куплю у вас, Огюстен. За любые деньги — естественно, в тех рамках, что английское правительство выделяет на мое содержание.

Мы долго смотрели ему вслед. Потом Жанна-Луиза осторожно спросила:

— Кто это был, батюшка?

— Наполеон Бонапарт, — ответил за меня Огюстен.

В моем распоряжении была склянка с мышьяком, с помощью которого я боролся с крысами в саду — лучшее средство и придумать было трудно. Однако подмешать его в еду или питье Наполеона я мог, только находясь в усадьбе. И я все время ломал голову над тем, как туда проникнуть.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды вечером к нам в дом не зашел капитан Дорнэ. Вынул из сумки бутылку вина и наполнил бокалы.

— У русских есть обычай, — проговорил он, — не чокайся и не произносить тосты... в определенных обстоятельствах.

Я нахмурился, поскольку был знаком с этим обычаем.

— Кто-то умер?

— Сиприани. Мажордом и смотритель императорской библиотеки.

Я медленно выпил вино и поставил бокал на стол. И пробормотал:

— Ужасная потеря. Что же теперь будет? С континента пришлют замену?

— Вряд ли, — кратко и мрачно ответил Дорнэ. — Это место по-особому действует на людей. Словно высасывает из них жизненные соки... Никто не согласится. Поэтому место, вероятно, предложат вам.

Я откашлялся в волнении.

— Это большая честь для меня, сударь. Разумеется, я приложу все усилия...

— Подождите, — Дорнэ накрыл мою руку своей. — Послушайте, месье Жизак, вы не должны соглашаться. Сошлитесь на слабое здоровье, придумайте другую вескую причину, но не переезжайте в усадьбу! Богом заклинаю, поберегите себя. И... — он запнулся, — и свою дочь. Я давно влюблен в нее, хотя, мне кажется, это для вас не новость.

Да... Надо ли говорить, как затрепетало мое сердце. Я буду жить в Лонгвуде. В одном доме, под одной крышей с НИМ.

Моим врагом.

Дом и впрямь оставлял странное впечатление — будто архитектора в момент проектирования охватило злобное желание доставить будущим жильцам как можно больше неудобств. Множество отвратительно хлопающих дверей создавали сквозняки, гудронная крыша в жару накалялась, а во время дождей пропускала влагу. Если губернатор острова, до почтенный сэр Гудсон Лоу, в самом деле имел задание свести Наполеона в могилу, то лучшего средства, чем Лонгвуд, не изобрел бы даже я.

Меж тем здоровье императора постепенно ухудшалось. Последний приступ случился с ним пятого мая 1821 года, во второй половине дня. Я зашел к нему.

Наполеон спал. Уголки его рта были скорбно опущены, и руки — серые, с перебинтованными после кровопускания кистями — безжизненно лежали поверх одеяла. Почему-то он напомнил мне моего отца, хотя сходства не было ни малейшего. Батюшка мой умирал тяжело: то кричал от боли, то требовал вина, то порывался сесть на несуществующего коня и мчаться куда-то... И я едва удерживал его в постели.

Бонапарт лежал спокойно. Если бы не прерывистое дыха-

ние, я бы решил, что он умер во сне. На тумбочке у изголовья кровати стоял высокий бокал с оршадом — любимым напитком императора. Маленькая аптекарская скляночка с ядом была у меня в руке — я пристально посмотрел на бокал (всего один шаг, черт возьми, всего один), потом зачем-то перевел взгляд на гобелен, висевший над императорской постелью. И мне показалось вдруг, что желтый тигр на нем усмехнулся в усы...

— Кто здесь?

Я вздрогнул и чуть не выронил склянку. Наполеон открыл глаза, приподнял голову и посмотрел на меня мутным взглядом.

— Все-таки я видел вас раньше, еще до прибытия на Святую Елену. Странно: у меня прекрасная зрительная память, но ваше лицо... Давно вы носите бороду?

— Уже много лет, ваше величество, — сказал я чистую правду, внутренне содрогнувшись: что, если он прикажет мне немедленно побриться?

— У вас очень красивая дочь, сударь.

— Благодарю, ваше величество, — с трудом произнес я.

— Представьте, она тоже мне кого-то напоминает, но кого? Все-таки память моя стала ни к черту. К тому же эти боли... Они терзают меня круглыми сутками...

Снова началась гроза. За окном ударило, створки распахнулись, впуская в комнату сырость (впрочем, здесь всегда было сыро — я обратил внимание, что джунгли, изображенные на гобелене, будто стали темнее). Я хотел закрыть окно, но император остановил меня:

— Не нужно. Пусть будет так... Это хорошо, когда ветер. Ветер примчит сюда корабль из Франции, и меня спасут... Массена, Дезе, Ней — мои верные маршалы, я уже слышу их... Слышу их конницу...

Речь его утратила связность. Бонапарт снова ускользал от меня — сейчас он был далеко, там, где снега Альп закрывали дорогу к Милану, и сквозь них нужно было пробиваться... Никогда не подумал бы, что мой собственный последний шаг — к моей собственной победе — будет столь банально выглядеть. Собственно, даже шага мне не понадобилось: я просто протянул руку и высыпал содержимое склянки в бокал с оршадом. Тигр на гобелене подмигнул мне зеленым глазом: молодец, с врагами надо расправляться именно так, без лишней помпы. Выждать, вытерпеть в засаде, поймать момент — и завершить дело одним прыжком...

Я уже собирался уходить, когда за окном вновь полыхнула молния. Комната на миг словно вспыхнула голубоватым светом, тени стали резче, я последний раз взглянул на лежавшего Бонапарта — и увидел то, чего раньше не замечал.

Медальон.

Золотой трилистник с ажурным навершием и ярко-зеленым изумрудом на крышке. Он лежал на атласном покрывале (видимо, император держал его в руке, но вот ладонь разжалась, и медальон выскользнул) и целеустремленно сводил меня с ума. Я неосознанно протянул к нему руку. Осторожно — так, что император не проснулся — взял его в руку и нажал на крошечный выступ на одной из граней золотого корпуса. Изумрудная крышка откинулась, обнажив потайное нутро...

Юная принцесса Жанна-Луиза де Конде смотрела на меня с миниатюрного портрета, и я подумал, что Жан-Батист Огюстен не зря считается одним из лучших художников Франции. Портрет был прекрасен. Мне даже почудилось, будто я ощущаю на лице ветер с океана...

Я нашел ее в маленькой белой часовне возле кладбища — той, что напомнила Бонапарту его родной Аяччо. Гроза продолжала бушевать, я почти ничего не видел и отыскивал дверь практически на ощупь. И ввалился внутрь. Тишина, полумрак, вспышки молний в двух высоких окнах с витражами и слабая неверная свеча впереди, перед деревянным распятием. Свеча в женской руке... Я медленно подошел и спросил:

— Жанна, что ты здесь делаешь?

— Молюсь, — скорее понял я, чем расслышал. — Я прошу Господа, чтобы Он сохранил ему жизнь.

Каменный пол раскачивался, словно палуба корабля. Неудивительно при такой грозе. Я упал на колени рядом с дочерью и коснулся ее лица. Щека ее была влажной — то ли от дождя, то ли от слез...

— Зачем ты отдала Бонапарту свой медальон?

Жанна подняла на меня глаза, и я увидел отражение свечи в ее зрачках.

— Я люблю его, батюшка. И он любит меня. Он объяснился мне...

— Давно? — глухо спросил я.

— В тот день, когда Огюстен рисовал мой портрет, помнишь? Его невозможно не любить. Он прекрасен... Все в нем

прекрасно. Я любила бы его, если бы он был простым матросом, или крестьянином, или каторжником... Мне все равно.

Каторжник. Каторжник Наполеон Бонапарт, любовник ее высочества принцессы Жанны-Луизы де Конде де Бурбон, не подозревающей, что она — принцесса...

— Почему ты смеешься, батюшка?

Я смеюсь? Черт, я и вправду смеялся. Хохотал так, что тело сгибалось пополам и из глаз катились крупные слезы.

— Ты смеешься потому, что я, простолюдinка, посмела полюбить императора?

— Ты *простолюдinка*? — выдавил я сквозь смех, как две капли воды похожий на истерику. — Твоим настоящим отцом был герцог Энгийенский принц Антуан де Конде. А матерью — графиня Шарлотта де Роан. Оба они были убиты по приказу Наполеона Бонапарта.

— Герцог? — непонимающе переспросила Жанна-Луиза.

— Да. В твоих жилах течет кровь Бурбонов, моя девочка. И ты полюбила чудовище, повинное в смерти твоей семьи. Я служил твоему отцу в Эттенхейме. И вынес тебя на руках через потайной ход, когда на дом напали солдаты Наполеона. Они должны были арестовать всех, кто находился в усадьбе, — *всех*, понимаешь? И тебя в том числе.

Она все еще не понимала меня. Нет, не так: она меня просто не слышала. Ибо ее мысли были заняты чем-то иным, более важным.

— Что ты намерен сделать с ним? Ты хочешь его убить?!

— Я уже убил его, — сказал я. — Час назад я дал ему смертельную дозу мышьяка.

— Что?!

Моя девочка, моя принцесса, отшатнулась от меня, как от больного проказой. Потом вдруг порывисто вскочила на ноги.

— Господи, какая же я дура... Нужно срочно бежать туда...

— Куда?

— В Лонгвуд. Может быть, еще не поздно... — Она повернула ко мне свое искаженное лицо. — Куда ты подсыпал яд? В еду? В вино? Говори же!

Я отрицательно покачал головой и попытался прижать Жанну к себе — я всегда делал так, когда в детстве она спотыкалась и разбивала коленки. Жанна вырвалась и стремглав бросилась к выходу из часовни.

— Стой! — закричал я.

Она обернулась.

— Если Наполеон умрет, — сказала она с ледяной яростью, — умру и я. Вернее, мы умрем вместе — я и мой ребенок.

Мои ноги вдруг ослабли. Я хотел рвануться следом за ней — я бы догнал ее, я все еще неплохо бегал, но ноги... Они неожиданно предали меня, своего хозяина.

— Что? Что ты сказала?

— Я была у доктора в Джеймстауне. Он сказал, что я беременна, батюшка. У меня будет ребенок от Наполеона.

И скрылась за дверью, оставив меня одного.

Я не догнал ее, как ни старался.

Я был мокр и грязен до такой степени, что будь в воротах Лонгвуда часовой — он бы меня не впустил. Однако ворота были пусты и раскрыты. Возле парадных дверей стояла двуколка доктора Антомарки. Я мимолетно удивился, почему никто не догадался поставить ее под навес...

Пусто было на веранде, пусто было в бильярдной, переделанной под приемную. Пуста была столовая, мимо которой я прошел, пуст был коридор... И только за его поворотом, возле дверей императорской спальни, стояли люди. Много людей — практически все, кто обитал в Лонгвуде.

Я не спросил, что произошло, — я знал и так. Кто-то пропустил меня вперед, и я вошел с комнату...

Император лежал на кровати — он абсолютно не изменился с тех пор, как я оставил его два часа назад. Опушенные уголки провалившегося рта, серо-голубые веки, внезапно проступившая щетина, кисти рук поверх одеяла — синеватые, худые, напоминающие птичьи лапки...

Я опоздал. Видит Бог: я готов был на все. Я готов был вбежать в спальню и швырнуть на пол бокал с отравленным оршадом — я, убийца, посветивший свою жизнь мести за моего герцога, готов был предать его. Только одна деталь не давала мне покоя. Крохотная, но столь неожиданная и необъяснимая (разве что опять — в который раз — в мою судьбу вмешались высшие силы), что я инстинктивно сделал шаг вперед, чтобы получше рассмотреть ее. Я боялся ошибиться — но нет, зрение еще никогда меня не подводило...

Я снова бежал, если, конечно, мои судорожные перемещения можно было назвать бегом. Ноги скользили по грязи, прямо

в глаза били упругие водяные струи, и я ничего не видел в двух шагах от себя. Я бежал, пока ноги вдруг не потеряли опору.

Господь снова сохранил мне жизнь, хотя в этот раз Ему, должно быть, это стоило больших усилий. Ибо по всем законам я обязан был сорваться в пропасть.

Оказывается, я находился на самом краю скалы, обрывающейся в океан, — я не только ухитрился не сорваться с любого из уступов, но и вообще не заметить чего-либо, похожего на подъем. Ветер сорвал с меня шляпу и, забавляясь, зашвырнул ее в бушующую пену. Белая пена — вот единственное, что я разглядел во мраке...

— Жанна! — кричал я что есть мочи. И почувствовал, как мой голос безнадежно тонет в штормовом реве. Если она и находилась где-то поблизости, моя девочка, вряд ли услышала бы меня.

Новый порыв ветра едва не сбросил меня с обрыва. Инстинктивно я ухватился за скользкий камень справа от себя — и ощутил под ладонью нечто постороннее. Нечто непохожее на камень. Это был обрывок материи, случайно зацепившийся за острый выступ. Я взял его, поднес к глазам — и тут же узнал его, это было нетрудно. А узнав, снова почувствовал, как безумие черными губами ласково целует меня в макушку.

Клочок материи, который я сжимал в кулаке, был небесно-голубого цвета. Такого же цвета было любимое платье Жанны-Луизы — в нем она позировала Огюстену возле парапета старого форта, что стоял в Песчаной бухте. Я не мог ошибаться: я никогда не жаловался ни на память, ни на зрение...

— Жанна! — снова кричал я — вернее, просипел, потому что сорвал голос. — Жанна, я не виноват, слышишь? Я не виноват в его смерти, Жанна!!!

И мне почудилось, что океан — громадный, черный, исполненный нерассуждающей ярости — хохочет надо мной. Над жалкой попыткой его одолеть...

Глава 17. Место, где уже искали

Судя по настенным часам в номере, поезд, на котором собиралась уехать мадам Блонтэ, давным-давно отошел от вокзала. Чемодан сиротливо лежал на софе, в воздухе плавал сигаретный дым, и в бронзовой пепельнице (хрестоматийный чертик, обнимающий передними лапами бесформенное корытце) высилась гора окурков.

— Одного не понимаю, — тихо сказал Егор. — Как вы могли так легко сдаться? А что, если ваш дневник — обыкновенная фальшивка? А если даже и настоящий — почему вы уверены, что ваш пра-пра-прадед написал правду? Вдруг он, извините, страдал душевным расстройством? Вдруг он попросту *ошибался*? Ведь нет никаких доказательств, что Наполеон выпил этот бокал. Нет никаких доказательств, что Наполеон не умер от банального рака желудка — есть только предположения, версии, смелые гипотезы, не более того. И я не могу поверить, что вы испугались...

— Испугалась? — Женщина отшвырнула сигарету и вскочила с кресла. Верный секретарь успокаивающе взял ее за руку, но мадам Блонтэ только отмахнулась. — Вы знаете, что сделал Юлий, когда я приехала к нему в особняк? *Он показал мне его.*

— Кого? — не понял Егор.

— Дневник моего пра-пра-прадеда. Точнее, его копию. И сказал, что копию дневника ему передала одна известная нам обоим особа. И эта же особа организовала кражу медальона: отключила сигнализацию, провела в дом грабителей, наняла курьера для переправки ценности в Россию...

— Курьером был Владислав Виндзоров? Скрипач?

Мадам Блонтэ кивнула.

— И еще он сказал, что я ни в коем случае не захочу чтобы организатора кражи арестовала полиция, потому что... — Она запнулась. — *Потому что это была моя племянница.*

— Ваша племянница? — потерянно переспросил Егор, припомнив слабый голос Виндзорова на магнитофонной пленке. — Лаура...

— Лаура Дассен, — тихо произнесла мадам Блонтэ. — Ее мать, моя сестра, умерла рано, и я взяла Лауру на воспитание. Своих детей у меня не было... Знаете, месье Егор, она была очень талантливой скрипачкой, лучшей на своем курсе...

— Была? — так же тихо проговорил Егор. — Она...

— Она погибла три месяца назад. Автомобильная катастрофа, — Аника дотронулась до своего шрама. — Лаура была за рулем, я — рядом, на пассажирском сиденье.

Секретарь Андрэ снова, как давеча, мягко коснулся ее плеча. На этот раз мадам Блонтэ не сопротивлялась: наклонила голову, нежно потерлась щекой о его запястье, села в кресло и пристально посмотрела на медальон, лежавший в коробочке на журнальном столике.

— Вы спрашивали об убийце, месье Егор? Вот он, убийца, перед вами. Лучше бы его никогда не нашли. Лучше бы его просто никогда не существовало...

Шесть цифр.

— Алло. Господина Изельмана, пожалуйста... Здравствуйте, Рудольф Исаакович. Вас беспокоит Егор Волынов.

— Кто-кто? Ах да, свободный художник. Что на этот раз?

Егор помолчал, собираясь с мыслями.

— Вспомните, пожалуйста, ваш последний разговор с Юлием.

— Господи, опять! Я и так все доложил следователю, неужели вам лень почитать протокол? Ну ладно, ладно, что вы хотите узнать?

— Вы предложили Юлию устроить Машину карьеру. Он отказал, вы заявили, что он как собака на сене. Девочке можно организовать гастроль в Европе, необходима лишь некоторая сумма на раскрутку. А Юлий... Как он отреагировал?

— Никак. Он от меня отвернулся, можете себе представить? Отмахнулся, как от мухи: потом, мол, все потом. И устоялся на свой чертов гобелен, будто увидел его в первый раз. Будто ничего интереснее в жизни не видел...

— И вы посмотрели в ту же сторону, я прав?

— Откуда вы... Впрочем, я уже ничему не удивляюсь...

Шесть цифр.

— Ромка, ты?

— Кто же еще? — вздох. — Хочу написать Лялин портрет, но ни черта не выходит. Вижу перед собой ее лицо — все, до последней черточки, а нарисовать не могу. Так и стою, как дурак, перед чистым мольбертом.

— Рома, — тихо проговорил Егор. — Почему ты не сказал мне, что у Аники Блонтэ есть шрам?

— Шрам? — на том конце озадачились. — Подожди, в дверь звонят, сейчас открою... А ты не ошибся? Знаешь, как бывает: игра света и тени...

— Нет, Ромка. Шрам после аварии, с правой стороны.

— Проходите, не стойте в дверях... Это я не тебе. Послушай, я кое-что вспомнил. У нее на шее было кольцо. Я еще подумал, что она прикрывает им морщины, но, может... Слушай,

ты хочешь сказать, что к Милушевичу приезжала *не она*?! Но тогда получается...

— Ромка, кто у тебя в гостях?!

— Неважно. Если мы с тобой не ошибаемся, то я знаю, где коллекция. И кто убил Юлия и Лялю. Нужно только...

— Кто у тебя в гостях, черт возьми?!

Короткие гудки.

— Элеонора Львовна, пожалуйста, только один вопрос...

— Не желаю слушать, — экс-кухарка сделала попытку хлопнуть дверь, но Егор проворно сунул туда ногу.

— Извините, но дело безотлагательное. Убийца снова действует, и его нужно остановить. — Он помолчал, сосредотачиваясь. — На похоронах Юлия Милушевича вы упомянули, что проработали в особняке дольше всех — теперь, дескать, и новое место искать будет сложно.

— Ничего такого я не помню...

— Помните, — отмахнулся Егор. — Сами говорили: у вас прекрасная память на лица и события. — Он протянул ей альбомный листок с рисунком. — Посмотрите.

Она посмотрела.

— Да ну, при чем тут...

— А вот так? — он закрыл ладонью нижнюю часть наброска.

Несколько секунд Элеонора Львовна безмолвно взидала на Егоров «шедевр», потом еле слышно ахнула:

— Боже мой...

— Элеонора Львовна, — спросил Егор, — помните кота, который утонул в аквариуме? Как его звали?

Гроза отгремела и трансформировалась в затяжной фиолетовый дождь. Струи воды пенились в лужах, лезли в глаза и немилосердно затекали за шиворот, и Егор, сбитый ими с толку, едва не заблудился в родном квартале, в десяти шагах от улицы Планерной. Он вошел в дом, где жил Ромка, поднялся на третий этаж и позвонил. Ромка не отозвался. С нехорошим замедлением сердца Егор стукнул по двери кулаком. И дверь, скрипнув петлями, подалась внутрь.

— Рома, — негромко позвал Егор. — Рома, отзовись!

Тишина и полумрак. Егор выждал несколько секунд и мягко прынул в прихожую. Никого. Он прошел в гостиную

(она же спальня, она же мастерская), шелкнул выключателем... Пусто. Лишь раскоряченный на подрамнике чистый холст — Ромка собирался писать портрет своей погибшей возлюбленной...

Егор вернулся назад, в темпе проверил ванную и туалет, вошел в кухню, устало присел на табурет и окинул взглядом стол. Тарелки с ломтиками сыра, ветчины и зеленью, бутылка «Каберне», два стакана... Егор зажмурился: почудилось вдруг, будто стаканы — тонкого стекла, с абстрактным зимним узором — взяты напрокат из квартиры покойной горничной. Белый бумажный квадратик под донышком одного из них. Егор осторожно взял его и развернул...

«Егор, черт проклятый, где тебя носит? Звонил тебе домой, но трубку никто не взял, поэтому пишу, надеюсь, что прочитаешь. Я все понял, слышишь? Ты, по-моему, тоже, иначе бы не спросил... Все и правда задумано очень лихо — мало того, что отправили Машу за решетку, так теперь подбрасывают улики против меня... Они и Лялю убили только затем, чтобы ты начал меня подозревать. Единственная возможность доказать их вину — это найти коллекцию. Я ее нашел, представляешь? Я ее вычислил!!! Где самый надежный тайник? Да под самым нашим носом — то есть ТАМ, ГДЕ УЖЕ ИСКАЛИ, ДА НЕ НАШЛИ. Допер, друг детства? Если допер, дуй скорее туда, не то будет поздно. Я сейчас иду с ними, а ты... Не могу больше писать, они должны вернуться с минуты на минуту. Пока они думают, будто я...»

Последнее «я» напоминало мертвую петлю с трагическим хвостиком на конце. Будто самолет проделал фигуру высшего пилотажа, истратил остатки горючки, и теперь пытается на честном слове дотянуть до аэродрома.

Егор метнулся к телефону, набрал номер следователя Колчина. Длинные гудки: все верно, только в черно-белых советских триллерах органы работают круглыми сутками. Позвонил Ерофеичу (пусто), набрал Толиков мобильный — женский голос с придыханием сообщил, что абонент находится вне зоны досягаемости (знаем мы твою досягаемость: кувыркаешься в постельке с девочкой, которая «такую любовь практикует — пальчики оближешь»... Скотина, слово же давал не отключаться). Попытался дозвониться до Дамира — нулевой номер. Словно вся планета в одночасье опустела, оставив их наедине — самонадеянного «сыщика» и убийцу...

Вечер как-то сразу, без предупреждения, перетек в ночь. Темное озеро, похожее на тонированное автомобильное стекло, Егор обогнул справа, над крутым обрывом, и лишь фонарик с подсевшей батареей, захваченный из дома, не позволял впечататься лбом в какую-нибудь преграду или свалиться вниз. Вскоре луч уперся в полуразрушенный забор. Осторожно, чтобы не вывихнуть ногу на россыпях битого кирпича, Егор пролез на территорию заброшенной стройки. Вот о чем упоминал Колчин. И, должно быть, Ромка в своем послании: самое надежное место для тайника, там, где уже искали, но не нашли...

Дождь зарядил сильнее. Егор осветил фонариком вокруг себя (сплошное зловещее болото — понятно, почему стройку так и не закончили) и отыскал металлическую дверь, намертво прижававшую к косяку.

Странно, но дверь только казалась неодолимой. Потребовалось совсем небольшое усилие, чтобы отворить ее — что ж, лишнее подтверждение теории, лишний камешек в мозаике.

Скользкие ступени вели вниз, в подземелье. У ног плескалась вода, и чем ниже Егор спускался, тем воды становилось больше. Внизу, где заканчивались ступени, ее уровень почти достигал коленей. Егор поднял фонарик, направив луч на дальнюю стену, — и сердце зашлось в немом крике. Потому что там, у дальней стены, привалившись к ней, по пояс в воде, сидел человек. Он был мертв или серьезно ранен: безвольно свешенная голова, согнутая спина, пугающая неподвижность — человек не реагировал ни на холод, ни на отвратительно тощую крысу, похожую на таксу, — та прыгнула ему на рукав, вскарабкалась вверх и плотоядно понюхала открытую шею... Егор рванулся вперед, разбрызгивая воду. Крыса лениво канула в темноту. Егор подскочил к человеку, схватил за плечо, развернул к свету...

И человек неожиданно открыл глаза.

Эти глаза, выражение, застывшее в бездонных зрачках, — смесь ярости, решимости и какой-то черной, запредельной тоски — было последним, что Егор успел заметить. Мрак взорвался белой вспышкой, мир мягко перевернулся вверх ногами, и все погасло.

Правая рука затекла — это ощущение толкнулось в мозг первым, на целый круг опередив звуки падающих капель и лениво плетущийся в арьергарде свет фонаря — оказывается, фонарик цел, вот чудо-то...

Егор попробовал опустить руку, потерпел фиаско и посмотрел вверх. Над головой смутно виднелась облезлая труба, тянущаяся, должно быть, вдоль всей стены, и правое запястье было приковано к этой трубе хромированными наручниками.

— Очнулся? — беззлобно спросил кто-то за тусклым световым кругом. — Я знал, что ты быстро примчишься. Прочитал записочку? Классно сварганено, правда? «Самое надежное место»... этакая дудочка крысолова... Как же ты купился, друг детства? Знал наверняка, что нет тут никаких сокровищ, как можно сокровища спрятать в воде, если Юлий их хранил в условиях покруче, чем в Эрмитаже? Знал ведь?

— Знал, — отпираться смысла не было.

— Зачем же пришел?

— Сам же сказал: друг детства...

Ромка высунулся из-за фонаря, и Егор разглядел в его правой руке пистолет. Совсем плохо дело.

— Да... Видишь, я тоже... даже убить тебя не сумел. Ты лежал передо мной в отключке, а я смотрел и не мог решиться... Заранее знал, что не решусь, поэтому и наручники прихватил.

Он помолчал.

— Как же вы меня достали с вашей взаимной любовью. Нашли место — чуть ли не у законного супруга на глазах... Я столько усилий приложил, чтобы попасть в особняк, примелькаться там, пролезть в кабинет, отыскать потайную комнату, а ты... Мать твою, меня ведь могли вытолкать за ворота заодно с тобой, и что тогда?

— В первый раз, полтора года назад, тебя тоже выперли? — спросил Егор.

— Никто меня не выпирал. Просто я не сумел найти предлог, чтобы остаться подольше... Кстати, просто ради интереса... Как ты меня вычислил? Где я прокололся?

— Шрам, — бессвязно ответил Егор. — Несколько месяцев назад Аника Блонтэ со своей племянницей попали в аварию. Племянница погибла, а Аника порезалась лобовым стеклом, и у нее на щеке остался след. О нем нельзя было не упомянуть, но ты не упомянул, потому что полтора года назад, когда она приезжала в особняк (а не три недели назад, как ты утверждал), шрама еще не было. Я был уверен, что она скрыла свой визит к Юлию незадолго до его смерти — а никакого визита

не было. И отметки в загранпаспорте тоже. А потом я пошел к Элеоноре Львовне и спросил, как звали кота — предшественника Кессона, который утонул в аквариуме...

— Маркиз, — Роман зло сплюнул. — Всегда ненавидел эту тварь. Такой же ворюга, как и хозяин. Его кормили деревенской сметаной и баварскими сосисками, а он спер у меня копеечную котлету, мразь... Я поймал его и утопил в аквариуме с рыбками.

— Что же ты делал у Юлия? Строил забор?

— И забор, и подъездные ворота... Я же мастер на все руки. И никто не обратил на меня внимания, когда я заявился в особняк во второй раз, вместе с тобой.

Ромка сделал паузу, будто прислушиваясь.

— А вода-то прибывает... Мы как раз поставили ворота, и Юлий пригласил нашего бригадира к себе в кабинет за расчетом. А я топтался в коридоре — ну и заглянул в хозяйскую спальню (она приоткрыта была). Просто так, полюбоваться на буржуйскую роскошь. И увидел гобелен на стене.

— Тот, что со сценой охоты?

— Этот гобелен когда-то принадлежал моему прадеду.

— Значит, ты правнук академика Добеля?

— Что?! — Фонарик качнулся, и сбоку, на периферии светового пятна, возникло искаженное Ромкино лицо. — Черта с два, друг мой. Черта с два я имею какое-то отношение к этому ублюдку, запомни. Знаешь, чем он занимался в Ленинграде во время блокады? Выменивал ценности у стариков. Приходил к тем, кто уже не мог встать от голода, и предлагал осьмушку хлеба или стакан отрубей — за подлинник Андрея Рублева, золотое яйцо Фаберже, собрание старинных книг... О, это был очень выгодный бизнес. Доходяги ему руки целовали. Но больше всего ему хотелось заполучить коллекцию раритетов времен Наполеона — он ведь был помешан на Наполеоне... Он пришел к моему прадеду, профессору Садовникову, и предложил сказочное богатство: буханку хлеба. Только представь себе: не осьмушку, не четвертинку — целую буханку. И прадед согласился. Может быть, благодаря той буханке он и выжил в блокаду. Потом они с Добелем много лет дружили семьями — вплоть до ареста в пятьдесят первом. Познакомили жен — и те стали подругами. Познакомили детей и внуков — мой отец в детстве дружил с внучкой академика, она звала его Каем, как в сказке о Снежной королеве, а он ее — Гердой, надо же, хрень какая...

— Откуда ты знаешь?

— А она нашла меня несколько дней назад.

— Кто?

— Герда. Екатерина Николаевна, чертова горничная. Пригласила к себе — причем довольно оригинальным способом: подбросила блокнот в мой почтовый ящик. Я этот блокнот забыл в особняке, в гостевом домике, а она подобрала. Я еще спросил, как она узнала, что блокнот мой, — я ведь его не подписывал. А она показала рисунок на последней странице: герольд в буденовке. Понятия не имею, почему я его нарисовал: просто сидел на крыльце, размышлял о чем-то, чертил что-то автоматически... Оказывается, точно такого же мой папаша, Кай то есть, нарисовал в книге Андерсена, представляешь? Чертовщина какая-то.

Егор слабо улыбнулся.

— Ты же сам говорил: в этом доме полно чертовщины.

— Да уж, — Ромка хмыкнул в бороду. — Усадила меня за стол, тараторила, что мне не о чем волноваться: Милушевич свое получил (пусть сынок, не папаша, который служил в НКВД), что она подтасовала улики против Марии, а в мою сторону никто и не чихнет... Я поинтересовался, почему она меня выгораживает, она ответила: «Старые долги надо отдавать». Оказывается, она всю жизнь мучилась оттого, что ее дед обокрал моего прадеда. Комплекс вины, видишь ли...

— Зачем ты ее убил? — спросил Егор. — Она все равно тебя бы не выдала. Умерла бы, а не выдала.

— Вот и я подумал о том же, — равнодушно отозвался Ромка. — Посмотрел на нее, восторженную, помолодевшую и счастливую, и решил: пусть такой и умрет. Иначе начнет таскаться за мной по пятам, объясняться в любви... Яд у меня все время был с собой. Ну, и подсыпал... Она, когда поняла, что выпила мышьяк, даже улыбнулась, честное слово. Радостная такая вышла улыбочка...

Ромка сделал паузу.

— А знаешь, Садовников все-таки отомстил Добелю. Когда его взяли, он на первом же допросе показал на Добеля как на своего сообщника.

— Сообщника в чем? — не понял Егор.

— В чем тогда в основном обвиняли. Сотрудничество с западной разведкой, саботаж, подготовка покушения на товарища Сталина... Их обоих расстреляли в пятьдесят первом:

Добеля и Садовникова. А коллекция попала к Валентину Ми-лушевичу, папаше Юлия. Так что усвой, друг детства: я не вор. Я взял то, что принадлежит мне по праву. И никто, ни одна сволочь меня не заподозрит: Герда постаралась. А потом по-кончила с собой.

— А как же Элеонора Львовна?

— А что Элеонора Львовна? Ну, предположим, видела она в особняке какого-то мужчину, похожего на меня. Ну назвал я по ошибке Кессона Маркизом — что это доказывает?

— Ничего, ты прав... Ты проверил на Кессоне действие яда?

— Ничего я не проверял.

— Ромка, он умер от того же яда, что и Юлий с Лялей Верховцевой. Это не может быть совпадением.

— Я kota не травил, — отрезал Роман. — Может, он сам что-нибудь сожрал по ошибке...

— А Лялю за что? Ты ревновал ее к Юлию?

— Ревновал? Шлюху?! — Ромка расхохотался. — Как только тебе могло такое в голову прийти... Нет, друг мой, это у тебя с Машей были высокие чувства-с, ахи-вздохи, лютики-цветочки, а у меня с Лялей было банальное деловое соглашение. Я знакомлю ее с бизнесменом (она спала и видела, как прыгнуть к нему в койку... ну, и под венец, конечно), а она устраивает так, чтобы я подольше задержался в особняке.

— А когда она перестала быть нужной, ты подсыпал ей яд...

— Я ее не убивал? — рявкнул Ромка. — Понял, ты?.. Мне чужого не надо!

— Темнишь, друг детства, — укоризненно проговорил Егор.

— А смысл? — усмехнулся «друг детства». — Ты все равно уже никому ничего не расскажешь. Еще сутки — и весь этот гребаный подвал окажется под водой. И ты вместе с ним... Знаешь, я поначалу не хотел убивать Юлия. Только украсть коллекцию. Но потом... Понимаешь, это превратилось в манию какую-то. Я должен был его убить — и точка. Иначе сам бы подох. Или спрыгнул с катушек.

— И что ты будешь делать дальше?

— Ничего. — Световой круг фонарика постепенно сузился до размеров тлеющего уголька: батарейка садилась. — «Дело антиквара» закрыто (хорошее название для триллера, не находишь?), виновные установлены... Правда, коллекция канула неизвестно куда, ну ничего. Поищут и успокоятся. Скоро она будет далеко, уже есть покупатель. Через несколько дней по-

лучу свои «бабки» — и «прощай, немытая Россия...» Всегда мечтал пожить за границей. В Ницце или на Корсике... Тебе никогда не хотелось побывать на Корсике? Ты ведь художник, друг детства, художник от Бога — неужели тебе не надоело продавать свои картины на базаре, на вес, как картошку?

Егор невесело усмехнулся.

— Неужели наручники снимешь?

— Сниму, — серьезно сказал Роман. — Только пообещай фортели не выкидывать, оле?

— Нет, Ромка, — так же серьезно отозвался Егор. — Не пойдет. Дело тут не во мне.

— А в чем же?

— Следователь знает, что Екатерина Николаевна когда-то работала судебным экспертом. Уже доказано, что она сфабриковала улики против Марии. Ему известно, что ее убили — то есть она не покончила с собой. А значит, существует убийца. Тебя вычислят — это вопрос одного-двух дней... — Егор помолчал. И тихо попросил: — Ромка, опомнись. Тебе не выскочить.

— Опомниться? Ну нет. Теперь, когда я наконец сделал то, о чем мечтал всю жизнь... — Оранжевый уголек поднялся вверх. — Нет, Егорушка, я давно сжег за собой мосты. Давно...

Он помолчал.

— Оказать, что ли, тебе последнюю милость?

Егор не увидел, как Ромка поднял пистолет. Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, заметался в каменных стенах, осколки кирпича брызнули в разные стороны — фейерверком, прощальным салютом... Бах — продолжал Роман давить на спусковой крючок. Бах-бах-бах-бах-бах!

Егор не хотел закрывать глаза. Он дал себе команду не закрывать их, не скрючиваться и не пытаться вжаться в стену — выглядит жалко, а эффект нулевой. И все-таки зажмурился. И совсем уж по-дурацки прикрыл голову левым локтем, будто он, локоть, мог защитить от пули...

А потом выстрелы стихли. Ромка выпустил «в молоко» всю обойму — нарочно, конечно, с такого расстояния невозможно промахнуться. Егор прислушался. Тишина и слабое журчание воды — почему-то он сразу понял, что Ромка ушел. Не затаился где-нибудь поблизости (какой смысл?), а именно ушел, чтобы уже не возвращаться...

Он попытался представить свою руку, будто на рентгеновском снимке: плюсны, фаланги, суставные сумки — мелочи

вроде нервных окончаний, мышц и сухожилий здесь не котировались. Перед глазами плавали разноцветные кляксы, но Егор был рад этим пятнам: все же они были лучше, чем беспросветная тьма...

Сконцентрироваться. Сложить косточки нужным образом. Не обращать внимания на боль. Не обращать внимания на холод, сосредоточиться только на одной цели...

Он не сразу осознал, что свободен: правая кисть неожиданно выскользнула из кольца, и пустые наручники обиженно звякнули о трубу. С трудом переставляя ноги, Егор двинулся вперед, ощупывая стену. Стена была скользкая. В этом странном мире все было скользким: стены, пол, непонятно чем питающиеся крысы, одежда, погребальным саваном облепившая тело...

Нога неожиданно за что-то зацепилась. Егор не удержал равновесие, ушел под воду, выскочил, отплеываясь и сжимая в руке некий предмет, который автоматически схватил со дна. Пистолет. Ромка выбросил его, расстреляв обойму. Выбросил перед тем, как выйти на поверхность, — там, на поверхности, бесполезная железяка могла превратиться в убийную улику. Чтобы проверить свою гипотезу, Егор поднял ногу повыше и шагнул вперед. И нащупал подошвой ступеньку. Шатаясь и оскальзываясь, он поднялся наверх и толкнул дверь плечом. Дверь была заперта.

Он пытался выбить дверь ногой. Потом начал кричать. Потом, основательно охрипнув, принялся шарить по полу в надежде отыскать что-нибудь, подходящее на роль рычага. Потом отправился на поиски другого выхода — все было напрасно. В конце концов он снова поднялся по лестнице, где не залитой водой оставалась лишь одна, последняя, ступенька, сел на нее, подтянув колени к груди, и устало закрыл глаза. Ничего, сказал он себе, меня обязательно найдут. («Держи карман», — хихикнул кто-то внутри. «Заткнись, дрянь», — немо прикрикнул Егор.) Они наверняка станут искать: исчезновение коллекции — еще куда ни шло, но исчезновение сразу двух главных свидетелей по делу... Колчин сложит два и два и поймет... Только не было бы слишком поздно...

— Сколько же тут будет на вес, а, Коляныч?

— Почитай, все тридцать кило. Ржавая, сука, но крепкая... Ты ножовку-то прихватил?

Егор вяло поднял голову и прислушался. Говорили где-то совсем рядом.

— Прихватил, прихватил. Слышь, Коляныч, чудно как: замок висит. Вчерась замка не было.

— Откуда ты знаешь? Ты вчера лыка не вязал.

— Лыка, может, и не вязал, а память у меня как хрусталь, даже после двух поллитровок. Говорю, не было замка: видишь, он новый, даже смазка не стерлась. Отойди-ка, не мешай...

Послышался скрежет металла о металл. Егор хотел крикнуть, но не сумел, лишь неуклюже поднялся на ноги навстречу своим то ли спасителям, то ли врагам — как раз в тот момент, когда дверь медленно отъехала в сторону.

И брызнул свет. Настолько яркий, что он зажмурился, неосознанно поднял руку и шагнул туда, вперед, в ослепляющее зарево, подумав, что так, должно быть, и выглядят Небесные врата, возле которых апостол Петр встречает новопреставленных, пряча улыбку за напускной строгостью...

Он сделал над собой усилие и открыл глаза. Вокруг стоял серый день, каким и положено быть дню второй половины октября: серое небо, серые стволы деревьев, бурая жижа под насквозь промокшими ногами...

Апостолов неожиданно оказалось двое. Один, худой и длинный, в телогрейке и ватных штанах, заорал «Нечистая!» и рванулся прочь, разбрызгивая грязь; второй, тоже в телогрейке, но пониже и поплотнее, испуганно шлепнулся на копчик, поморгал пороссячьими глазками и неуверенно пробормотал:

— Слышь, мужик, ты это... Мы ж не знали, что это твоя дверь. Ты только не стреляй, а?

Егор недоуменно опустил глаза и увидел пистолет в своей руке.

— Вы нашли его?

Следователь покачал головой:

— Пока нет, но принимаем все меры. Насколько я понял, ваш приятель очень ловко меняет внешность, да? Лицо у него очень типичное. Достаточно постричься по-другому, отрасстить бороду... У вас есть хоть малейшее представление, куда он мог отправиться?

Егор пожал плечами.

— Он говорил, что хотел бы уехать на Корсику... Хотя

вполне мог придумать это за несколько минут до того, как пристегнул меня к трубе.

— А насчет покупателя коллекции? Тоже придумал?

— Не знаю, — устало проговорил Егор, глядя в пол. — Что вы от меня хотите, в конце концов?

— Хочу понять, действительно ли вы ничего не знаете или притворяетесь. Но вы же — словно герой песни: в огне не сгорели, в воде не утонули... Бомжей благодарите: кабы им в голову не пришла счастливая мысль свинтить дверь на металлолом... Между прочим, что касается слов вашего приятеля... Вам ничего не показалось странным?

— Вообще-то я был в неподходящем состоянии, чтобы заниматься анализом... — Егор вдруг запнулся. — Он сказал, что не виноват в смерти Ляли Верховцевой. И не травил Кессона. Он признался в трех убийствах — какой смысл отрицать четвертое?

— Это, как говорится, вопрос вопросов. — Колчин открыл ящик стола, покопался в нем, достал картонную папку и протянул Егору. — Читайте.

«Мы, состав судебно-медицинской лаборатории под руководством к.м.н. Секачева А.П., на основании полученных образцов, пришли к следующему заключению...»

Егор пробежал глазами документ, озадаченно нахмурился, вернулся к началу и прочитал во второй раз, более вдумчиво.

— Не понимаю.

— Здесь написано, — терпеливо пояснил следователь, — что Кессон, Алевтина Верховцева и Юлий Милушевич умерли от одного и того же яда, но Екатерина Николаевна Мартяшина была отравлена *другим веществом*. Точнее, это тоже был мышьяк, но отличный по составу и валентности. Я профан в химии, но общий смысл...

— Подождите, — Егор покачал головой. — Ромка сказал, что всюду носил яд с собой. Это означает, что он истратил весь запас на Юлия и Лялю, а следующую, третью порцию взял где-то в другом месте?

— Нет. Это означает, что ваш приятель действительно отравил горничную, но Юлия Милушевича и Лялю Верховцеву убил не он. Хотя был уверен, что убил.

— Но как... — ошарашенно пробормотал Егор. — Как, черт возьми...

— А вы вспомните историю вашего Анри Тюмирье.

— Кого? А, пра-пра-прадеда мадам Блонтэ...

— Именно. Он вошел в спальню императора и увидел ЭТО, — Колчин мягко постучал пальцем по гравюре на обложке книги Бена Вейдера. — Видите? Тумбочка в изголовье, и *полный бокал* на ней. Наполеон Бонапарт не пил отравленный оршад. Он умер по другой причине.

«Смотрите, он лежит в той же позе...»

«Комната вдруг изменила очертания: вытянулась и сузилась, точно тоннель...»

«Люди на картине задвигались, зашуршали платья, кто-то приглушенно заплакал...»

— Ромка не убивал Юлия, — хрипло проговорил Егор, не веря себе. — Анри Тюмирье не убивал Наполеона — то есть он был уверен, что убил, но...

— Но что?

Егор помолчал.

— Но в таком случае — КТО?

Колчин мягко улыбнулся.

— Вы, помнится, сами предположили: убийца в обоих случаях один и тот же.

— Бред, — Егор вдруг почувствовал злость. — Вы что, намекаете на медальон? Только эта экзальтированная дура француженка думает, будто он способен убивать своих владельцев — вроде алмаза «Око света» у Стивенсона. А я, знаете ли, материалист по натуре. Я уверен, что существует убийца...

— Конечно, существует. Только медальон тут ни при чем.

Колчин вытащил из папки несколько фотографий места преступления и положил перед Егором.

Спальня Юлия Милушевича в разных ракурсах — у Егора мелькнула никчемная мысль, что здешний фотограф обладает недюжинным вкусом и мастерством и в свободное время балуется изготовлением черно-белых снимков в стиле «ню» прибалтийской школы: обнаженная женская фигура за матовым стеклом, контуры не видны, лишь четкое изображение темного соска, прижатого к стеклу...

— Смотрите внимательно.

Кровать под роскошным бархатным балдахином. Овальное зеркало в обрамлении кованых подсвечников, электрокамин с имитацией пламени на дровах (впрочем, на снимке камин выключен), серый ковролин на полу, сервировочный столик, гобелен на одной стене, гравюра Луи Маршана на другой...

Колчин развернул к Егору книгу Вейдера.

— Теперь смотрите сюда...

Кровать под балдахином, уголок камина (на этот раз настоящего), мертвый император и скорбные фигуры, застывшие вокруг, гобелен на стене, прикроватная тумбочка со злосчастным бокалом (действительно полным: художник точен в деталях), паркетный пол, гроза за окошком...

Две смерти, разделенные почти двумя столетиями. Один и тот же убийца, случайно попавший в оба кадра...

— Не может быть, — тихо проговорил Егор.

Колчин посмотрел с легкой укоризной.

— Вы же художник, Егор Алексеевич. Вам должны быть известны подобные вещи. Вам, как никому другому...

Он чуть помедлил, протянул руку к телефону и снял трубку. Набрал две цифры и лаконично сказал:

— Введите.

Егор вопрошающе взглянул на следователя. Входная дверь скрипнула, Егор обернулся — и увидел на пороге Марию.

— Мария Владимировна, — проговорил Колчин. — Я вызвал вас, чтобы сообщить: все обвинения против вас сняты. Истинный убийца вашего мужа установлен. Вы свободны.

— Гобелен? — недоуменно спросила Маша. — Их убил гобелен?

Они сидели за столиком у окна, в любимой ими «Разбитой амфоре», и слушали музыку — ту самую, похожую на тихий перезвон лютни. Было утро, посетителей раз-два и обчелся, и это как нельзя лучше устраивало обоих.

— Все дело в красках, — сказал Егор (подошел истомившийся бездельем официант, поинтересовался, не нужно ли чего — «нет, спасибо... впрочем, у вас есть «Напиток Эллады?» два бокала, пожалуйста...»). — Я должен был раньше сообразить, нам ведь читали в «художке» историю искусств... Этот гобелен Наполеон Бонапарт привез из Египетского похода. Мастера той эпохи изготавливали зеленую краску (джунгли, в которых спрятался тигр, помнишь?) на основе вещества под названием «триметилмышьяк». В обычном состоянии это вещество нетоксично, но стоит ему войти в контакт с водой — начинается бурная реакция с выделением паров мышьяка.

— С водой?

— Ну конечно. На втором этаже в особняке, как раз над спальней, лопнула труба. Вода вытекла, просочилась через пе-

рекрытие и намочила гобелен. И спальня Юлия превратилась в газовую камеру. Самое страшное, что ты тоже находилась там некоторое время — слава богу, не слишком продолжительное.

— Я ничего не почувствовала...

— Этот яд бесцветен и не обладает запахом. Первым умер Кессон: у него маленькое тельце, и концентрация мышьяка для него оказалась более чем достаточной. Затем Ляля...

Маша вздрогнула. Егор успокаивающе накрыл ее руку своей.

— Она завидовала тебе. Бедная девочка из убогой комнаты в общежитии — как она мечтала жить в богатом доме! Наверняка по ночам плакала в подушку: ну почему ей (тебе то есть) все, а мне — ничего? Чем я хуже? А потом подвернулся Роман Заялов — и они вдвоем придумали план. В свои цели он ее, конечно, не посвящал, но Ляле это было и неинтересно. Она хотела прыгнуть к Юлию в постель (и в перспективе довести дело до загса), Ромке нужно было задержаться в особняке, чтобы найти подходы к коллекции прадеда. *Ту самую* ночь Ляля и Юлий провели вместе: ты ушла от него, место освободилось... Ближе к утру она почувствовала себя плохо, но списала это на усталость. Собрала вещи, вышла на шоссе, села в попутку — и умерла. Юлий продержался еще несколько часов, даже успел насмерть разругаться с Рудиком Изельманом по поводу твоей карьеры. И выплеснул в лицо импресарию бокал с вином, не подозревая, конечно, что там яд... Он уже умирал, когда позвонил тебе и попросил приехать.

— Я тоже могла умереть?

Егор покачал головой.

— Я бы тебе не позволил. Думаю, и Юлий остался бы жив, если бы не бурная ночь накануне... ну, и соответствующая нагрузка на сердце.

Маша тихонько встала со своего места, подошла и села рядом, доверчиво положив голову на плечо Егора.

— А твой друг... Что будет с ним? Его поймают?

Егор не ответил.

Друг... Друг детства, с которым сидели за одной партой, гоняли мяч на пустыре позади школы и по очереди таскали портфель за красавицей Элечкой Веретенниковой из параллельного класса. Друг юности, с которым стояли на перекрестке улиц Рахманинова и Васнецова и подбрасывали

дурацкий пяточок («Орел — музыкалка, решка — художка, оле?»). Друг на всю жизнь, который однажды отобрал у Егора стакан с водкой и выплеснул в раковину. Егор в тот момент находился, что называется, «на взводе», и они подрались... Ромка попытался ударить — Егор перехватил руку и впечатал приятеля головой в пол, с трудом удержавшись, чтобы не сломать Ромке шею. Потом они сидели по углам разгромленной комнаты и тяжело пыхтели. Роман потирал ушибленное плечо, Егор промокал платочком расквашенный нос.

«Слушай, покажи, как ты это сделал», — сказал Роман через некоторое время.

«Что?»

«Как ты меня бросил?»

«Зачем тебе?» — буркнул Егор (канувшую в раковину водку было жаль до слез).

«Как зачем? — удивился Ромка. — А вдруг пристанет кто?»

«Пристанет», — фыркнул Егор. — Размечтался...»

Однако прием показал. Этим приемам они, сто двадцать «салажат», учились в тренировочном центре в Фергане снимать часовых. Этим приемом Ромка убил полицейского в особняке — очередная подсказка, мимо которой Егор прошел как мимо фонарного столба.

Почему-то ему хотелось, чтобы Ромка выскочил. Дурацкая мысль — принимая во внимание все происшедшее за последние сутки. Дурацкая мысль, но увидеть Ромку снова, в кабинете следователя... Нет. Пусть у него все получится. Сбагрить коллекцию таинственному покупателю «из-за бугра», получить доллары (или на какой там валюте они сошлись) и купить билет на свой белый пароход...

Желаю тебе выскочить, друг детства. Черт с тобой, пусть бы ты выскочил...

Глава 18. Билет на белый пароход

За три часа до финала.

Поселок Верхняя Труба, ноябрь

Название поселка было странным и ничем не обоснованным, разве что огрызком ржавой трубы диаметром около полуметра, непонятно ради каких целей вкопанным у обочины грунтовки. Человек посмотрел в окошко и неодобрительно сказал хозяйке дачи: «У вас с потолка капает». Хозяйка, квадратная, жилистая, в фуфайке и кирзовых сапогах, быстро пе-

решитала аванс, который он ей вручил, с трудом повернула голову и переспросила:

— Чего?

— Я говорю, крыша у вас худая.

Она нимало не смутилась, только на всякий случай правильно спрятала деньги в рукав.

— Ну так что ж. Мужик помер, починить некому. А так — дом еще крепкий, на отшибе, как ты заказывал. Колодец, удобства во дворе, подпол. А капает только в дождь, и то не всегда. Я тебе корыто принесу. Корыто будешь ставить, чтоб, значит, на пол не текло.

— Ладно, ладно, — спорить ему не хотелось. Хотелось поскорее остаться одному.

Зачем я сказал ему про Корсику?

Вспомнился вдруг затопленный подвал и друг детства, прикованный к трубе наручниками. Прошло пять дней, дождь с тех пор не прекращался, вода должна была подняться до потолка уже на следующие сутки... Каково это, интересно, тонуть в крошечной тьме? Когда черная ледяная жижа подступает сначала к груди, потом к горлу, потом к подбородку, и запястье страшно саднит от бестолковых попыток выдернуть его из кольца...

А не вставал бы поперек дороги, подумал он сердито. И не поворачивался — сколько раз, черт возьми! — затылком, вводя в искушение. И все равно я оказался слаб. Все равно я не смог тебя убить — про Корсику я тебе наврал, а *тут* сказал правду. Даже в конце, посмотрев в глаза последний раз, подняв пистолет, прицелился в голову, а пули ушли в стену. Словно втайне, в глубине души, он вдруг понадеялся, что друг детства сумеет выскочить.

Я желаю ему спастись, вот ведь хрень какая...

Коллекция была упакована в две объемистые сумки на «молниях» и спрятана в подполе, люк в который здесь был почему-то в сенях, а не в комнате. И первый день пребывания в доме Роман просидел там, в подполе, при свете тусклой лампы, свисающей на проводе с потолка (впрочем, где-то в половине десятого вечера свет «отрубили»).

Он сидел на грязном деревянном чурбаке, вынимал из сумок предметы по одному и подолгу любовался ими, болезненно щуря глаза. Именная сабля генерала Ермолова с зазубриной на клинке, оставленной вражеским гренадером в битве

под Вереей. Каретные часы кого-то из Людовиков (он не помнил, какого именно) — изящные, потемневшего золота, со скрещенными шпагами на циферблате и буквами HUA. Собрание старинных монет с чеканными профилями древних правителей. Правители — независимо от эпохи и географических координат — были до смешного похожи, будто выведенные путем клонирования: волосы, уложенные наподобие шлема, пальмовые или оливковые ветви на голове, носы с аристократической горбинкой и монументальные подбородки. Золотые и серебряные нательные кресты, подсвечники, оклады икон, портсигары, брегеты, каждый из которых занесен в мировые каталоги ценностей и имеет цену, соизмеримую с ценой особняка покойного Юлия Милушевича...

Странно, но он ни разу не пожалел о медальоне императора, оставленном в сейфе, хотя тот один стоил столько же, сколько все побрякушки вместе взятые. Я не вор, сказал он другу детства. Я не вор, запомни. Я только беру свое.

На самом дне сумки лежала старая, испещренная «ятями» и твердыми знаками книга. На потертой кожаной обложке значилось:

СНѢЖНЫЯ КОРОЛЕВА

Сочіненія г-на Г.-Х. Андѣрсена.

Графіческое заведеніе «Родина», Лиговская ул., 114.

Санктъ-Петербургъ, 1901.

Он понятия не имел, для чего прихватил ее из особняка: особой ценности книга не имела. Просто машинально бросил ее в сумку перед тем, как расплескать по полу бензин и чиркнуть зажигалкой. Уже потом, много позже, он открыл эту книгу — тоже незнамо зачем, он вовсе не собирался ее перечитывать — и увидел иллюстрацию: островерхие крыши, пронзающие голубое небо, белое невесомое облако и флюгеры. Флюгеры-кораблики, флюгеры-олени, флюгеры-рыбки... Флюгер на самой высокой крыше (то ли ратуше, то ли пожарной каланче) изображал мальчишку-герольда в короткой тунике и с трубой у губ. На голове у мальчишки была шляпа с пером, и поверх шляпы еле угадываемым химическим карандашом была нарисована буденовка. Покойная горничная говорила ему об этой буденовке: якобы ее нарисовал его отец, когда им обоим — Герде и Каю — было лет по восемь...

Лампочка под потолком погасла. Он затеплил керосино-

вую лампу, еще немного посидел над сокровищами, словно Скупой Рыцарь, и вдруг обнаружил, что не может уйти. Показалось: стоит оставить сокровища наедине с этим подполом, с деревянным чурбаком и кучей гнилой картошки в углу, и они исчезнут. Вернутся туда, откуда пришли: в Юлиев особняк, в мрачноватый «сталинский» дом на Одиннадцатой линии Васильевского острова, в императорскую спальню в Лонгвуде, на острове Святой Елены...

Он не мог уйти, хоть режьте. Впору было затащить сумки на кровать и спать на них, положив под голову вместо подушки. Поразмыслив, он нашел соломоново решение: взял в руки свернутый в трубку гобелен со сценой охоты на тигра, выволок наверх, в комнату, и повесил на стену над кроватью с лоскутным одеялом. И тут же успокоился. Глупые страхи улетучились, и неудержимо потянуло в сон...

Он сидел в шезлонге на верхней палубе океанского лайнера, похожего на громадный светящийся изнутри кусок сахара. Он был один — весь корабль принадлежал ему одному — вместе с палубными постройками, трюмами, камбузом, галюнами и капитанским мостиком. Было тихо: не играла музыка, не было слышно посторонних шагов, не гудел двигатель. Корабль шел сам по себе: шел туда, куда желал его хозяин. Только океан вокруг издавал приглушенный шелест, но он не мешал, скорее наоборот, умиротворял. И человек улыбнулся во сне. Капли воды, просочившись сквозь трещину в шифере, собрались в лужицу, прочертили извилистую дорожку вдоль балки перекрытия, струйкой сбегали вниз по стене и упали прямо на морду нарисованного на гобелене тигра. Тигр добродушно фыркнул в усы. Джунгли постепенно темнели от влаги, и испарения — тонкие, неосязаемые, лишенные цвета и запаха — медленно заполняли комнату...

От автора: выражаю сердечную признательность моим друзьям и неизменным консультантам: антиквару и часовщику Павлу Шумилину, доктору исторических наук Геннадию Белорыбкину, настоящему художнику и бывшему бойцу «Вымпела» Егору Каховскому, художнику Игорю Землякову и судмедэксперту Владиславу Янькову за неоценимую помощь в создании этой книги.

АЛЕКСЕЙ ЗАЙЦЕВ
КОЛОМБИНА

Я хорошо помню тот сентябрьский день, когда ее встретил.

Она сидела на деревянной скамейке и думала о чем-то настолько серьезном, что не укладывалось в моем десятилетнем мозгу. Пахло горелой листвой, я в очередной раз прогулял математику и наслаждался той самой свободой, что может быть доступна только школьнику, решившемуся на столь отчаянный поступок.

С утра прошел дождь. Трава под ногами была мокрая, но тучи уже рассеялись, и солнце весело отражалось в лужах.

На этот раз я выбрал для прогулки новый маршрут, свернув на улицу, где прежде никогда не бывал. Минувя спортзал и продуктовый магазин, неожиданно вышел в парк аттракционов.

Я очень удивился — раньше я видел такие парки только в центре города, когда гулял там с родителями. У меня даже глаза разбежались: похожие на драконов карусели, игровые автоматы в виде волшебников, восточные шатры, расписанные золотыми драконами. Пахло имбирем. Грустно пела шарманка. Качели и карусели светились яркими огнями, несмотря на то что было утро и подсветки не требовалось.

В парке не было ни души. Только она одна. Тогда я не знал, сколько ей было лет. Теперь думаю — чуть меньше тридцати. Это была самая красивая женщина из всех, кого я видел в своей жизни. И самая необычная. Начнем с того, что она была одета в костюм Коломбины.

Тело ее обтягивал комбинезон, разрисованный черными и красными ромбами. Она сидела, ссутулившись, грустно глядя на асфальт под ногами.

Я смотрел на нее словно вор. Я только что сделал открытие, что взрослые женщины могут быть гораздо красивее сверстниц-девчонок. Ее лицо казалось идеальным. Я не мог оторвать от нее взгляда. Сейчас я бы назвал ее лицо аристократичным. Впрочем, тогда меня потрясла не только красота. Она была такой грустной, что у меня защемило сердце. «Отчего она так страдает?» — думал я.

И тут Коломбина меня заметила.

— Привет, лисенок, охотишься? — она чуть улыбнулась, но грусть ее при этом никуда не делась.

Она смотрела на меня в упор, и я словно заколдованный произнес:

— Вы такая красивая! Вы самая красивая на свете!

Она протянула мне руку в красной перчатке, я подошел и легко пожал ее.

— Ты можешь посидеть со мной, если хочешь. В прозрачной реке время останавливается.

Я не понял, что она имела в виду, но с удовольствием сел рядом, хотя и чувствовал себя немного скованным.

— У меня сегодня странный день. Никак не могу собрать росу, упавшую вне ресниц.

— Я вас не понимаю, — улыбнулся я.

— Ты ведь тоже думал о росе и ресницах, когда спас лисенка?

В этот момент я подумал, что, возможно, она сумасшедшая. Мне стало страшно. Но не столько за себя, сколько оттого, что сумасшедшими, оказывается, могут быть даже такие красавицы, принцессы.

— Какого лисенка? — спросил я.

— Железные зубы, запах резины, крик вороны. Признайся, что в тот момент время для тебя тоже остановилось.

Я промолчал.

— Тебе не в чем себя обвинять и нечего бояться. Время становится стеклянным всякий раз, когда вступаешь в водоворот отражений.

— А почему вы так странно одеты? — спросил я. — Вы работаете в парке развлечений?

— Глупости, лисенок. Я одета в такую же кожу, как и ты. Только в женскую. А что касается развлечений, то мы все ими работаем. То развлечениями, то огорчениями.

— Вы такая красивая! — снова сказал я.

— Это потому что с меня еще не содрали шипы.

— Что это значит?

— Тебе какие больше розы нравятся: стеклянные или бумажные?

— Обычные.

— Обычными бывают только ромашки.

— Ну, живые.

— А живые без шипов невозможны. Скажи, зачем их сди-

рать? Только для того, чтобы было приятней трогать? А ты знаешь, например, что у черной розы усыпляющий аромат?

— Нет.

— А что сон — это зеркальное отражение наших несовершенных поступков?

Она окончательно меня запутала. Я еще никогда не встречал человека, говорящего такие загадочные вещи.

— Если я ныряю в отражение, то выхожу из зеркала уже совсем другой, понимаешь? Словно с меня смыли весь мой естественный запах. Словно отрезали живые шипы.

Я кивнул, хотя и не понял ни слова.

— Скажите, почему вы такая грустная?

— Подсолнуху лилия кажется грустной только потому, что сам он не бледен.

— Вы так загадочно говорите. Мне ничего не удается понять.

— Это как слушать звуки из морской раковины, лисенок. Слышишь либо шум, либо голос вселенной.

— Мне бы хотелось, чтобы вы улыбнулись. Хотите, я покажу карточные фокусы, которым выучился у приятеля?

— Давай. Я даже дам тебе колоду.

Она протянула мне колоду, но это были не те карты, к которым я привык. Теперь я знаю, что Коломбина дала мне карты Таро. Но тогда... тогда я смотрел на них во все глаза от удивления.

— Никогда не видел таких карт.

Внезапно раздался очень тревожный звук. Даже не звук — мелодия. Играли на какой-то дудочке. Музыка была очень тоскливой. Когда она послышалась, Коломбина погрузнела еще больше.

— Мы еще увидимся. Если захочешь. Сейчас мне надо идти.

Она встала и пошла к дальнему черно-красному шатру, неживой походкой. Словно кукла-марионетка.

Мне очень хотелось сказать ей на прощание что-нибудь значимое и взрослое. Я немного подумал и, прежде чем она успела скрыться в шатре, крикнул:

— Берегите свои шипы!

Коломбина не оглянулась. Она вошла в шатер как-то незаметно, словно нырнула в него. Только стояла, и вот ее уже нет.

Я поплелся домой, решив прогулять и остальные уроки тоже. В школу теперь идти совсем не хотелось. Я мог думать только о Коломбине. Не отпустили мысли о ней меня и ночью. Лежа в кровати, я вспоминал ее грустные черные глаза.

— Это как слушать звуки из морской раковины, лисенок. Слышишь либо шум, либо голос вселенной, — повторил я ее слова, глядя в темноту.

Интересно, почему же она все-таки такая грустная?

Спал я плохо. Всю ночь мне снился странный мучительный сон о красивой розе. Эта роза была живая. Она умела говорить, петь и танцевать. У нее был длинный зеленый стебель, украшенный большими острыми шипами и огромный черно-красный бутон, лепестки которого были покрыты росой. От розы шел изумительно вкусный запах: смесь имбиря и мака, этот запах усыплял. Роза рассказывала мне красивые истории о далеких загадочных землях, и вскоре я понял, что начинаю в нее влюбляться. Я хотел ее поцеловать, но вдруг откуда-то с неба появились две огромные черные руки и схватили мою розу. Одна рука держала ее за лепестки, а вторая отдирала ей шипы железными клещами. Роза плакала, крупные прозрачные слезы падали на землю. Я попытался ей помочь, выхватить ее из черных рук, но тут передо мной возникло страшное, искаженное гримасой мужское лицо в черном колпаке, и я проснулся.

Нужно было идти в школу — ожидался диктант по русскому языку. Прогуливать его было опасно. И все же вместо уроков я снова отправился к своей Коломбине. После кошмарного сна я очень за нее волновался.

Я снова прошел мимо спортзала и продуктового магазина, опять вышел в парк аттракционов. Моя Коломбина сидела на той же скамейке, так же грустно глядя себе под ноги.

Я подошел и сел с нею рядом.

— А, лисенок, привет! — сказала она.

— Как ваши дела?

— Все так же. Как у восковой девочки, танцующей над вулканом. Послушай, а разве такие лисята, как ты, не должны по утрам ходить в школу?

— Сегодня там нет уроков, — соврал я.

Она промолчала.

— Скажите, а этот парк аттракционов... откуда он взялся? Такой необычный...

— Тебе он не нравится?

— Странный он какой-то. Почему здесь никогда нет ни одного человека? — Я внимательно огляделся по сторонам. — И даже животных нет! Ни собак, ни кошек, ни воробьев. И зачем все подсвечивается огоньками, хотя сейчас утро и очень светло?

— Если ты не видишь людей, это еще не значит, что их здесь нет. Кроме того, некоторым нужно освещать дорогу, даже когда светит солнце.

Я некоторое время помолчал, раздумывая над ее очередной загадкой.

— Мне сегодня приснилось, будто вы роза и вас схватили две черные руки.

— Тебе снился Черный Арлекин, лисенок?

— Кто?

— Тот, кто управляет мирами и водит нас за ниточки.

— Нет, не думаю. Просто какой-то очень злой тип в колпаке с бубенчиками.

— Старайся не танцевать в таких снах.

Снова головоломка!

Я посмотрел в ее глаза, и мне вспомнилось, как плакала во сне роза.

— Вы такая грустная, мне бы так хотелось чем-нибудь вам помочь! Мне кажется, вы не очень-то счастливы в этом парке развлечений. Может быть вам отсюда уйти?

— Иногда куда бы ты ни шел, все равно оказываешься там, откуда хотел уйти.

— Этот Арлекин, он что, директор вашего парка?

Она промолчала, но, как мне показалось, слегка улыбнулась. Правда, это была очень горькая улыбка.

— Почему бы вам не уволиться? Вы такая красивая, я уверен, вы могли бы пойти работать актрисой или, скажем, певицей.

Она опять промолчала. А я не знал, что мне сделать, как ее развеселить. Весь мир вдруг стал казаться мне таким сложным.

Снова заиграла флейта. Коломбина тут же встала и медленно пошла к шатру, в котором вчера исчезла.

— Можно я пойду с вами? — спросил я.

— Нет, лисенок, твои линии ведут тебя совсем в другую сторону. К счастью.

— А что это за музыка? Кто это играет?

— Тот, кто управляет нитями, мой хороший.

Она подошла к шатру, нырнула в него и снова исчезла. И как ей это только удавалось?

Я остановился в двух шагах от шатра и около минуты на него смотрел. Но войти так и не решился. Более того, мне стало казаться, будто ткань шатра живая, будто она шевелится и дышит. В голове тут же возникла страшная мужская рожа из сна.

Я снова побрел домой, решив, что приду к Коломбине вечером.

Но вечером прийти не удалось. Родители устроили скандал. Оказывается, пока меня не было, им звонила моя классная и доложила, что я уже второй день не хожу в школу. Пришлось долго оправдываться. Я соврал, что все эти дни ходил гулять в березовую рощу, поскольку соскучился по каникулам. Мама сказала, что об обещанном на день рождения игрушечном пирате теперь можно забыть. Но меня это не волновало.

Ночью мне приснилась Коломбина. Я очень хорошо помню этот сон: она идет по тонкой, натянутой высоко над землей веревке. Под ней — выложенная из камней шахматная доска. Стоит ей сделать неверный шаг, она упадет и погибнет.

Утром, несмотря на все опасности, я украл у родителей ключ от нашего дачного домика и опять пошел в парк развлечений.

Я решил убедить Коломбину, что ей обязательно нужно уволиться, и если ей негде жить, как и всем бродячим артистам, то она пока может пожить у нас на даче, поскольку мы все равно до лета туда не поедem. Мне очень хотелось как-нибудь ей помочь.

Но когда я пришел, все аттракционы из парка куда-то исчезли. Не было больше ни каруселей в виде волшебников, ни качелей-драконов, ни зеленого шатра. А что особенно удивительно — исчезла даже скамейка, на которой мы с Коломбиной вместе сидели. Сердце мое забилося как сумасшедшее. Мне вдруг стало так горько, что я разрыдался.

* * *

Я приходил в этот парк целый год, но она так и не появилась.

Потом мы с родителями переехали в другой район. Я начал

активно учиться, влюбился в одноклассницу, стал заниматься спортом.

Вспомнил о ней только спустя пятнадцать лет, когда, прогуливаясь в лесу, вдруг наткнулся на сидящего возле железного капкана лисенка.

Он сидел в двух шагах от смертоносной ловушки. Мне хотелось спасти его. Такого маленького, беззащитного.

Я почувствовал запах своих резиновых сапог, резко закричала ворона, лисенок дернулся к капкану, и в этот момент я подхватил его на руки и спас от острых железных зубов.

Лисенок не кусал меня и не пробовал вырваться, он смотрел мне в глаза, нежно, как домашний щенок.

Ресницы его дрожали, трава под ногами была пропитана росой.

СМЕРТЬ ЗА ХРИСТА

Сведения, дошедшие до нас о жизни священномученика Петра Черевковского, к сожалению, весьма скудны. Архивные документы сохранили только подробности о его мученической кончине, рассказы о его посмертных чудесах, а также о явлении его чудотворной иконы.

Годами батюшка, не жалея сил и трудов, служил Богу, утешал малодушных, вразумлял строптивых, добрым и ласковым словом врачевал душевные недуги своих словесных овец. Все его любили и молились о нем, однако жизнь старца близилась к закату.

Между тем на Русь пришла беда — Отечество подверглось нашествию польско-литовских интервентов. Многочисленные вооруженные банды, словно стаи злых и голодных волков, терзали русский народ. Пылали деревни и села, лилась кровь ни в чем не повинных людей. Ляхи (так в народе звали супостатов) не щадили даже малых детишек, убивая их на глазах несчастных родителей.

Одна из таких банд грабителей-ляхов под предводительством атамана Яцкого бесчинствовала в северных пределах Руси. В лютую зимнюю стужу, направляясь в сторону Великого Устюга, она неожиданно напала на Черевково.

— Вот она, добыча! — заорал атаман, увидев красивую церковь. — Зараз обогатимся!

— Разорим дотла! — подхватили его сообщники.

Спешившись с лошадей, бандиты ворвались в церковь, где шла воскресная Божественная Литургия.

— Иже Херувими, тайно образующе... — вступили певчие, но пение оборвалось из-за топота многих ног и грубых криков:

— Прочь с дороги!

При виде бесчинных бандитов людей охватил ужас.

Однако старенький священник, совершавший богослужение, не дрогнул, не прервал своей молитвы. Слухи о грабителях-ляхах — врагах христианской веры — давно ходили по округе. Батюшка тихо прошептал: «Господи, помилуй этих нечестивцев, ибо не ведают, что творят».

В следующую секунду бандиты ворвались в алтарь.

— Подавай сюда золото! — потребовал атаман, обращаясь к отцу Петру.

— У меня его нет, — ровным спокойным голосом ответил батюшка.

— Черевковская церковь — самая богатая в округе, значит, золото должно быть!

— Да, оно было.

— А куда делось?

— Мы отдали его Козьме Минину и князю Пожарскому, чтобы побыстрее изгнать вас, супостатов, с Русской Земли!

Атаман взмахнул нагайкой — на лице священника заалел кровавый рубец.

В этот момент ударил церковный колокол; звуки набата походили на гром среди ясного неба. «Это мой зять Димитрий-Копыто старается, — подумал отец Петр. — Помоги ему, Господи!»

Яцкой рукой дал знак одному из ляхов. Тот быстрым шагом покинул алтарь. Через минуту звук колокола резко оборвался — так замолкает песня лесной птицы, оборванная выстрелом охотника.

— Готово! — еще через минуту доложил лях, войдя в алтарь и опуская окровавленную саблю в ножны.

Атаман нетерпеливо переступил с ноги на ногу, а потом вплотную подошел к отцу Петру и взял его за бороду.

— Куда спрятал золото, сивобородый?

— Я его не прятал, потому что у меня его нет.

— Ты лжешь, старик!

Яцкой дернул отца Петра за бороду, вырвав при этом клоч седых волос.

— Я ни разу в своей жизни не лгал, — молвил батюшка.

— Если не скажешь, где оно спрятано, тебя ждет лютая смерть.

Яцкой сделал шаг назад.

— Смерть за Христа для меня не потеря, а приобретение! — Отец Петр сжал ладонями свой священнический наперсный крест. Лицо его засияло неземным светом. — Я всю жизнь служу Господу и только Его боюсь. Можешь ли устрашить меня ты, жалкий слуга сатаны!

Лицо атамана исказила гримаса дикой злобы.

Бандиты, словно дикие звери, набросились на священника и стали его избивать; отец Петр, не выпуская из рук креста, упал.

Храм шумел, как потревоженный улей.

— Душегубы!

— Разбойники!

— Тати!

— Святотатцы! — раздавались голоса из толпы, становясь все громче и громче.

— Очистить церковь! — приказал Яцкой.

Засвистели нагайки. Удары сыпались на головы, плечи, руки и спины прихожан. Как ни сопротивлялись сельчане, как ни кричали, как ни взывали к совести супостатов, ничто не помогало, и вскоре храм опустел.

Начался грабеж: бандиты, разоряя святой алтарь, забрали богослужебные сосуды, напрестольный крест, Евангелие; порушили святой престол, надеясь найти под ним клад, но там ничего не было. Святые образа, написанные искусными изографами, бандиты бросали на пол; если на иконе был серебряный оклад, они грубо срывали его.

Между тем двое дюжих ляхов схватили окровавленного батюшку за руки и выволокли на улицу.

Народ ахнул, женщины запричитали.

Атаман кивком головы отдал распоряжение.

Палачи накинули петлю на ноги священника, а конец веревки привязали к седлу вороного жеребца.

— Изверги! — чей то тонкий голос потонул в нестройном ропоте толпы.

Один из ляхов вскочил в седло и дал жеребцу шпоры. Тот стрелой помчался по сельской улице, влача за собой тело страдальца. От страшной боли отец Петр потерял сознание, а через секунду его душа отошла ко Господу.

Так окончил свою земную жизнь скромный и добрый сельский батюшка, мужественный защитник Христовой веры.

Это произошло в конце января 1613 года.

Своего любимого пастыря сельчане погребли на приходском кладбище, около алтаря Никольского храма.

Вскоре страдания русского народа закончились: ополчение ратных людей под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, вдохновленное призывом Святейшего Патриарха Гермогена, освободило Русскую Землю от ненавистных супостатов.

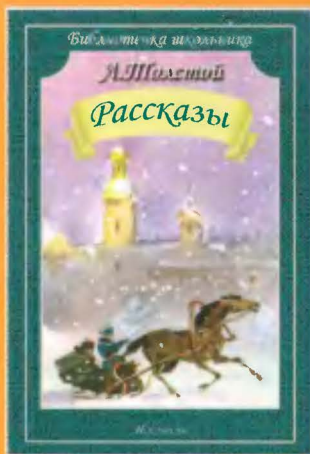
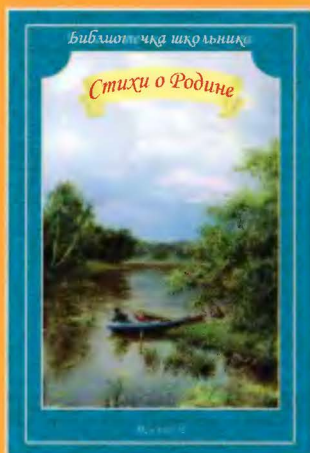
НЕВАЛЯШКА — КНИГИ НА КАРТОНЕ

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

